

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2019. Т. 27(1–4). № 2

ISSN 1999-9917

Научный журнал.

Издается с июля 1993 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-74889 от 11.02.2019.

Главный редактор А. А. Крымов

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

<https://mcp.editorum.ru/>

Дата выхода в свет 28.06.2019. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России» – 73800;
интернет-каталог «Российская периодика» (www.aipk.org) – 73800.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

Российский индекс научного цитирования;
КиберЛенинка;

Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук.

© Академия ФСИН России, 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Крымов Александр Александрович,
главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Аксенова Галина Ивановна,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Антонян Юрий Миранович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Блинков Олег Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Гаврилов Борис Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Кашуба Юрий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Лебедев Семен Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Наумов Анатолий Валентинович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Огородников Владимир Иванович,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Плешаков Владимир Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Поздняков Вячеслав Михайлович,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Полищук Николай Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Поникаров Владимир Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Ромашов Роман Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Старостин Сергей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сухов Анатолий Николаевич,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Тюгаева Нина Алексеевна,
доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань)

Черемисова Ирина Валерьяновна,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Черный Евгений Владимирович,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Чистяков Алексей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Шаталов Александр Семенович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Юнусов Абдулжабар Агабалаевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

EDITORIAL BOARD

- Krymov Aleksandr Aleksandrovich,**
Editor-in-chief, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Aksenova Galina Ivanovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Antonjan Jurij Miranovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Blinkov Oleg Evgen'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Gavrilov Boris Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Kashuba Jurij Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Lebedev Semen Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Naumov Anatolij Valentinovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Ogorodnikov Vladimir Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor (Russia, Ryazan)
- Pleshakov Vladimir Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Pozdnjakov Vjacheslav Mihajlovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Polishhuk Nikolaj Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Ponikarov Vladimir Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Romashov Roman Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, St. Petersburg)
- Starostin Sergej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Suhov Anatolij Nikolaevich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Tjugueva Nina Alekseevna,**
Doctor of Pedagogic Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Cheremisova Irina Valer'janovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Volgograd)
- Chernyj Evgenij Vladimirovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Simferopol)
- Chistjakov Aleksej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Shatalov Aleksandr Semenovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Junusov Abdulzhabar Agabalaevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

В фокусе приоритетного внимания любого государства постоянно находится проблема преступности. Она очень давняя и чрезвычайно серьезная, в силу этого постоянно требует научного осмысления. Разумный человек всегда властен над своими поступками. Но иногда, особенно в условиях социальной неустроенности, разламывающих общество противоречий и конфликтов, он совершает поступки, противоречащие закону. Предупредить, уберечь, помочь – в этом и состоит цель, во имя и ради которой создан журнал «Человек: преступление и наказание». Слово «человек» в его наименовании не является терминологической новацией. Человек в сфере действия уголовной юстиции в широком смысле – вот магистральная и основная проблематика журнала. К ее освещению и раскрытию во всем многообразии возможных аспектов приглашаются правоведаы, управленцы, психологи, педагоги, философы, социологи, религиозные деятели, медики-психиатры – все, кого интересуют и волнуют человеческие проблемы в таком их специфическом понимании. Важными направлениями деятельности журнала являются публикация результатов междисциплинарных исследований по вопросам модернизации систем исполнения наказаний, уголовно-исполнительной политики, участия в этом процессе гражданского общества, защиты прав и законных интересов осужденных, объединение усилий ученых различных стран в решении общих пенитенциарных проблем.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций; свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями; соблюдение международных этических редакционных правил.

Journal mission

The problem of crime is always in the focus of priority attention of any state. It is very old and extremely serious, that is why it constantly requires scientific understanding. A reasonable man can always control his actions. But sometimes, especially in conditions of social disorder, breaking the society of contradictions and conflicts, he commits acts against the law. To warn, to protect, to help is the purpose for which the journal “Man: crime and punishment” was created. The word “man” is not a terminological innovation. A man in the sphere of criminal justice in a broad sense is the main problem of the journal. Lawyers, managers, psychologists, teachers, philosophers, sociologists, religious leaders, physicians, psychiatrists and all who are interested and concerned about human problems in such specific understanding are invited to cover and disclose it in a variety of possible aspects. Important activities of the journal are the publication of the interdisciplinary research results on the modernization of penal systems, penal policy, participation of civil society in this process, the protection of the rights and legitimate interests of convicts and combining the efforts of scientists from different countries in solving common prison problems.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement; free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange; compliance with international ethical editorial rules.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 136** *Артемьев Н. С.* О результатах криминологического исследования преступности в сфере семейно-бытовых отношений
- 140** *Белонос В. О.* Современное состояние уголовно-процессуального законодательства в России
- 155** *Каплунов А. И., Гришин Д. А.* О новеллах и путях совершенствования законодательства, регламентирующего право сотрудников уголовно-исполнительной системы на применение огнестрельного оружия

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 163** *Шурухнов Н. Г.* Отдельные положения международных актов, регламентирующие условия содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

- 169** *Шепталин А. А.* Генезис и эволюция института наказания в первобытном обществе
- 190** *Киселев А. М., Киселев М. В.* Пятидесятилетний путь развития института государственной защиты свидетелей в мире и пути его реализации в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации
- 199** *Поникаров С. В.* Эволюционное становление и развитие правоохранительной деятельности подразделений специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 209** *Миронов Р. Г., Щербаков А. В.* Современное состояние функционирования уголовно-исполнительной системы
- 220** *Долинин А. Ю.* Повышение эффективности регламентации служебной деятельности сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 226** *Благов Е. В.* О группе лиц в уголовном праве
- 233** *Громов В. Г.* Женская преступность: вопросы детерминации и предупреждения
- 238** *Мяханова А. Н., Эрхитуева Т. И.* Некоторые пробелы в применении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в отношении несовершеннолетних

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 243** *Смирнов А. М.* Криминологические проблемы феномена «оправдание зла»
- 249** *Волоткевич О. В.* Временное пространство личности: временная перспектива несовершеннолетних осужденных без лишения свободы

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

SCIENCE FORUM

- 259** *Artem'ev N. S.* About the results of criminological research of crime in the sphere of family and household relations
- 259** *Belonosov V. O.* The current state of criminal procedure legislative drafting in Russia
- 260** *Kaplunov A. I., Grishin D. A.* About novelties and ways of improvement of the legislation regulating the rights of penal staff to use firearms

ABROAD

- 262** *Shuruhnov N. G.* Certain provisions of international acts governing the conditions of suspects and accused persons' detention

TIME LENS

- 263** *Sheptalin A. A.* Genesis and evolution of the institution of punishment in primitive society
- 265** *Kiselev A. M., Kiselev M. V.* Fifty-year path of the Institute of witnesses state protection development in the world and its implementation in the penal system of the Russian Federation
- 266** *Ponikarov S. V.* Evolutionary formation and development of law enforcement activities of special purpose units of institutions and bodies functioning in the field of execution of criminal penalties

MANAGEMENT VECTOR

- 267** *Mironov R. G., Shcherbakov A. V.* The current state of the penal system functioning
- 270** *Dolinin A. Yu.* Increasing of efficiency regulation of the employees of the Federal penitentiary service official activity

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 271** *Blagov E. V.* About the group of persons in criminal law
- 272** *Gromov V. G.* Women's crime: issues of determination and prevention
- 273** *Myahanova A. N., Erhitueva T. I.* Some gaps in the parole application for juveniles

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 274** *Smirnov A. M.* Criminological problems of the phenomenon «justification of evil»
- 275** *Volotkevich O. V.* Temporary space of the person: time perspective of juvenile convicts without deprivation of liberty

УДК 343.97

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.136-139

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ АРТЕМЬЕВ,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры криминологии и организации профилактики преступлений,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: editor62@yandex.ru

О РЕЗУЛЬТАТАХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Для цитирования

Артемьев, Н. С. О результатах криминологического исследования преступности в сфере семейно-бытовых отношений / Н. С. Артемьев // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 2. – С. 136–139. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.136-139.

Аннотация. Актуальность проблемы предупреждения преступлений в сфере семейно-бытовых отношений состоит в том, что среди них имеют место умышленные убийства, причинение тяжкого вреда здоровью. Кроме того, данные преступления оказывают негативное влияние на детей и подростков, которые являются постоянными очевидцами конфликтов, скандалов между родителями, родственниками, соседями. В связи с этим для разработки эффективных предупредительных мер по предупреждению преступлений в сфере семейно-бытовых отношений необходимо проведение криминологического исследования данного вида преступности. Представленные в статье сведения о характере этих преступлений и лицах, их совершивших, получены в результате проведенного исследования по специально разработанной автором программе. На основании их обобщения и изучения предлагается ряд мер, которые должны составлять комплекс предупредительно-профилактических мероприятий по предупреждению насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений.

Ключевые слова: преступность в сфере семейно-бытовых отношений, криминологическое исследование, программа криминологического исследования.

Актуальность проблемы предупреждения преступлений в сфере семейно-бытовых отношений состоит в том, что среди них имеют место умышленные убийства, причинение тяжкого вреда здоровью. Кроме того, данные преступления оказывают негативное влияние на детей и подростков, которые являются постоянными очевидцами

© Артемьев Н. С., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

конфликтов, скандалов между родителями, родственниками, соседями. В связи с этим для разработки эффективных предупредительных мер по предупреждению преступлений в сфере семейно-бытовых отношений необходимо проведение криминологического исследования данного вида преступности.

Исследование проводилось по специально разработанной программе, в которой нашли отражение следующие сведения о лицах, совершивших преступление на семейно-бытовой почве: фамилия, имя, отчество; пол; возраст; образование; судимость; квалификация и краткое описание совершенного преступления; время суток; местность; место совершения преступления; мотив и цель преступления; умысел; отношение к потерпевшему; орудия преступления; действия потерпевшего в отношении лица, совершившего преступление; жилищно-бытовые условия ко времени совершения преступления; характеристика по месту жительства; характеристика органов полиции о поведении; проведение свободного времени; отношение в семье осужденного; наличие сигналов от потерпевших о неправильном образе жизни лица, совершившего преступление; место работы или учебы; род занятий; характеристика по месту работы; реакция администрации и общественных организаций на факт совершения преступления; стаж на последнем месте работы; информация об увольнении (если уволен, то по какой причине); отношение к труду; участие в общественной жизни коллектива.

В ходе проведенного исследования нами были получены следующие результаты.

Состав лиц, совершивших преступления в сфере семейно-бытовых отношений:

а) по полу – мужчины – 95 %, женщины – 5 %;

б) по возрасту – 14–18 лет – 10 %; 19–24 года – 15,5; 25–29 лет – 15,5; 30–40 лет – 40; старше 40 лет – 17,5 %.

Больше половины преступлений совершили лица старше 30 лет (57,5 %). Из числа лиц, совершивших умышленные убийства, покушение на убийства, причинение тяжкого вреда здоровью на семейно-бытовой почве, ранее судимые составили 46,5 %, причем специальный рецидив среди них невелик – 7,5 %.

Практический интерес представляют сведения о распределении семейно-бытовых преступлений по времени суток и месту совершения: утром и днем их совершено 24,5 %, вечером – 67,5 и ночью – 8 %; в квартирах, частных домах и общежитиях – 61 %, во дворах – 8,5 %. Большинство преступлений этой категории (53,5 %) совершены в выходные и праздничные дни.

Чаще всего преступления в сфере семейно-бытовых отношений были совершены в городах и поселках городского типа – 68 %, в сельской местности – 32 %.

Подавляющая часть потерпевших (92,5 %) – это лица, так или иначе связанные с преступниками. Они являлись их знакомыми, односельчанами, соседями, сослуживцами или родственниками, в том числе близкими. Следует отметить, что умысел у большинства из них (89,5 %) возник внезапно (непредумышленно), то есть заранее виновными эти преступления не готовились, или умысел возникал в очень короткий промежуток времени до совершения преступления и развивался быстро. Поводом к совершению значительной части указанных преступлений послужило неправильное, а порой недостойное поведение потерпевшего (загнул ссору – 40,5 %, оскорблял – 10, издевался – 6,5 %).

Почти все орудия, примененные преступниками, не были специально предназначены для нападения и имели, главным образом, бытовое назначение (70,5 %) или были случайными предметами (кол, палка, полено, камень и др. (11,5 %).

Совершению умышленного убийства и причинению тяжкого вреда здоровью в ряде случаев предшествовали конфликты между преступником и потерпевшим, мотивы которых различны: неприязненные отношения в семье – 24,5 %, ревность – 20,5 % и т. д.

При обследовании жилищно-бытовых условий установлено, что 33,5 % лиц жили в отдельных квартирах, 28,5 – частных домах, 21 – общежитиях и 17 % – в общих квартирах, то есть 62 % совершивших преступления проживали в отдельных квартирах и частных домах, где пресечение действий преступников крайне затруднительно, особенно при внезапно возникшем конфликте.

Небезынтересны данные о характеристике этих лиц по месту жительства и работы. Более половины из них отрицательно характеризовались по месту жительства – 54,5 % и по месту работы – 58 %, однако только 22,5 % этих лиц были осуждены за факты правонарушений на собраниях коллективов трудящихся предприятий, учреждений, где они работали.

Значительное число лиц (30,5 %) подверглись административному воздействию со стороны органов полиции, между тем систематической воспитательной работы с ними не проводилось, хотя в органы полиции, прокуратуру, суд, на предприятия поступали ранее сигналы от потерпевших о неправильном образе жизни совершивших умышленные убийства, покушение на убийства и причинение тяжкого вреда здоровью – 17 %, в том числе в органы полиции – 9,5 %.

Большинство совершивших преступления имели семью и постоянную работу, однако трудовой стаж их был, как правило, невелик. Преступления совершили главным образом те лица, которые или недавно пришли на производство и не получили постоянного трудового воспитания, или те, которые переходили по разным причинам, в основном неуважительным, с работы на работу, нигде не испытав позитивного воздействия коллектива.

Свыше 5 лет на последнем месте работы трудились 16,5 %, до 2 лет – 66 %. Культурный уровень лиц, совершивших убийства, покушения на убийства и причинение тяжкого вреда здоровью по семейно-бытовым мотивам достаточно низок: 3,3 % – были безграмотными, 23,5 – имели начальное образование, 12,5 – среднее, 1 % – высшее.

Как известно, уровень образованности определяется не только наличием образования, но и идейностью, широтой кругозора, воспитанностью и рядом других непрременных черт, характеризующих культурного человека. Между тем в ходе исследования выявлено, что эти лица не принимали участия в общественной жизни коллектива – 85 %, не посещали театры – 2,5, не читали книги – 23,5 %. Низкий уровень культуры – основная черта, характеризующая лиц, совершивших преступления в сфере семейно-бытовых отношений.

Отличительной чертой данной категории преступников является также то, что в момент совершения преступления они находились в состоянии алкогольного опьянения (90,5 %), причем в ряде случаев бытовые конфликты, ставшие поводом для совершения преступлений, были связаны с пьянством, наркоманией или отысканием правонарушителями средств для приобретения спиртных напитков или наркотических средств.

После тщательного изучения (исследования) причин и условий, способствующих совершению преступлений в сфере семейно-бытовых отношений, считаем необходимым разработать комплекс предупредительно-профилактических мероприятий по предупреждению насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений, предусматривающих:

– совершенствование предупредительно-профилактических мероприятий, улучшение взаимодействия всех служб органов внутренних дел (полиции) с целью профилактики этих преступлений;

– резкое повышение уровня работы по выявлению лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений в сфере семейно-бытовых отношений;

– активизацию индивидуальной предупредительно-профилактической работы с лицами, взятыми органами полиции на учет;

– широкое использование общественности и коллективов трудящихся в перевоспитании семейно-бытовых правонарушителей (внештатные сотрудники полиции, члены добровольных народных дружин, создание на каждом предприятии, учреждении товарищеских судов и т. д.);

– принятие незамедлительных мер по заявлениям об угрозе убийством с целью его предотвращения, передачу следователю в суточный срок собранных материалов проверки для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Добросовестная работа полиции, основанная на глубоком изучении причин и условий, способствующих совершению и распространению преступлений в сфере семейно-бытовых отношений, творческое отыскание новых и совершенствование существующих форм и методов предупреждения совершения данных преступлений позволят значительно улучшить их профилактику, что в конечном счете положительно повлияет на укрепление правопорядка в стране.

Библиографический список

1. Сердюк С. В. Насилие криминологическое и уголовно-правовое // Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2008. 912 с.

2. Артемьев Н. С. Криминологическое исследование поведения потерпевших при совершении преступлений в сфере семейно-бытовых отношений // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26(1–4), № 1. С. 22–28.

УДК 343.13(470)

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.140-154

ВЛАДИМИР ОЛЕГОВИЧ БЕЛОНОСОВ,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Самарский юридический институт ФСИН России,
г. Самара, Российская Федерация,
e-mail: vladimirbelonosov@yandex.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В РОССИИ

Для цитирования

Белоносов, В. О. Современное состояние уголовно-процессуального законодательства в России / В. О. Белоносов // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 2. – С. 140–154. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.140-154.

Аннотация. В статье анализируется современное состояние уголовно-процессуального законодательства (2017–2018) на предмет оценки эффективности вновь вводимого уголовно-процессуального регулирования и его характеристик. Интерес к теме вызван принятием в 2014 году 31 федерального закона, изменившего Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, и 4 постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, внесших коррективы в названный Кодекс. Ежемесячное принятие в этот год по 2,9 нормативно-правового акта с целью изменить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации имело ряд отрицательных последствий. Это явление автор называет гиперактивным уголовно-процессуальным законодательством, которое по своим характеристикам не соответствует обычному совершенствованию закона, описанному в теории права. Для изучения этого явления использованы как общенаучные методы юридического познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия), так и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, формально-логическое толкование норм уголовно-процессуального права).

Вопросом комплексного анализа всех вносимых в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации изменений в уголовно-процессуальной науке до настоящего времени никто не занимался, хотя многие авторы подвергали анализу только единичные нормативные изменения, из которых нельзя было сделать вывод об их гиперактивном характере. Несмотря на чрезмерно большое количество изменений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, он не стал лучше. Сегодня уже никто не спорит о том, что в нем много несовершенств и изъянов. Однако изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Фе-

---

© Белоносов В. О., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

дерации следует вносить не посредством конъюнктурного гиперактивного законоотворчества, а используя вдумчивый, фундаментальный, комплексный подход.

Ключевые слова: уголовный процесс, законоотворчество, внесение поправок, статья, пробел, противоречие.

Мы продолжаем ежегодный анализ изменений уголовно-процессуального законодательства с целью определения эффективности вновь вводимого уголовно-процессуального регулирования и его качественных характеристик. Причиной нашего внимания к уголовно-процессуальному законоотворчеству стало принятие в 2014 г. 31 федерального закона и 4 постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, которые внесли большое количество изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), что сильно дестабилизировало законодательство. В тот год принималось ежемесячно по 2,9 нормативно-правового акта. Такое явление мы назвали гиперактивным уголовно-процессуальным законоотворчеством, так как это не обычное совершенствование законов, описанное в юридической литературе, а принципиально новое явление с присущими ему специфическими свойствами. Для его исследования мы использовали как общенаучные методы юридического познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия), так и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, формально-логическое толкование норм уголовно-процессуального права).

Вопросом комплексного анализа всех вносимых в УПК РФ законодательных изменений до настоящего времени в уголовно-процессуальной науке никто не занимался, хотя многие авторы подвергали анализу изменения отдельных норм УПК РФ, из которых нельзя было сделать вывод о гиперактивном характере этих изменений.

С 2016 г. мы ввели в практику ежегодную публикацию аналитических статей по этому вопросу для привлечения внимания к этой проблеме [1, 2, 3].

За 17 лет существования (с декабря 2001 по декабрь 2018 г.) УПК РФ изменялся 246 законами и корректировался 27 постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации, в результате чего получили принципиально другой УПК РФ, коренным образом отличающийся от принятого в 2001 г. В нем каждая норма изменена более 4 раз, а некоторые (ст. 39, 31, 150, 151 и др.) – ежегодно по многу раз.

Представляет интерес динамика законоотворческого процесса. В 2002 г. принято 5 законов, в 2003 – 5, 2004 – 4, 2005 – 1, 2006 – 7, 2007 – 11, 2008 – 6, 2009 – 13, 2010 – 25, 2011 – 21, 2012 – 18, 2013 – 27, 2014 – 31, 2015 – 17, 2016 – 19, 2017 – 18, 2018 – 20. Пик гиперактивного законоотворчества приходится на 2014 г.

Настораживает практика принятия по многу уголовно-процессуальных законов в день, например, по 6 (как это было 23 июля 2013 г., 5 мая 2014 г., 27 декабря 2018 г.), по 7 законов (21 июля и 31 декабря 2014 г., 3 июля 2016 г.), не говоря уже о случаях принятия от 2 до 5 законов в день. Не является ли это свидетельством поточного метода или выполнения какого-то плана, особенно если такие даты приходятся на конец года? Можно ли быть уверенным, что такие изменения хорошо подготовлены? Именно таким способом принято 63 % законов.

После 2014 г. количество законов, вносящих изменения в УПК РФ, стало снижаться, тем не менее оно продолжает оставаться высоким и неустойчивым. В 2018 г. по сравнению с 2017 г. отмечен небольшой рост законоотворчества, который составил 1,7 закона ежемесячно. Все это свидетельствует о нестабильности законодательства, отрицательно влияющей на правоприменение, обучение, издание учебной литературы. Так, сегодня

практически невозможно найти правоприменителя, который уверенно знает УПК РФ. Преподаватели уголовно-процессуального права также вынуждены быть начеку и ежегодно вносить изменения в учебные материалы, чтобы соответствовать современным требованиям законодательства. В магазинах невозможно купить УПК РФ с последними изменениями, так как он устаревает еще в момент подготовки к изданию. По этой же причине в учебниках по уголовно-процессуальному праву излагается материал в самом общем виде без подробной детализации.

Сложность создавшегося положения осознается даже самим законодателем. В связи с этим 22 апреля 2016 г. в Совете Федерации было проведено парламентское слушание по вопросу усовершенствования УПК РФ. Его участники не только согласились с имеющимися трудностями, но и признали, что хаотичное внесение поправок в уголовно-процессуальное законодательство в последние годы нарушает его внутреннюю логику, искажает смысл норм и институтов, часто отражает ведомственные интересы, что подрывает стабильность законодательства и уважительное отношение к закону [4, с. 11]. Кроме констатации неудовлетворительного положения дел депутаты высказали предложение ужесточить практику внесения изменений в УПК РФ – не более 1 раза в год и пообещали, что их предложение произведет настоящую революцию в современном уголовном процессе.

Никто от сенаторов никакой революции всерьез не ожидал: сенаторы и революция – вещи несовместимые, но и обещанного ужесточения уголовно-процессуального законодательства посредством внесения поправок в УПК РФ не более 1 раза в год тоже не получилось. Трудно требовать от законодательной власти выполнения своих обещаний, даже опубликованных в юридической литературе. Здесь, видимо, действуют причины не только правового характера. В итоге мы продолжаем иметь неприглядные явления, отмеченные сенаторами: нарушение законодательной логики, бессистемность, хаотичность, ведомственные интересы, нестабильность законодательства.

Первые изменения в УПК РФ в 2018 г. были внесены Федеральным законом от 19 февраля 2018 г. № 27-ФЗ. С одной стороны, он урегулировал вопрос о предельных сроках содержания под стражей на досудебной стадии, с другой – оказалось, что речь идет не о предварительном расследовании, а о периоде нахождения уголовного дела у прокурора. Этот период всегда презюмировался как небольшой, а теперь по формально-бюрократическим причинам он может быть увеличен до 30 суток, так как обвиняемого возможно содержать под стражей до 30 суток. Согласно этому Закону срок содержания под стражей в период предварительного расследования исчисляется до направления уголовного дела прокурору. Логика требует, чтобы и стадия предварительного расследования тоже заканчивалась с момента направления уголовного дела прокурору, но об этом в Законе ничего не говорится, а потому появляется определенное противоречие. По своей сути нахождение уголовного дела у прокурора до суда является промежуточным этапом, хотя может продолжаться до 30 суток. Этот период не относится ни к предварительному расследованию (оно уже закончено), ни к судебному разбирательству.

Данный Федеральный закон не добавил никаких прав гражданам, а был принят в интересах прокуратуры с целью внесения ясности в предельные сроки содержания под стражей. При этом утратила силу одноплатная ч. 2.1 ст. 226 УПК РФ, введенная Федеральным законом от 5 июня 2012 г. № 53-ФЗ, просуществовавшая всего 6 лет. Не является ли это свидетельством хаотичности и бессистемности в законодательном процессе? Хочется надеяться, что прокурорские работники не будут затягивать эти сроки до предела.

Федеральный закон от 19 февраля 2018 г. № 31-ФЗ изложил в новой редакции п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК РФ, уточнив случаи отсрочки исполнения приговора беременным женщинам и родителям малолетних детей. Данным Законом устранено противоречие между Уголовно-процессуальным и Уголовным кодексами Российской Федерации. Если с момента своего принятия в 2001 г. УПК РФ говорил о малолетних детях, то УК РФ – о ребенке. Через 17 лет после своего принятия ст. 398 УПК РФ тоже теперь говорит о малолетнем ребенке. Репрессивность законодательства усилилась из-за введения дополнительных ограничений ввиду невозможности отсрочки за преступления террористической направленности. Таким образом, этот Закон принят для устранения противоречия и усиления репрессивности в интересах правоприменителей.

Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ внес изменения в связи с избранием и применением мер пресечения в виде запрета определенных действий, что в целом демократично. В пояснительной записке к данному Закону сказано, что избрание альтернативных заключению под стражу мер пресечения содействует обеспечению прав личности, исполнению общепризнанных международных норм права, сокращению репутационных потерь, связанных с удовлетворением Европейским Судом по правам человека жалоб граждан Российской Федерации. Этот Федеральный закон порождает некоторые сомнения. Например, кто будет контролировать запреты определенных действий, перечисленные в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ:

- 1) выход в определенные периоды за пределы жилого помещения;
- 2) нахождение в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещение определенных мероприятий, участие в них;
- 3) общение с определенными лицами;
- 4) отправление и получение почтово-телеграфных отправлений;
- 5) использование средств связи и сети Интернет.

Путаные и уклончивые ответы, перечисленные в п. 11 этой статьи, только усиливают подозрения, что сами правоохранительные органы и должны контролировать эти ограничения, но у них нет для этого реальных возможностей. Да и сам законодатель в ч. 8 данной статьи перечисляет случаи, когда можно нарушить эти запреты в чрезвычайных ситуациях. Откуда тогда уверенность, что нарушения запретов со стороны обвиняемых будут иметь место только в чрезвычайных ситуациях?

Несмотря на положительные характеристики этих мер, они рождают смутные сомнения. Хотелось бы ошибиться, однако думаем, что все сведется либо к поверхностно-формальному контролю, либо к слабому использованию этих демократичных средств. В вышеуказанной пояснительной записке депутаты приводили данные, что доля удовлетворенных судами ходатайств об избрании мер пресечения в виде залога и домашнего ареста не превысила соответственно 0,42 и 2,43 % от общего числа удовлетворенных ходатайств об избрании мер пресечения, применяемых по решению суда. Видимо, такая же перспектива небольшого применения ожидает и запрет определенных действий.

Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 96-ФЗ внес дополнение в п. 18 ст. 397 УПК РФ, восполнивший пробел, связанный с уклонением осужденного к принудительным работам, получением предписания, неприбытием к месту наказания в установленный срок. Эти усиливающие репрессивность изменения связаны с новой редакцией ч. 6 ст. 53.1 УК РФ, допускающей признание осужденного к принудительным работам злостным нарушителем порядка и условий отбывания наказания.

Несколько федеральных законов внесли изменения в подсудственность и подсудность в связи с появлением новых составов преступлений. Так, Федеральный закон

от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ установил подследственность по новым преступлениям УК РФ:

– ст. 200.4 «Злоупотребление в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»;

– ст. 200.5 «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок».

Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 114-ФЗ изменил подследственность в связи с упразднением ст. 269 УК РФ (нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов), так как предусмотрена отдельная ответственность за нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов (ст. 217 УК РФ). При имевшей место конкуренции статей одна (менее жесткая) была упразднена.

Федеральный закон от 27 июня 2018 г. № 157-ФЗ внес изменения в подследственность в связи с изменениями в УК РФ:

– ст. 253 «Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации»;

– ст. 256 «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов»;

– ст. 258 «Незаконная охота».

Все указанные изменения связаны с усилением репрессивности. Относительно небольшой Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 205-ФЗ можно назвать ярким примером формально-бюрократического закона, заботящегося не о содержании, а о форме.

Подозреваемый вправе получать копию постановления о возбуждении против него уголовного дела. Новым законом формулировка «против него» упразднена. Если дело возбуждалось не против личности, а по факту (таких случаев подавляющее большинство), то это давало формальное право отказывать подозреваемому в получении соответствующего постановления. Таким образом, это формальное противоречие устранено. Однако разве кто-то запрещал правоприменителям уведомлять субъекта, привлекаемого к уголовной ответственности, о возбуждении уголовного дела? Слепое следование букве, а не духу закона противоречит здравому смыслу и ущемляет права граждан.

Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 229-ФЗ изменил подследственность в связи с внесением изменений в ст. 215.3 УК РФ (самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность), усилив ее репрессивность.

Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ является редким случаем усиления демократической тенденции, вводя следующие изменения:

– обязательность аудиозаписи судебного заседания;

– введение автоматизированной информационной системы формирования состава суда;

– введение помощника судьи (по аналогии с Арбитражно-процессуальным кодексом Российской Федерации).

Согласно этим нововведениям у граждан появляются дополнительные возможности для защиты своих прав, например, ознакомиться с аудиозаписью судебного заседания и подавать на нее замечания (ч. 7 ст. 259 УПК РФ). Это важное средство обжалования приговоров в вышестоящих судебных инстанциях, о которых говорили давно [5].

Так, Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 7 июля 2016 г. № 1434-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр-ки З. на нарушение ее конституционных прав ч. 7 ст. 259 и ст. 389.34 УПК РФ» указывал на возможность исполь-

зования различных технических средств (фотографирование, аудио- и видеозапись, киносъёмка) для обеспечения полноты протокола.

Верховный Суд Российской Федерации в постановлении от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о допуске к информации о деятельности судов» также ориентировал суды всех уровней на необходимость фиксирования хода судебного разбирательства с использованием средств аудиозаписи и иных технических средств при наличии такой возможности.

Федеральный закон от 28 марта 2017 г. № 46-ФЗ внес дополнение в ч. 5 ст. 259 УПК РФ, допускающее только возможность осуществления в ходе судебного разбирательства фотографирования, аудио- и видеозаписи, киносъёмки допросов, трансляции по радио, телевидению или в сети Интернет. И вот теперь логическое продолжение этой тенденции реализовалось в установлении обязательной аудиозаписи судебного заседания.

Можно констатировать, что появление этого демократического изменения все равно имеет положительное значение даже для репрессивного уголовного процесса, однако оно вводится с 1 сентября 2019 г.

Федеральный закон от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ внес существенные изменения в процессуальный порядок деятельности судов в связи с созданием кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, а также кассационных и апелляционных военных судов вследствие принятия Федерального конституционного закона от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции».

Так, определена инстанционность уголовного судопроизводства; разграничены полномочия по рассмотрению уголовных дел в апелляционном и кассационном порядке между судами; установлена компетенция создаваемых судов; регламентирован кассационный пересмотр вступивших в законную силу судебных решений. Процедура зависит от того, каким судом принято такое решение, является ли оно промежуточным или итоговым, в каком суде и в каком порядке подлежит пересмотру. Поправки применяются со дня начала деятельности новых судов, за исключением некоторых положений, для которых установлен иной срок.

Преыдушие кардинальные изменения судебной системы были в 2013 г. Не слишком ли часто? Не нарушает ли это стабильность законодательства? Ведь создаются трудности не только в правоприменении, но и в обучении. Может быть, студентам не надо вникать в эти тонкости, а следует овладеть фундаментальными положениями уголовного процесса?

Федеральный закон от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ ввел в уголовное судопроизводство нового участника, похожего на свидетеля, – лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, которому посвящена ст. 56.1 УПК РФ. Определен его статус, порядок допроса, оглашения показаний в ходе судебного разбирательства. Закон принят в целях реализации постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г., а потому заслуживает одобрения.

Федеральный закон от 12 ноября 2018 г. № 411-ФЗ направлен на регламентацию спорных и неоднозначных в своей совокупности действий правоприменителей, касающихся вынесения постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), а потом его отмены. Закон принят во исполнение постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 28-П.

Практике известны неединичные случаи неоднократных прекращения уголовных дел (уголовных преследований), а потом их возобновлений, длящихся годами. Конституционный Суд Российской Федерации инициировал вопрос о необходимости внесения ясности в эти неоднозначные явления. Данным Федеральным законом внесена определенность: установлен годичный срок, в течение которого прокурор, руководитель следственного органа могут отменить постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). После истечения этого срока такая возможность предоставляется суду. В качестве примера можно привести случай, ставший предметом разбирательства Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г., в котором гражданин в течение 8 лет (!) не мог быть реабилитирован с получением соответствующих компенсаций после вынесения судом оправдательного приговора. За этот период прокурор не только не принес официального извинения, но и неоднократно отменял постановление органа предварительного следствия о прекращении в отношении этого гражданина уголовного дела, и его уголовное преследование возобновлялось, а суды различных уровней принимали взаимоисключающие решения, допуская неоднократное участие одних и тех же судей в рассмотрении материалов дела.

Даже студенты юридических вузов знают, что после реабилитации прокурор обязан принести официальное извинение со всеми вытекающими отсюда последствиями, а также то, что один и тот же судья не может участвовать в рассмотрении одного и того же дела. И вдруг опытные практические работники с многолетним стажем работы почему-то начинают оценивать нормы права по-другому. Такое извращенное понимание длится долго (в данном случае до 8 лет), доходит до Конституционного Суда Российской Федерации как высшей судебной инстанции, хотя ответ понятен даже студентам.

Несмотря на внесенную законодателем определенность в этом вопросе, некоторые сомнения все же остались. Любое неоднократное, а тем более длящееся в течение длительного времени чередование прекращений, а затем возобновлений уголовных дел (уголовных преследований) свидетельствует об уязвимости аргументации, недостаточности убедительных доказательств, спорности ситуации, которая согласно презумпции невиновности должна толковаться в пользу обвиняемого. Либо уязвимость положения кроется в реальных причинах действий прокуратуры, которые при более пристальном рассмотрении оказываются причинами совсем не правового характера. И все же данный закон внес небольшой вклад в возможность укрепления прав граждан посредством сокращения прокурорского произвола (но не его устранения), а потому имеет небольшую демократическую направленность.

Федеральный закон от 12 ноября 2018 г. № 413-ФЗ изменил наименование окружных военных судов. При появлении Дальневосточного окружного военного суда (введенного Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 115-ФЗ и носившего это наименование полтора года) нами уже обращалось внимание на противоречие между наименованиями окружных военных судов (Дальневосточный, Московский, Приволжский и Северо-Кавказский) и военных округов (Восточный, Западный, Северный, Центральный, Южный) [3, с. 20]. И вот теперь данное противоречие устранено, они получили наименование 1-го Восточного, 2-го Западного, Центрального, Южного окружных военных судов. но почему-то при этом два суда получили в названии числительные. Законы логики заставляют поставить вопрос: что это означает? Нельзя ли по здравому смыслу либо убрать числительные (что более предпочтительно), либо всем названиям присвоить числительные? Видимо, следует ждать дополнительных изменений в дополнительном законе. Почему же никак не получается ввести все необходимые изменения одним законом?

27 декабря 2018 г. отметился в истории уголовно-процессуального законодательства тем, что в этот день принято 6 законов с подозрительной нумерацией от 509 до 552. Закономерен вопрос: является ли это авральным выполнением плана под конец года? Насколько эти законы хорошо проработаны и в чьих интересах приняты?

1. Федеральный закон № 509-ФЗ говорит о возможности изменения территориальной подсудности. Стороны судебного разбирательства получили право ходатайствовать об изменении территориальной подсудности, если имеются обстоятельства, которые могут поставить под сомнение объективность и беспристрастность суда при принятии решения по делу. Таким образом, этот Закон добавляет небольшие права гражданам в борьбе с возможной необъективностью судей.

2. Федеральный закон № 520-ФЗ усиливает репрессивный характер УПК РФ в связи с появлением ст. 200.6 УК РФ (заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд). В 2018 г. появились три похожие статьи в УК РФ – 200.4, 200.5, 200.6, что свидетельствует об интенсивности репрессивного процесса.

3. Федеральный закон № 530-ФЗ ужесточает законодательство в связи с появлением ст. 172.3 УК РФ (невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средств). Согласно этому Закону в ст. 160.1 УПК РФ (меры по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных неимущественных взысканий) на следователя (дознавателя) возлагаются не совсем привычные для него обязанности: меры по установлению такого имущества, сопоставление его стоимости с исковыми требованиями, а если имущество находится за границей – подготовка запроса в соответствии с гл. 53 УПК РФ. Такая необычность полномочий заставляет задуматься, не является ли это иллюзией борьбы с преступностью?

И еще одно дополнение. Указанным Законом упразднена явка с повинной в качестве повода для возбуждения уголовного дела. Конечно, ранее она тоже была слабым для этого поводом. Может быть, этим Законом мы продолжаем движение в сторону здравого смысла?

4. Федеральный закон № 533-ФЗ ввел следующие поправки:

а) в очередной раз дополнено понятие уголовных дел частного-публичного обвинения (ч. 3 ст. 20 УПК РФ). Статья и ранее была не маленькая, а теперь она просто громоздкая;

б) расширены основания для прекращения уголовного преследования по ст. 28.1 УПК РФ. Если ранее говорилось о прекращении уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, то теперь – о прекращении уголовного преследования в связи с возмещением ущерба, то есть основания для прекращения уголовного дела увеличились;

в) дополнен порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики (ст. 81.1 УПК РФ), порядок заключения под стражу (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ), добавлена ст. 164.1 УПК РФ (особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий). Обращает на себя внимание тот факт, что при детализации изъятия законодатель указывает на его необязательный характер.

В целом эти поправки приняты только в интересах правоприменителей.

5. Федеральный закон № 543-ФЗ вызывает недоумение, когда при уточнении ч. 8 ст. 109 УПК РФ (сроки содержания под стражей) устанавливает, что «в ходатайстве долж-

ны быть указаны конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие необходимость дальнейшего применения меры пресечения в виде заключения под стражу». А разве может быть по-другому?

Этот Закон предусматривает необходимость соблюдения следователями формальной стороны расследования: как надо мотивировать постановление о заключении под стражу (указывать конкретные обстоятельства, подтверждающие необходимость дальнейшего применения этой меры). Однако эти требования общеизвестны, никакой принципиальной новизны они не обладают.

6. Федеральным законом № 552-ФЗ внесены формально-бюрократические изменения в ст. 432 УПК РФ (освобождение судом несовершеннолетнего подсудимого от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия или направлением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа), не увеличивающие прав граждан.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что из 20 принятых в 2018 г. законов 4 (20 %) носят демократичный характер, так как добавляют какие-то права гражданам, остальные 16 (80 %) – прав гражданам не добавляют, но усиливают репрессивно-ограничительные тенденции. Самой многочисленной группой среди репрессивных законов является та, которая изменяет подследственность и подсудность в связи с появлением новых статей в УК РФ. Таких законов 6. Эти изменения не привносят ничего принципиально нового, а только закрепляют или конкретизируют уже сложившиеся уголовно-процессуальные отношения между различными ведомствами.

В 2017 г. картина была немного другая. Из 18 (27 %) принятых законов 5 носили демократический характер, так как увеличивали права граждан, в частности:

1) от 7 марта 2017 г. № 33-ФЗ – совершенствовал институт отсрочки отбывания наказания, который смягчил положение подсудимого;

2) 28 марта 2017 г. № 46-ФЗ – закрепил возможность ведения в судебном заседании фотографирования, видеозаписи, киносъемки и т. д., впоследствии был доработан Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ до обязательной аудиозаписи судебного заседания, о чем говорилось выше;

3) 28 марта 2017 г. № 50-ФЗ – предусмотрел возможность продления применения государственной защиты и мер безопасности в связи с приостановлением предварительного расследования, прекращением уголовного дела или уголовного преследования на досудебном и судебном производстве. Согласно этому Закону субъект, в отношении которого осуществлялась государственная защита с применением мер безопасности, в некоторых случаях имеет право на дальнейшее их применение даже после приостановления предварительного следствия, прекращения уголовного дела или уголовного преследования, что улучшает его процессуальное положение;

4) 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ – совершенствовал правовой статус адвоката. Этим Законом усилились состязательные начала в уголовном процессе: следственные действия в отношении адвоката поставлены под судебный контроль; усилены гарантии охраны адвокатской тайны, его независимости и самостоятельности; введены самостоятельное вступление адвоката в уголовное дело, его участие в следственных действиях, дополнительные гарантии в предоставлении доказательств и судебное решение об обыске, о выемке, об осмотре в отношении адвоката и др. Этот Закон расширяет права адвоката;

5) 1 июля 2017 г. № 137-ФЗ – обязал должностных лиц принимать решение об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу в 3-дневный срок со дня поступления к ним медицинского заключения из мест содержания под стражей. При

всей своей демократичности этот Закон все же вызывает чувство неполного удовлетворения. Для сравнения любопытно посмотреть, как подобное правоотношение урегулировано в ст. 63-3 УПК Франции (Code de procedure pénale, Dernière modification de 1 septembre 2017, Document généré le 8 septembre 2017, Copyring (C) 2007–2017 Legifrance): «Заключенное под стражу лицо имеет право обратиться с просьбой о медицинском освидетельствовании. В этом случае Прокурор Республики или офицер уголовной полиции вызывает врача для проведения медицинского освидетельствования. Вторично просьба о медицинском освидетельствовании может быть заявлена при продлении срока содержания под стражей. Врач должен прибыть в 3-часовой срок для проведения освидетельствования, которое осуществляется без посторонних лиц при соблюдении принципа уважения личности и сохранения медицинской тайны.

Прокурор Республики или офицер уголовной полиции имеют право в любой момент пригласить врача для медицинского освидетельствования заключенного.

Кроме заключенного просьба о медицинском освидетельствовании может быть заявлена членом его семьи.

Врач незамедлительно обследует содержащегося под стражей субъекта и отражает результаты освидетельствования в своем заключении, которое приобщается к материалам уголовного дела».

Представляется, что подобная регламентация более детально, полно и демократично регулирует правоотношения разных участников уголовного судопроизводства при назначении и проведении медицинского обследования лица, заключенного под стражу, а потому заслуживает одобрения.

Остальные 13 законов (73 %), принятые в 2017 г., не увеличили права граждан, а регламентировали исключительно ведомственные интересы правоприменителей. Большая группа из 8 законов внесли изменения в подследственность и подсудность в связи с появлением новых статей в уголовном законодательстве (федеральные законы от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ, 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ, 26 июля 2017 г. № 203-ФЗ, 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ, 20 декабря 2017 г. № 412-ФЗ, 29 декабря 2017 г. № 469-ФЗ, 31 декабря 2017 г. № 500-ФЗ, 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ).

Например, Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 203-ФЗ ужесточает подсудность и подследственность в связи с появлением новых статей УК РФ: 71.3 «Незаконное производство и/или оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции»; 171.4 «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей продукции»; 327.1 «Изготовление, сбыт поддельных акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия либо их использования». В этом Законе конкретизируется, что расследование по перечисленным уголовным делам проводится дознавателями органов внутренних дел, а судебное разбирательство – мировыми судьями. Однако это само собой разумеющиеся вещи. Даже не углубляясь в неоднозначный вопрос обоснованности введения этих статей в уголовное законодательство (как выходящий за границы интересующих нас процессуальных вопросов), никто не рассчитывает, чтобы расследование проводилось следователями Следственного комитета или Федеральной службы безопасности.

Аналогичная картина наблюдается и с Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ, но в этом случае появились новые статьи, связанные с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды: ст. 199.3 УК РФ «Уклонение страхователя – физического лица от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд»; ст. 199.4 УК РФ «Уклонение страховате-

ля-организации от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд».

Такое ужесточение подсудности и подследственности отвечает только узковедомственным интересам правоохранительных органов. Обращает на себя внимание тот факт, что 4 федеральных закона приняты в последние дни года (29, 31 декабря), напоминая выполнение какого-то плана.

В 2017 г. дважды законами от 28 марта 2017 г. № 51-ФЗ и от 29 декабря 2017 г. № 468-ФЗ вносились изменения в ст. 82 УПК РФ о хранении вещественных доказательств.

Первый Закон предписывает уничтожить игровое оборудование для незаконной организации и проведения азартных игр. Неоднозначность такой регламентации заключается в том, что в этой статье уже прописан порядок уничтожения ряда предметов:

- пришедших в негодность скоропортящихся продуктов (подп. «в» п. 2 ч. 2);
- наркотических средств, психотропных веществ, растений, содержащих эти средства и вещества либо их прекурсоров, а также предметов, длительное хранение которых опасно для жизни и здоровья людей или для окружающей среды (п. 3);
- изъятых из незаконного оборота товаров легкой промышленности, перечень которых устанавливается Правительством РФ (п. 6);
- изъятых в соответствии с законодательством о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (п. 7).

В той или иной мере все эти товары явно запрещены к распространению, в силу чего они и подлежат уничтожению. Удивляет, что согласно предлагаемому законодателем дополнению образец вещественного доказательства, достаточный для сравнительного исследования (видимо, имеется в виду игровое оборудование, которое использовалось для незаконной организации и/или проведения азартных игр), приобщается к материалам уголовного дела. Представить это довольно сложно.

Второй Закон относит к вещественным доказательствам животных (что само по себе неоднозначно) и вводит правила вроде бы гуманного обращения с ними (не только реализация и уничтожение), закрепленные в трех постановлениях Правительства РФ (от 28 мая 2003 г. № 304, 9 января 2009 г. № 13, 31 мая 2007 г. № 367) об объектах животного мира.

Настойчивое желание законодателя перечислить с исчерпывающей полнотой судьбу всех разновидностей запрещенных вещественных доказательств непродуктивно. Более конструктивным представляется формулировка общего правила о судьбе запрещенных вещественных доказательств, которая дана в постановлениях Правительства РФ.

Может быть, формально правильным, но отвечающим лишь узковедомственным интересам является Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 251-ФЗ, обязывающий судей направлять копии обвинительных приговоров в федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности и (или) полномочные органы, ведающие делами о гражданстве РФ. Однако возникают вопросы: как эти органы, обеспечивающие безопасность и ведающие делами о гражданстве, ранее осуществляли свою деятельность? Что они теперь будут делать с таким большим количеством копий обвинительных приговоров? Кто мешал им раньше брать копии приговоров, учитывая, что ведь они имели какое-то отношение к этим делам? Кто больше заинтересован в этом законе – граждане или ведомства?

Федеральный закон от 5 декабря 2017 г. № 387-ФЗ ввел в УПК РФ новую гл. 55.1, касающуюся производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с признанием и принудительным исполнением приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории РФ доходов, полученных преступным путем.

После ознакомления с содержанием главы осталось впечатление, что этот Закон в целом демократичный, прогрессивный, чем явно выделяется из других. Даже вызвало удивление, каким образом депутаты смогли принять такую демократичную уголовно-процессуальную процедуру, которая плохо гармонирует с содержанием всего УПК РФ и его репрессивными тенденциями. Пришлось обратиться к пояснительной записке и истории принятия Закона.

Оказывается, что подготовка началась по поручению Правительства РФ по реализации решения саммита «Группы восьми» в Кэмп-Дэвиде 18–19 мая 2012 г. Законопроект направлен на совершенствование правового регулирования международного сотрудничества по вопросам выявления, замораживания, ареста, конфискации и возврата активов. Иными словами, законопроект начал готовиться в другой политической обстановке, когда Россия входила в большую восьмерку, государство не конфликтовало с внешним миром, не было санкций, понятие «организованная преступность» было другим, поэтому для правильной оценки этого Закона с позиции сегодняшнего дня надо иметь в виду следующие обстоятельства.

1. Социально-политическая обстановка в стране сильно изменилась, причем не в лучшую сторону.

2. С юридической точки зрения у нас очень непростые отношения с решениями иностранных судов, в том числе с Европейским Судом по правам человека. Все потенциальные разногласия нам пытаются объяснить тем, что эти решения могут противоречить Конституции РФ, однако такие объяснения неубедительны.

3. Сложно представить, что в вопросах выявления, замораживания, ареста, конфискации и возврата активов организованной преступности наша страна может быть сильно полезна судопроизводству иностранных государств. Пока мы являемся свидетелями неединичных случаев обратного.

Хотелось бы ошибиться, но представляется, что этот Закон будет средством не столько борьбы с организованной преступностью, сколько ее имитации.

В отличие от 18 законов, изменивших УПК РФ в 2017 г., 4 постановления Конституционного Суда Российской Федерации (от 16 марта 2017 г. № 7-П, 11 мая 2017 г. № 13-П, 6 июня 2017 г. № 15-П, 14 ноября 2017 г. № 28-П) имеют принципиально другую характеристику. Это нормативно-правовые акты с непростой, но убедительной мотивировкой. Они содержат конкретизацию уголовно-процессуальных правил применительно к частным случаям, которые вызвали ошибки в правоприменении. Неправильная конкретизация исказила дух и смысл нормативных предписаний, привела к нарушениям прав и свобод граждан.

Общеизвестно, что закон всегда ущербен, так как должен отвечать одновременно двум противоположным требованиям: а) быть по возможности конкретным, б) распространяться на неограниченное количество случаев. В связи с этим закон в принципе не может быть исчерпывающе полон, а требует своей конкретизации для каждого случая правоприменения. Этот непростой и творческий процесс должен: а) быть свободным от внешнего влияния (например, от ведомственного интереса); б) основываться на соблюдении принципов и фундаментальных положений уголовного процесса. Этому

процессу обучают даже в учебных заведениях и в целом добиваются правильного понимания студентами духа и смысла закона, тем не менее не все правоприменители в своей практической деятельности соблюдают эти условия, что приводит их к разного рода нарушениям. Появляется ошибочная конкретизация норм права, которая основывается не на принципах и фундаментальных положениях уголовного процесса, например, проявляется ведомственная заинтересованность, которая приводит к ущемлению прав граждан. Такие случаи становятся предметом анализа Конституционного Суда Российской Федерации.

Мы уже говорили о постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 28-П по поводу прекращения и возобновлений уголовного дела в течение 8 лет. Интересна в этой ситуации позиция Конституционного Суда Российской Федерации. Он ничего не исправляет, не оценивает роль конкретных правоприменителей, которые долго и существенно нарушали права граждан, не поднимает вопрос о виновности и наказании. Как терпеливый учитель с железной нервной системой спокойно и даже отстраненно в который раз повторяет, каким образом надо правильно понимать общие положения уголовно-процессуальной теории применительно к частным случаям. Однако учениками этого учителя выступают практические работники с многолетним стажем работы, которых трудно заподозрить в незнании фундаментальных положений уголовно-процессуальной теории. В данном случае Конституционный Суд Российской Федерации конкретизировал общие правила следующим образом:

а) прокурор не имеет права в течение неопределенного срока отменять вынесенное по реабилитирующим основаниям постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования без предоставления этому лицу эффективных гарантий защиты, включая судебную, от незаконного и необоснованного возобновления уголовного преследования;

б) обязанность от имени государства принести официальное извинение реабилитированному лежит на прокуроре города или района, осуществляющем надзор за процессуальной деятельностью органов расследования;

в) не должен участвовать в рассмотрении требования реабилитированного лица о возмещении причиненного вреда судья, который ранее дал юридическую оценку данному требованию, вновь ставшему предметом судебного разбирательства.

Конституционный Суд Российской Федерации постановил:

– неисполнение или ненадлежащее исполнение прокурором обязанности принести официальное извинение реабилитированному лицу могут быть обжалованы в судебном порядке;

– правоприменительные решения подлежат пересмотру.

Такие односложные выводы, несмотря на их абсолютную юридическую правомерность вызывают чувство неудовлетворенности. Ничего не говорится о тех, кто совершал многочисленные и многолетние нарушения, которые ущемляли права и интересы граждан, а также о тех субъектах, которые должны были контролировать и не допускать подобных нарушений.

Создается впечатление, что мы имеем дело с круговой порукой. Зарождается невольное сомнение: а кто будет привлекать к какой-либо ответственности нерадивых прокуроров и судей за нарушения? Где гарантии того, что справедливость восторжествует?

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что Конституционный Суд Российской Федерации играет сложную роль как в правоприменительной практике, так и в законотворчестве, сравнимую с высшей математикой в юриспруденции. Тем не менее желательно, чтобы Конституционный Суд Российской Федерации кроме правоинтерпре-

тационной деятельности при выявлении многолетних существенных нарушений прав граждан предпринимал действенные меры к их исправлению и постановке вопроса о привлечении виновных к ответственности.

В настоящее время УПК РФ несовершенен и имеет много изъянов. Исправлять это положение надо не посредством конъюнктурного гиперактивного законотворчества, а используя вдумчивый, кропотливый, фундаментальный и комплексный подход. Начинать необходимо с широкого коллегиального обсуждения, какой мы хотим видеть уголовную политику государства. Вопросы эти должны обсуждаться без спешки и не в кризисное, нестабильное время, и в любом случае решать их должны не те депутаты, которые так активно переделали УПК РФ.

В качестве образца можно обратиться, например, к УПК Франции. О том, что этот нормативный акт лучше проработан, свидетельствуют следующие факты:

- в УПК РФ вопросам исполнения приговора посвящена гл. 47, состоящая из 6 статей, в УПК Франции – 416 статей закона и 206 статей декретов Государственного Совета;
- в УПК РФ вопросы международного сотрудничества регламентируются гл. 55.1 и ч. 5 (всего 28 статей), в УПК Франции – 152 статьями в Пятой книге;
- в УПК РФ судебным издержкам посвящено 2 статьи, в УПК Франции – 142;
- в УПК РФ судимости посвящена 1 статья, в УПК Франции – 59.

Главной отличительной особенностью УПК Франции является не только более подробная, но и демократичная регламентация уголовно-процессуальных отношений, что объясняется более широким подходом к пониманию их сущности как деятельности суда, прокурора и других субъектов во время судебного разбирательства. И если в отечественном правоведении эти отношения находятся в различных отраслях права, это совсем не означает, что они утратили свою уголовно-процессуальную природу, на что неоднократно обращалось внимание в юридической литературе [6, с. 16; 7]. Отечественная практика включения уголовно-процессуальных отношений в различные отрасли права является порочной, ибо вопросы уголовного судопроизводства должны быть строго единообразны и находиться в УПК РФ. Уголовно-процессуальные отношения не должны подвергаться опасности потенциально разной регламентации при дальнейшем развитии различных отраслей права.

Широкий подход к пониманию уголовно-процессуальных отношений проявляется также в том, что по степени сложности и значимости они превосходят даже уголовно-правовые отношения, закрепленные в УК Франции. Так, если УПК Франции на сайте *Legifrance* занимает 1626 страниц, то УК Франции – только 391 страницу, что в 4,1 раза меньше.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы. Несмотря на имеющее место гиперактивное уголовно-процессуальное законотворчество, УПК РФ продолжает оставаться далеким от совершенства. Современное внесение поправок в УПК РФ не следует отождествлять с классической практикой усовершенствования законодательства. Оно в принципе не решает проблем несовершенства закона, а потому лучше уж все оставить как есть, ведь все равно УПК РФ как-то действует. В силу этого заслуживают поддержки предложения о введении моратория на изменения УПК РФ или резкого сокращения уголовно-процессуального законотворчества. В этих условиях не может быть речи о принятии нового УПК. Даже в советское время гиперактивного законотворчества не было.

Интенсификация любого вида деятельности (и законотворчество не является исключением) неразрывно связана с приобретением этой деятельностью новых качеств. Например, гиперактивное законотворчество не всегда улучшает состояние законодательства,

восполняет пробелы, устраняет противоречия, придает правовую определенность. Эту деятельность нередко сопровождают недостаточная проработанность, бессистемность, хаотичность, игнорирование мнения ученых, безответственность за конечный результат нормотворчества, недолговечность принимаемых поправок и др. Да и депутаты сами озвучили многие причины: нарушение внутренней логики, искажение смысла норм и институтов, ведомственные интересы, процедурная легкость принятия законов. Видимо, поэтому депутаты предлагали ужесточить практику внесения изменений в УПК РФ – не более 1 раза в год.

Интересы ведомств в законодательстве существенно преобладают над интересами граждан, что свидетельствует о его недемократичности. Если в 2017 г. 73 % внесенных в УПК РФ поправок имели репрессивно-ограничительный характер, а 27 % – добавляли права гражданам, то в 2018 г. репрессивно-ограничительные поправки возросли до 80 %, а добавляющие права гражданам сократились до 20 %. Преобладание ведомственных интересов подрывает стабильность законодательства и уважительное отношение к закону. Внимание к уголовно-процессуальному законодательству не должно ослабевать.

Библиографический список

1. Белоносов В. О. Изменения уголовно-процессуального законодательства в 2016 г. // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (57-е криминалистические чтения). М., 2016. С. 100–108.
2. Белоносов В. О. Уголовно-процессуальное законодательство в 2017 г. // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4. С. 100–104.
3. Белоносов В. О. Об актуальных проблемах уголовно-процессуального законодательства // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 2. С. 15–22.
4. Качалова О. В. Уголовному процессу обещают перемены // Уголовный процесс. 2016. № 6. С. 11.
5. Дьяконова О. Г., Щепотинин П. В. О необходимости введения «обязательного» видеопротоколирования судебного заседания // Российская юстиция. 2016. № 6. С. 55–57.
6. Тулянский Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве. М., 2006. 194 с.
7. Маликова Н. Б. Процессуальные нормы уголовно-исполнительного права и их функции при исполнении лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 27 с.

УДК 343.83

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.155-162

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ КАПЛУНОВ,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры административного права,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: and-kaplunov@yandex.ru;

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРИШИН,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник юридического факультета, Академия ФСИН России,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: dagr1979@rambler.ru

О НОВЕЛЛАХ И ПУТЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ПРАВО СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА ПРИМЕНЕНИЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Для цитирования

Каплунов, А. И. О новеллах и путях совершенствования законодательства, регламентирующего право сотрудников уголовно-исполнительной системы на применение огнестрельного оружия / А. И. Каплунов, Д. А. Гришин // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 2. – С. 155–162. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.155-162.

Аннотация. Статья посвящена характеристике новелл законодательства, регламентирующего право сотрудников уголовно-исполнительной системы на применение огнестрельного оружия. На основе анализа норм, закрепляющих условия правомерности причинения вреда при применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, формулируются предложения по их дальнейшему совершенствованию. Проводится анализ положений законодательства, устанавливающих условия правомерности причинения вреда при применении сотрудником уголовно-исполнительной системы физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия с учетом позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, закрепленной в постановлении от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». Обосновывается идея, в соответствии с которой к числу федеральных законов, устанавливающих основания применения сотрудником уголовно-исполнительной

© Каплунов А. И., Гришин Д. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

системы огнестрельного оружия (часть 1 статьи 28 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы») относится также Уголовный кодекс Российской Федерации. По результатам проведенного исследования делается вывод о целесообразности дополнения Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» нормами-дефинициями, раскрывающими понятия «применение» и «использование» огнестрельного оружия.

Ключевые слова: сотрудники уголовно-исполнительной системы, применение огнестрельного оружия, использование огнестрельного оружия, причинение вреда, обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Правила применения огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы (УИС) в Российской Федерации в постсоветское время корректировались дважды. Первое изменение они претерпели в 1993 г. в ходе разработки и принятия Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», второе – вследствие разработки и принятия Федерального закона от 28 декабря 2016 г. № 503-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и Федеральный закон „О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”». Правила применения огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы были переработаны с учетом нововведений, предусмотренных Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», о чем было прямо указано в пояснительной записке к проекту федерального закона № 802242-6 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Нововведения Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» коснулись следующих ключевых аспектов:

1. Закреплено право сотрудников специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию на применение специальных мер административного пресечения при исполнении обязанностей по конвоированию осужденных и лиц, заключенных под стражу (ст. 28), а также определен общий порядок действий сотрудников вышеобозначенных подразделений в случае применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия при осуществлении конвоирования спецконтингента (ст. 28).

2. Расширен перечень оснований, предоставляющих право сотруднику УИС при отсутствии у него необходимых специальных средств или огнестрельного оружия законного использования любых подручных средств (ст. 28.1).

3. Закреплена обязанность по осуществлению видеofиксации фактов применения сотрудником УИС физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (ст. 28.1).

4. Предусмотрена возможность и определен порядок применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия в составе подразделения (группы) (ст. 28.1, 29, 30, 31.2).

5. Закреплены положения, содержащие условия правомерности причинения вреда при применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудником УИС (ст. 28).

6. Расширен и скорректирован перечень оснований применения физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками УИС, в том числе предоставлено право на применение физической силы во всех случаях, разрешенного применения специальных средств или огнестрельного оружия, специальных средств во всех случаях применения огнестрельного оружия (ст. 29, 30, 31.2).

7. Расширен и скорректирован перечень применяемых в уголовно-исполнительной системе специальных средств, в который, помимо прочего, вошли электрошоковые и светошоковые устройства, средства принудительной остановки транспорта, световые и акустические специальные средства (ст. 30).

8. Установлены запреты и ограничения, связанные с применением специальных средств сотрудниками УИС (ст. 31.1).

9. Сформулированы и закреплены понятия «вооруженное сопротивление» и «вооруженное нападение» (ст. 31.1).

10. Выделены в отдельную статью гарантии личной безопасности вооруженного сотрудника УИС, предусматривающие право в определенных законом обстоятельствах обнажать огнестрельное оружие и приводить его в готовность, а также применять огнестрельное оружие (ст. 31.3);

11. Закреплены основания, порядок и условия правомерного применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций (ст. 31.4).

12. Обеспечено единство оснований, общих требований, порядка и условий применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками учреждений и органов УИС в отношении осужденных, лиц, содержащихся в следственных изоляторах УИС, и граждан посредством исключения правовых норм, регламентирующих порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в местах содержания под стражей, из Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ст. 43).

Следует констатировать, что правовой институт применения сотрудниками ФСИН России специальных мер административного пресечения, в том числе мер безопасности, был пересмотрен кардинальным образом. Это позволило устранить определенные неточности и противоречия в законодательстве и правоприменительной деятельности сотрудников, направленной на реализацию требований гл. 5 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1. Как показало проведенное социологическое исследование, более 87 % респондентов положительно оценили внесенные Федеральным законом от 28 декабря 2016 г. № 503-ФЗ изменения, касающиеся порядка применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками УИС.

Особый интерес представляют положения Закона, устанавливающие условия правомерности причинения вреда при применении сотрудником УИС физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Так, к числу новелл Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» относится положение, закрепленное в ч. 7 ст. 28, в соответствии с которым «сотрудник уголовно-исполнительной системы не несет ответственности за вред, причиненный осужденным, лицам, заключенным под стражу, и иным

лицам при применении... огнестрельного оружия, если применение... огнестрельного оружия осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены настоящим Законом и федеральными законами, и признано правомерным».

Указанная норма с точки зрения ее содержания закрепляет универсальное обстоятельство, освобождающее сотрудника УИС от ответственности за вред, причиненный осужденным, лицам, заключенным под стражу, и иным лицам при применении огнестрельного оружия. В качестве обстоятельства, освобождающего от ответственности, указано следующее условие: «...если применение... огнестрельного оружия осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены настоящим Законом и федеральными законами, и признано правомерным». Поскольку в данной норме не уточняется вид ответственности, это может быть любой возможный вид юридической ответственности.

Определяя правовую основу применения оружия, ч. 7 ст. 28 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» дублирует текст ч. 1 ст. 28 данного Закона, где сказано, что «сотрудники уголовно-исполнительной системы имеют право на применение... огнестрельного оружия... в случаях и порядке, предусмотренных настоящим Законом и федеральными законами». Отличие состоит в том, что вместо словосочетания «в случаях», использованного в ч. 1 ст. 28, в ч. 7 ст. 28, употреблено «по основаниям».

В отношении характеристики оснований для признания правомерным применения сотрудником УИС огнестрельного оружия и причинения при этом вреда приведем позицию Пленума Верховного Суда Российской Федерации, закрепленную в постановлении от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», согласно которой «Уголовный кодекс Российской Федерации не только определяет, какие деяния признаются преступлениями, но и устанавливает основания для признания правомерным причинение вреда лицам, посягающим на охраняемые уголовным законом социальные ценности. К таким основаниям относятся необходимая оборона (ст. 37 УК РФ) и задержание лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ)».

Кроме того, в соответствии с ч. 4 ст. 28 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» сотруднику УИС предоставлено право «при отсутствии у него необходимых специальных средств или огнестрельного оружия» использовать любые подручные средства как «в состоянии необходимой обороны... или при задержании лица, совершающего побег из учреждения, исполняющего наказания, следственного изолятора либо иное преступление», так и «в случае крайней необходимости» (ст. 39 УК РФ).

Указанные статьи УК РФ регламентируют обстоятельства, исключающие преступность деяния, они начинаются словами «не является преступлением причинение вреда...» и закрепляют, как следует из постановления Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19, «условия, при наличии которых действия, причинившие тот или иной вред объектам уголовно-правовой охраны, не образуют преступления».

По смыслу приведенных положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации к основаниям правомерного контркриминального применения сотрудником УИС огнестрельного оружия, о которых идет речь в ч. 7 ст. 28 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», относятся не только предусмотренные данным Законом случаи его применения, но и основания для признания правомерным причинения вреда лицам, посягающим на охраняемые уголовным законом социальные ценности, закрепленные ст. 37, 38 и 39 УК РФ.

Необходимость учета положений о необходимой обороне при оценке правомерности вреда, причиненного в результате применения сотрудником УИС огнестрельного оружия, закреплена в самой норме, устанавливающей данное обстоятельство, исключающее преступность деяния. Так, в ч. 4 ст. 37 «Необходимая оборона» УК РФ указывается, что «положения настоящей статьи в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения».

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что к числу федеральных законов, устанавливающих основания применения сотрудником УИС огнестрельного оружия, о которых идет речь в ч. 1 ст. 28 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», относится Уголовный кодекс Российской Федерации. Он определяет, прежде всего, перечень деяний, которые признаются преступлениями, а также устанавливает основания для признания правомерным причинение вреда лицам, посягающим на охраняемые уголовным законом социальные ценности.

Наряду с этим в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 установлено, что «сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие и иные лица, которым законодательством разрешено применение оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы для исполнения возложенных на них федеральными законами обязанностей, не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы». В научной литературе справедливо отмечено, что «огнестрельное оружие действующим законодательством разрешено применять исключительно в отношении лиц, совершивших... преступления, то есть когда возникают уголовно-правовые... отношения» [1, с. 119]. В связи с этим с точки зрения оценки правомерности вреда, причиненного в результате применения огнестрельного оружия, особый интерес представляют нормы, закрепленные в ст. 28.1 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», устанавливающие требования, которые должны быть соблюдены при реализации соответствующего способа принудительного воздействия. В соответствии с ч. 5 ст. 28.1 данного Закона «сотрудник уголовно-исполнительной системы при применении... огнестрельного оружия действует с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются... огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления», согласно п. 2 ч. 1 ст. 28.1 «сотрудник уголовно-исполнительной системы обязан: ...обеспечить наименьшее причинение вреда осужденным, лицам, заключенным под стражу, и иным лицам, безотлагательное предоставление пострадавшим медицинской помощи».

Указанные правила, закрепленные в ст. 28.1 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», устанавливают правовые пределы активности сотрудника УИС в ходе принудительного воздействия независимо от того: 1) каким способом оказывается принудительное воздействие – физической силой, специальным средством или огнестрельным оружием; 2) при возникновении какого предусмотренного УК РФ обстоятельства, исключающего преступность деяния, причиняется вред. Интенсивность (вредоносность) ответных действий сотрудника, а в конечном счете признание их правомерными будет зависеть от правильной оценки (учета) сотрудником УИС обстановки, характера и степени опасности действий, которые пресекаются, оказываемого сопротивления и исполнения обязанности обеспечить наименьшее причинение вреда.

Аналогичная обязанность стремиться к минимизации любого ущерба установлена в отношении сотрудников полиции в ч. 3 ст. 19 Федерального закона «О полиции». Это требование включено в статью, регулирующую порядок применения огнестрельного оружия, по сути, оно не устанавливает порядок, а закрепляет условия правомерности причинения вреда при применении оружия, вторгаясь при этом в сферу регулирования норм уголовного законодательства об обстоятельствах, исключающих преступность деяния [2, с. 81]. Как уже не раз отмечалось в литературе, оно ограничивает право сотрудника на причинение вреда в состоянии необходимой обороны при контркриминальном применении специальных средств административного принуждения, позволяет при оценке правомерности причиненного вреда и в целом признании правомерным их применения руководствоваться принципом объективного вменения, а следовательно, должно быть исключено из закона [3, с. 73; 4, с. 247; 5, с. 146–147]. В такого рода нормах, как справедливо отметил Ю. Н. Юшков, «усматривается скорее забота о преступнике, чем об объекте его посягательства» [6, с. 65].

Следует обратить внимание на то, что в гл. V «Применение физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками органов государственной охраны» Федерального закона от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» нормы, аналогичные тем, которые закреплены в п. 2 ч. 1 ст. 28.1 и в ч. 5 ст. 28.1 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», и ч. 3 ст. 19 Федерального закона «О полиции», отсутствуют. В результате получается, что сотрудникам органов государственной охраны при защите федеральных государственных служащих «стремиться к минимизации любого ущерба» нападающему необязательно, а сотрудникам полиции и уголовно-исполнительной системы при защите самих себя либо иных лиц обязательно. Эти обязанности, по сути, являются не более чем тактическими рекомендациями для сотрудника, исполнение которых, как и оценка правильности их исполнения, основаны на усмотрении, поэтому их нельзя рассматривать в качестве критериев признания правомерным применения сотрудником огнестрельного оружия.

Данные обязанности сформулированы на основе положений международно-правового акта «Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка», принятого VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшимся 27 августа – 7 сентября 1990 г. в Гаване. В его разделе «Общие положения» указано, что «5. Во всех случаях, когда применение силы или огнестрельного оружия неизбежно, должностные лица по поддержанию правопорядка: ...b) сводят к минимуму возможность причинения ущерба и нанесения ранений и охраняют человеческую жизнь». В свою очередь, в разделе «Специальные положения» говорится, что «11. Нормы и положения о применении огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка включают руководящие принципы, которые: ...b) обеспечивают, чтобы огнестрельное оружие применялось лишь в надлежащих обстоятельствах и таким образом, чтобы можно было бы уменьшить опасность причинения чрезмерного ущерба». Однако это «всего лишь общие ориентиры, которые должны определять линию поведения правоохранителя прежде всего в отношении защищаемого лица, а не правонарушителя. Они должны учитываться при разработке правил применения сотрудниками... огнестрельного оружия, в частности норм, устанавливающих основания и порядок его применения. Однако трансформировать их в «обязанность» и «условие правомерности причинения вреда» по отношению к правонарушителю... недопустимо» [2, с. 81].

Для обеспечения надежной правовой защиты сотрудников уголовно-исполнительной системы и сотрудников полиции, реализующих право на применение огнестрельного

оружия в установленных соответствующим законом случаях, целесообразно закрепленные в п. 2 ч. 1 ст. 28.1 и в ч. 5 ст. 28.1 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и в ч. 3 ст. 19 Федерального закона «О полиции» положения, ограничивающие право сотрудников УИС на необходимую оборону, причинение вреда в случае крайней необходимости или при задержании лица, совершающего побег из учреждения, исполняющего наказания, следственного изолятора либо иное преступление, исключить.

К числу новелл гл. V Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» можно отнести исключение из нее уже ставшего привычным и понятным для сотрудников термина «использование» огнестрельного оружия.

До вступления в силу Федерального закона от 28 декабря 2016 г. № 503-ФЗ действия сотрудника УИС с огнестрельным оружием в случаях, аналогичных перечисленным в ч. 1 ст. 32.2 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», именовались применением огнестрельного оружия (прицельный выстрел в человека), а в случаях, аналогичных перечисленным в ч. 6 ст. 32.2, – использованием огнестрельного оружия (выстрел по иным объектам), что было вполне оправданно с точки зрения разграничения терминологии для характеристики указанных способов воздействия при производстве выстрела в зависимости от направленности и цели выстрела, а также его последствий.

Общее между правом на применение и правом на использование огнестрельного оружия исчерпывается тем, что законодатель имеет в виду право на «применение силы огнестрельного оружия» [7, с. 29], то есть «его поражающих свойств как огнестрельного оружия, а следовательно, право на выстрел. Такое понимание прямо вытекает из самой сущности данной меры как меры непосредственного (контактного) принуждения» [8, с. 9].

В первой группе случаев (ч. 1 ст. 32.2, при применении огнестрельного оружия) «защита (пресечение) осуществляется в форме контрнападения в целях выведения самого нападающего (задерживаемого) лица из строя, то есть приведения его путем причинения огнестрельного ранения в беспомощное состояние или даже лишения его жизни для того, чтобы тем самым сделать физически невозможным дальнейшее продолжение им противоправных действий» [9, с. 10–11].

Во второй группе случаев (ч. 3 ст. 23, при использовании огнестрельного оружия) «выстрелы... производятся для повреждения транспортного средства, поражения животного, предупреждения о намерении использовать поражающие свойства огнестрельного оружия, подачи сигнала тревоги» [9, с. 11] или вызова помощи, «таким образом, нейтрализация опасности, возникшей для охраняемых законом общественных отношений, предполагается без нанесения телесных повреждений человеку» [9, с. 11].

Несмотря на принципиальную разницу между способами воздействия оружием в случаях, перечисленных в ч. 1, 6 ст. 32.2 Федерального закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», термин «использование» ныне слит с понятием «применение оружия». Как справедливо отмечают С. Ф. Милюков и А. В. Никуленко, «тем самым стирается значимая грань между производством выстрелов на поражение и прочим использованием оружия, не имеющего такой цели, что чрезвычайно важно для решения вопросов уголовной ответственности за неправомерное причинение вреда гражданам, государству и юридическим лицам» [10, с. 41–42].

Считаем, что в Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» целесообразно вернуть термин «использование» огнестрельного оружия, а также дополнить ст. 31.2 Закона абзацами о нормах-дефинициях,

раскрывающих понятия «применение» и «использование» огнестрельного оружия как способы принудительного воздействия оружием, изложив их в следующей редакции:

«Применением огнестрельного оружия является производство сотрудником уголовно-исполнительной системы в случаях, перечисленных в ч. 1 ст. 32.2 настоящего Закона, прицельного выстрела из огнестрельного оружия на поражение осужденного, лица, заключенного под стражу, и иного лица с соблюдением установленного порядка и требований уголовного законодательства о необходимой обороне или задержании лица, совершившего преступление, либо крайней необходимости.

Использованием огнестрельного оружия является производство сотрудником уголовно-исполнительной системы выстрела из огнестрельного оружия в случаях, перечисленных в ч. 1 и 6 ст. 23 настоящего Закона, без намерения причинить ранение человеку, с соблюдением установленного порядка и требований уголовного законодательства о необходимой обороне или задержании лица, совершившего преступление, либо крайней необходимости».

В предложенных определениях раскрывается содержание данных правомочий с точки зрения их характеристики как силовых способов принудительного воздействия и конкретизируется правовая основа их реализации.

Библиографический список

1. Поникаров В. А., Поникаров С. В. Соотношение административно-правового и уголовно-правового регулирования применения оружия сотрудниками УИС и другими работниками правоохранительных органов // *Человек: преступление и наказание*. 2014. № 1(84). С. 119–121.
2. Каплунов А. И. О критериях определения правомерности применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия, повлекшего причинение вреда гражданам и организациям // *Административное право и процесс*. 2018. № 7. С. 77–82.
3. Сильников А. М. Организационно-правовые основы применения сотрудниками полиции специальных средств принуждения : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 205 с.
4. Каплунов А. И. О правомерности применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // *Административное право: развитие теоретических основ и модернизация законодательства*. Воронеж, 2013. Вып. 8. С. 242–248.
5. Лебедева О. О. Правовое регулирование применения принудительных мер административного предупреждения и пресечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. 23 с.
6. Юшков Ю. Н. Институт необходимой обороны и его роль в борьбе с преступностью в современных условиях // *Государство и право*. 1992. № 4. С. 61–66.
7. Мемнонов А. О применении оружия // *Административный вестник*. 1928. № 4. С. 27–31.
8. Каплунов А. И. Правовые основы применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками милиции : учеб. пособие. СПб., 1997. 88 с.
9. Каплунов А. И. Правовые и тактические основы применения милицией огнестрельного оружия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 24 с.
10. Милюков С., Никуленко А. Силовое противодействие преступному поведению: анализ модернизации нормативной базы // *Уголовное право*. 2012. № 6. С. 41–47.

УДК 343.819

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.163-168

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация;
главный научный сотрудник НИЦ-3,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: matros49@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТОВ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЕ УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ ПОД СТРАЖЕЙ

Для цитирования

Шурухнов, Н. Г. Отдельные положения международных актов, регламентирующие условия содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей / Н. Г. Шурухнов // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 2. – С. 163–168. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.163-168.

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные межконтинентальные (принятые Организацией Объединенных Наций) и континентальные (европейские) нормативные правовые акты, регламентирующие условия содержания подозреваемых и обвиняемых, совершивших преступления, в отношении которых избрана мера пресечения – содержание под стражей. Представлено реферирование Стандартных минимальных правил обращения с заключенными, принятых Конгрессом Организации Объединенных Наций в Женеве в 1955 году, обращено внимание на санитарно-гигиенические условия содержания заключенных. Сделан акцент на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод, обозначены проблемы их практической реализации. Приведены некоторые составляющие Европейских пенитенциарных правил, имеющие принципиальное значение в обеспечении соблюдения прав лиц, лишенных свободы.

В центре внимания статьи – Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, одноименный Комитет, а также его доклады по проверке деятельности следственных изоляторов с анализом условий и рекомендаций, направленных на улучшение пребывания подозреваемых, обвиняемых, совершивших преступления, в отношении которых реализуется мера пресечения в виде заключения под стражу. Представлены особенности деятельности помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов, созданных на территории исправительных учреждений. Выделен режим, обеспечивающий соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых, исполнение ими своих

© Шурухнов Н. Г., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

обязанностей, их изоляцию, а также выполнение задач, предусмотренных нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: подозреваемые, обвиняемые, Организация Объединенных Наций, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, европейские конвенции по правам человека, Всеобщая декларация прав человека, Комитет министров Совета Европы, Европейские пенитенциарные правила, Европейский Суд по правам человека.

Женевский конгресс ООН 1955 г. принял Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (утверждены Экономическим и Социальным советом в резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 г. и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 г.), содержащимися в различных условиях лишения свободы и по разным правовым основаниям. Положения этих межконтинентальных правил являются ведущими при принятии судебных решений о незаконном, бесчеловечном, унижающем достоинство обращении с гражданами, находящимися под стражей в следственном изоляторе (СИЗО), помещении, функционирующем в режиме следственного изолятора (ПФРСИ) [1].

В Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными акцентируется внимание на размерах площади пребывания, освещенности, отоплении, объеме воздуха, его своевременной и активной вентиляции, а также на необходимости тщательной и регулярной санитарной обработки помещений для содержания под стражей. В п. 10 перечислены требования применительно ко всем помещениям, которыми имеют возможность пользоваться заключенные, но особо выделяются индивидуальные спальные места. Они должны быть у каждого содержащегося под стражей; их состояние, внешний вид, комплектность спальных принадлежностей должны отвечать общепринятым санитарно-гигиеническим нормам. При этом рекомендуется иметь стандартные климатические условия, соответствующий объем воздуха, применительно к количеству присутствующих в помещении, достаточную вентиляцию, освещение, отопление.

Правила рекомендуют иметь большие окна, пропускающие такое количество света, чтобы заключенные могли читать, писать и работать. Что касается искусственного освещения, то его мощность должна быть такой, чтобы заключенные читали и писали, не опасаясь испортить зрение. Оконная конструкция должна способствовать притоку свежего воздуха, независимо от того, существует система искусственной вентиляции или нет (пр. 11).

В анализируемых Правилах обращается внимание на количество санитарных установок, способных создавать такую пропускную способность, которая позволяла бы каждому из заключенных удовлетворять свои естественные потребности в тот промежуток времени, когда это требуется биологически, в чистых, нравственно принятых в обычном обиходе условиях (пр. 12).

Акцентируется внимание на обеспечении соблюдения личной гигиены каждым содержащимся под стражей. Это положение возводится в ранг не только права, но и обязанности. «Чтобы каждый заключенный мог и был обязан купаться или принимать душ при подходящей для каждого климата температуре и так часто, как того требуют условия общей гигиены, с учетом времени года и географического района, то есть во всяком случае хотя бы раз в неделю в умеренном климате» (пр. 13).

Требование к каждому заключенному содержать себя, одежду, белье в чистоте сочетается с бесперебойным обеспечением водой и общепринятыми туалетными принадлежностями, используемыми для поддержания личной гигиены (пр. 15).

Правило 19 обращает дополнительное внимание на закрепление за заключенным отдельной кровати, выдачу спальных принадлежностей (чистыми в момент их вручения), которые должны каждым содержаться в чистоте, исправности, меняться администрацией в соответствующий срок, установленный гигиеническими требованиями).

Отмечается необходимость свободного доступа к питьевой воде, ежедневных физических часовых упражнений на свежем воздухе. При перевозке заключенных для участия в следственных действиях или в судебном разбирательстве устанавливается запрет на перемещение в транспортных средствах с плохой вентиляцией либо освещением или в любых других физически излишне тяжелых условиях [2, с. 163–171].

4 ноября 1950 г. в Риме была принята континентальная (европейская) Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Россией этот документ был ратифицирован только 30 марта 1998 г. Федеральным законом № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»). Для целей обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя договаривающимися сторонами, был учрежден Европейский суд по правам человека. Он призван принимать жалобы от физических, частных лиц и целых групп, неправительственных организаций, утверждающих, что явились жертвами в результате посягательств на их права, прописанные в Конвенции или в Протоколах к ней. «Суд может принять дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, как это предусмотрено общепризнанными нормами международного права, и в течение шести месяцев с даты вынесения национальными органами окончательного решения по делу» (ст. 35).

11 января 2006 г. Комитетом министров Совета Европы была принята Рекомендация (№ Rec (2006) 2) о Европейских пенитенциарных правилах. В них сформулированы основные положения, обеспечивающие соблюдение прав лиц, лишенных свободы:

1) соблюдать права человека в процессе обращения с лицами, заключенными под стражу (лишенными свободы). Для сравнительно-правового исследования укажем, что в п. 205 гл. XII «Особые положения» Инструкции смотрителю тюремного замка, разработанной Советом Министерства внутренних дел царской России 9 апреля 1831 г., говорилось: «Смотритель обходится с находящимися под надзором его арестантами кротко и человеколюбиво; он старается приобрести их к их себе доверенность распрашиванием о нуждах их, доставлением иногда некоторых пособий, ласковыми при трудах разговорами...» [3];

2) иметь в виду, что за заключенными под стражу (лишенными свободы) сохраняется комплекс прав, которых они не лишались по закону (на основании судебного решения);

3) ограничения, налагаемые на лиц, лишенных свободы, должны быть минимально необходимыми и соответствующими цели предупреждения повторных правонарушений;

4) нехватка финансовых, материально-технических, санитарно-гигиенических ресурсов не должна быть оправданием содержания заключенных в условиях, ущемляющих их права;

5) пребывание подозреваемых и обвиняемых под стражей должно быть, насколько возможно, приближено к позитивным аспектам жизни на свободе;

6) нахождение под стражей должно организовываться так, чтобы между ним и жизнью в обществе не существовало непреодолимого водораздела, препятствующего возвращению в обычную среду;

7) сотрудничество с внешними социальными службами, подключение отдельных институтов гражданского общества к жизни заключенных должны культивироваться учреждениями, обеспечивающими деятельность мест лишения свободы;

8) порядок подготовки, подбора, профессионального совершенствования деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений в соответствии с их специфическими условиями работы должен обеспечивать реализацию установленных стандартов обращения с заключенными как важную государственную функцию;

9) инспектирование пенитенциарных учреждений государственными органами, проверка независимыми формированиями должны осуществляться на регулярной основе.

Европейской конвенцией по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (вступила в силу 1 февраля 1989 г., ее ратифицировали 47 государств) было инициировано создание одноименного Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП). Его эксперты, посещая учреждения, в которых содержатся заключенные под стражу, изучают условия их пребывания, обращение с ними, принимают соответствующие меры в целях усиления, если это необходимо, защиты от необоснованного или унижающего достоинство обращения или незаконного наказания за допущенные проступки.

Анализ докладов, подготовленных ЕКПП по результатам посещения мест лишения свободы, позволяет установить объекты посещения, условия содержания лишенных свободы, которые способствуют нарушению прав человека и основных свобод.

Оценивая переполненность мест содержания под стражей, европейские эксперты отмечают отрицательное воздействие этого фактора на все службы деятельности учреждения и, прежде всего, на условия пребывания в таких помещениях. Сама по себе переполненность во всем учреждении или отдельной камере уже создает условия, которые следует именовать бесчеловечными и унижающими достоинство человека с физической точки зрения (доклад СРТ/Inf (92) 3). В камере малой площади с большим количеством заключенных вынужденно создаются тесные, негигиеничные условия, отсутствие возможности уединиться, даже при отправлении естественных нужд (доклад СРТ/Inf (97) 10).

Благополучие заключенных связывается с их занятостью на работе, учебе, в спортивных мероприятиях, поэтому не следует допускать, чтобы они неделями, а иногда месяцами томились запертыми в камерах. Это относится и к тем ситуациям, когда для них созданы сносные материально-бытовые условия.

По мнению экспертов ЕКПП, нужно таким образом формировать распорядок дня, чтобы лица, содержащиеся под стражей, могли проводить большое количество (более 8 часов) времени вне камер, сосредоточиваясь на полезной для здоровья деятельности или физических упражнениях.

К существенным компонентам гуманной среды европейские эксперты относят реализацию права на ежедневную прогулку, свободный доступ к надлежащему туалетному оборудованию и поддержание стандартов гигиены (доклад СРТ/Inf (92) 3).

ЕКПП в своих докладах неоднократно подчеркивает пагубность воздействия переполненности учреждений как компонента бесчеловечного и унижающего достоинство гражданина при пребывании его под стражей (доклад СРТ/Inf (97) 10), отмечая данный недостаток не только в российской уголовно-исполнительной системе, но и в пенитенциарных системах всей Европы. «В ряде стран, которые посетили представители ЕКПП, особенно в Центральной и Восточной Европе, заключенные размещаются в общежитиях большой вместимости, содержащих все или большую часть удобств, используемых ими повседневно, – жилую и спальную зоны, а также санитарно-гигиенические приспособления. ЕКПП возражает против самого принципа такой организации размещения в закрытых тюрьмах, и эти возражения усиливаются, когда, как это часто бывает, в таких общежитиях заключенные содержатся в

чрезвычайно стесненных и вредных для здоровья условиях. Большие общежития неминуемо предполагают отсутствие уединения у заключенных в их повседневной жизни. Все эти проблемы обостряются, когда их численность выходит за разумный уровень, более того, в подобной ситуации чрезмерная нагрузка на коммунальные удобства, такие как водопровод или туалет, или недостаточная вентиляция для такого множества людей часто порождают заслуживающие сожаления условия.

ЕКПП часто наблюдает такие приспособления, как металлические жалюзи, рейки или листы, вмонтированные в окна камер, лишаящие заключенных естественного освещения и доступа свежего воздуха в помещение. Особенно часто они встречаются в учреждениях предварительного заключения. Эксперты ЕКПП полностью согласны с тем, что особые меры безопасности для предотвращения сговора и/или преступной деятельности вполне необходимы в отношении некоторых заключенных. Даже если такие меры необходимы, они никогда не должны относиться к лишению этих заключенных естественного освещения и свежего воздуха. И то и другое является основным фактором жизни, на который имеет право каждый заключенный, кроме того, отсутствие этих элементов порождает условия, благоприятные для распространения заболевания и, в частности, туберкулеза...» (доклад СРТ/Inf (2001) 16).

Делегация Европейского комитета по предупреждению пыток 8 февраля 2016 г. посетила ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Республике Дагестан, ознакомилась с режимными отделениями, камерными помещениями, прогулочными дворами, пищеблоком, общежитием для осужденных, пребывающих в СИЗО, интересовалась работой и оснащением банно-прачечного комплекса, следственных кабинетов, помещений для краткосрочных свиданий.

В ходе личных бесед с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, которые находились в СИЗО, выяснялись вопросы условий содержания в следственном изоляторе, применения физической силы, реагирования администрации учреждения на жалобы и заявления со стороны специального контингента. Особое внимание было сосредоточено на организации проведения прогулок подследственных, оказании им медицинской помощи.

Специально подчеркнем, что такое обследование может быть и в местах, где мера пресечения – содержание под стражей – исполняется для подозреваемых, обвиняемых, осужденных, совершивших преступления в период отбывания наказания в виде лишения свободы (тюрьмы, ПФРСИ).

Указанные субъекты должны размещаться в общих камерах, отдельно от контингента, отбывающего часть срока наказания в тюрьме (по решению суда) либо переведенного в нее на срок до трех лет за нарушение режима отбывания наказания в ИК общего, строгого и особого режимов (ст. 130 УИК РФ), а также от осужденных, содержащихся в тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию (ст. 77 УИК РФ).

По данным ФСИН России, на 1 февраля 2019 г. имеется 97 помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов. В них могут переводиться подозреваемые, обвиняемые, осужденные, совершившие преступления в период отбывания наказания в виде лишения свободы, в отношении которых избрана мера пресечения – содержание под стражей. Временное содержание подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, а также осужденных, обвинительные приговоры которым не вступили в законную силу, на территории ИУ, было введено в 1993 г., в тот период, когда СИЗО были переполнены.

Наименование исправительных учреждений, на территориях которых могут содержаться подозреваемые и обвиняемые, утверждается руководителем органа исполни-

тельной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, по согласованию с Генеральным прокурором Российской Федерации (ч. 2 ст. 10 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»). Перечень таких учреждений утвержден приказом Минюста России по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации от 30 июня 1999 г. № 212 «Об утверждении перечня 25 исправительных учреждений, на территориях которых созданы помещения, функционирующие в режиме следственных изоляторов».

Было принято решение о том, что такие исправительные учреждения должны располагаться в черте или вблизи достаточно крупных населенных пунктов. В самих помещениях должен поддерживаться режим, призванный обеспечить изоляцию подозреваемых и обвиняемых, соблюдение их прав, исполнение ими своих обязанностей, а также качественное выполнение задач, в том числе предусмотренных УПК РФ.

В ПФРСИ подозреваемые и обвиняемые содержатся отдельно от осужденных, отбывающих наказание. При их размещении существует дифференциация, ориентированная на пол, возраст, предшествующую судимость, юридические причины избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Такие категории заключенных содержатся в отдельных помещениях. Еще в Инструкции смотрителю тюремного замка России от 9 апреля 1831 г. (пп. 32, 33, 34 гл. III «О содержании арестантов в тюремном замке») указывалось, что «арестанты, принятые в тюремный замок, размещаются, сколько возможность позволит, по роду и важности их преступлений, не смешивая чиновников и разночинцев с чернью. Арестантов женского пола отнюдь не содержать в одних камерах с мужчинами. Несовершеннолетних помещать в особые камеры, также разделяя их по полам» [3, с. 4].

Следует отметить, что положения указанного выше приказа адресованы начальникам территориальных органов уголовно-исполнительной системы, где организованы ПФРСИ. Им предписывается организовать содержание подозреваемых и обвиняемых на территориях исправительных учреждений на основании нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность следственных изоляторов таким образом, чтобы исключались случаи незаконного, бесчеловечного, унижающего достоинство обращения с подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными, совершившими преступления в период отбывания наказания в виде лишения свободы.

Библиографический список

1. Шурухнов Н. Г. Создание надлежащих условий содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений под стражей как средство обеспечения их прав и свобод // Социально-политические науки. 2018. № 5. С. 223–226.
2. Шурухнов Н. Г. Содержание подозреваемых и обвиняемых под стражей: краткий ретроспективный анализ, современное состояние, отдельные требования международно-правовых документов // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом : сб. тез. выступ. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2018. Т. 1 : Материалы пленарного заседания. С. 163–171.
3. Инструкция смотрителю тюремного замка. Пермь, 1882. 30 с. URL : http://arch.permculture.ru/bitstream/handle/permculture/1892/124307_read.pdf?sequence=2&isAllowed=y (дата обращения: 13.02.2019).

УДК 343.221.52

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.169-189

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШЕПТАЛИН,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Российская Федерация,
ORCID 0000-0001-5442-6160, ResearcherID V-7624-2018,
e-mail: sheptalin@list.ru

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА НАКАЗАНИЯ В ПЕРВОБЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ

Для цитирования

Шепталин, А. А. Генезис и эволюция института наказания в первобытном обществе / А. А. Шепталин // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 2. – С. 169–189. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.169-189.

Аннотация. В статье на основе данных юридической антропологии предпринята попытка поэтапной реконструкции генезиса и эволюции института наказания в первобытном обществе как важной составляющей процесса формирования системы нормативного регулирования и его последующей трансформации в институт права. Актуальность данной темы связана как с ее малоизученностью, так и со сложившейся в отечественной науке практикой некорректных обобщений, осложняющих объективное изучение генезиса права и государства.

Объектом исследования выступает институт наказания, менявшийся в соответствии с усложнением социальных отношений. Предмет исследования – феномен наказания как реакция общества на определенное нарушение социальных норм и правил поведения. Цель работы заключается в попытке раскрытия в исторической динамике общих этапов и закономерностей возникновения и эволюции института наказания в догосударственный период. Методологической основой исследования выбрана антропологическая концепция мультилинейного неозолюционизма, допускающая корректное использование материалов по современным (синполитейным) первобытным обществам как для реконструкции дописьменного периода истории в целом, так и для происхождения права и государства в частности.

Несмотря на довольно обширную историографию по различным аспектам наказания в первобытности, заявленная тема отличается высокой степенью новизны, поскольку в отечественной юриспруденции еще не становилась предметом специального рассмотрения. Используются источники и специальная литература, содержащие репрезентативные примеры наказаний, зафиксированные исследователями в XVIII – начале XX века в регулятивной практике первобытных племен,

© Шепталин А. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

не успевших подвергнуться влиянию цивилизации и сохранивших традиционный хозяйственно-бытовой уклад и образ жизни.

Институт наказания всегда был неотъемлемым элементом системы нормативного регулирования любого этноса и напрямую зависел от его форм и методов. Прослеживаются три крупных этапа развития нормативного регулирования и эволюции института наказания – эпоха раннеродовой (кровнородственной) общины, эпоха позднеродовой общины и эпоха позднепервобытной общины. До неолитической эволюции институт наказания развивался в рамках мононормативности, включавшей в себя нерасщепленные морально-этические, религиозные и правовые нормы. До этого времени основные деликты и преступления, как и реакция социума на них у большинства племен, прослеживали высокую степень схожести. С возникновением производящего хозяйства, прибавочного продукта и частной собственности институт наказания существенно трансформировался, получив импульс к развитию в рамках формировавшегося обычного права. Вследствие социально-экономических изменений эпохи неолита, а также имущественной и социальной дифференциации возросла конфликтогенность позднеродовой общины, что привело к возникновению института суда и ужесточению практики наказаний в сравнении с родовым обществом. В эпоху военной демократии и формирования протогосударств происходит замена обычая кровной мести композицией, существенно увеличивается удельный вес наказаний материального характера. Подтверждается многочисленными этнологическими примерами каждое предположение и утверждение, в том числе об учете первобытными судами наличия умысла при определении наказания, а также активном использовании первобытными потестарными структурами методов принуждения и насилия задолго до возникновения института государства.

Ключевые слова: институт наказания, социальные санкции, нормативное регулирование в первобытности, преступление в первобытном обществе, наказание в первобытном обществе, нарушение табу, кровная месть.

Изучение проблем генезиса и развития института наказания имеет давнюю историю [8, 39] и сохраняет актуальность по сей день, поскольку тесным образом связано с изучением становления институтов права и государства. Некоторая парадоксальность проявляется в том, что при наличии устойчивого исследовательского интереса мало какая другая тема выглядит запутанной, а выводы исследователей столь противоречивыми [16]. Причины этого кроются в недочетах методологического характера, а также в крайне ограниченной источниковой базе большинства исследований.

Цель статьи заключается в попытке раскрытия на основе данных юридической антропологии процесса возникновения и эволюции института наказания в динамике трансформации первобытной общины. Методологической основой исследования выбрана антропологическая концепция мультилинейного неозолуционизма, допускающая корректное использование материалов по современным первобытным этносам как для реконструкции дописьменного периода истории цивилизованных народов в целом, так и для происхождения права и государства в частности [23].

Под наказанием в данном случае понимается тот или иной вид негативной социальной санкции, применяемый обществом в качестве меры воздействия в отношении своего виновного члена (или нескольких членов) при нарушении общепринятых норм и правил

поведения. Наказание может варьировать в широком диапазоне от морально-психологического воздействия и ограничения возможностей виновных лиц до понижения их социального статуса, изгнания из социума и даже смертной казни.

Генезис института наказания напрямую обусловлен формированием институтов насилия и принуждения. В разных концепциях мировой юридической мысли давно закрепился тезис, что именно появление возможности нормативного применения насилия социально уполномоченными лицами стало фундаментальным условием возникновения права. Перефразируя образное выражение известного теоретика и философа права Р. Йеринга, право без принуждения – «это огонь, который не горит, свет, который не светит» [31, с. 321]. В этом контексте хотелось бы обратить внимание на недостоверность распространенного постулата о гарантированности принуждения и нормативного регулирования исключительно государством, что наглядно подтверждают многочисленные материалы юридической антропологии. Практически у всех первобытных догосударственных обществ исследователи отмечают наличие основанных на авторитете потестарных структур, как индивидуальных, так и коллективных (вожди, главари, старосты, жрецы, шаманы, колдуны, советы старейшин, советы групп, советы племен, межплеменные советы и т. п.), которые в большинстве случаев достаточно эффективно выполняли функцию контроля поведения членов социума, в том числе приговаривая к различным наказаниям за нарушения.

Наиболее распространенной ошибкой, встречающейся в работах правоведов и порождающей противоречия, является стремление к чрезмерным обобщениям при характеристике нормативного регулирования в первобытном обществе как едином периоде, предшествовавшем появлению цивилизации, государства и права [1, 5, 21]. На примерах современных первобытных этносов, находящихся на разных уровнях социально-экономического развития, можно видеть, как институт наказания существенно меняется по мере усложнения социальных отношений в раннеродовой (кровнородственной) общине охотников и собирателей, позднеродовой общине высших охотников и рыбаков, ранних земледельцев и скотоводов, позднепервобытной (соседско-большесемейной) общине периода имущественной и социальной дифференциации, а затем и классообразования. Тесную связь между уровнем развития материальной культуры в первобытности и нормативной эволюцией давно признавали не только этнологи и антропологи, но и авторитетные юристы [26, с. 173–174].

Природа и характер регуляторов первобытного общества до сих пор вызывают дискуссии. Если в зарубежной историографии для их обозначения еще с XIX в. получил распространение не вполне корректный термин «примитивное право» (primitive law), то в отечественной науке долгое время доминировали категоричные утверждения об отсутствии права в первобытном обществе, поскольку право якобы возникает лишь с государством. В постсоветский период все большее признание получает теория мононорматики А. И. Першица [17], согласно которой нерасщепленные нормы первобытного общества включали в себя одновременно морально-этический, правовой и религиозный аспекты, вследствие чего их нельзя однобоко характеризовать как моральные, правовые или религиозные. Теория мононорматики позволила объяснить наличие в нормативном регулировании первобытности таких суровых наказаний, как смертная казнь, членовредительство и изгнание, поскольку последствия нарушения чисто моральных норм, как известно, несопоставимо более мягкие и ограничиваются осуждением и порицанием.

Раннеродовая (кровнородственная) община является наиболее ранней стадией собственно человеческого общества, о которой мы можем судить по имеющимся поле-

вым материалам. Кровные родственники составляли костяк небольшого коллектива, что, очевидно, способствовало его сплочению, минимизации девиантных проявлений и конфликтных ситуаций. Вопреки распространенным представлениям о дикости, безудержности и войне всех против всех, этнографический материал по пигмеям, бушменам, хадза, андаманцам, огнеземельцам и иным мезолитическим этносам, живущим в условиях раннеродовой общины, свидетельствует об отсутствии серьезных конфликтов внутри самой общины, в отличие от межклановых, межобщинных и межплеменных отношений. На общем фоне выделяются лишь австралийские аборигены, для племен которых были характерны культ агрессивной силы, развитый институт кровной мести и укоренившаяся практика гомицида.

Отклонения от норм, проступки и преступления случались даже в сплоченной раннеродовой общине. Наиболее частыми были нарушения многочисленных табу. В гораздо меньшей степени встречались вербальное оскорбление, физическое насилие, членовредительство, похищение женщин, прелюбодеяние. Наиболее редкими были инцест, колдовство и убийство. В силу слабого развития материальной культуры охотников-кочевников, отсутствия частной собственности, а также мощного духа коллективизма кража и порча чужого имущества в раннеродовой общине практически не имели места. В условиях крайне ограниченного вещного мира воспользоваться украденной вещью и остаться неизобличенным мог разве что чужак из отдаленной общины. По утверждению А. С. Даймонда, кража в первобытном обществе встречалась даже реже, чем убийство, и часто рассматривалась как «эксцентричный и забавный грешок, характерный для детей или слабоумных, а санкции за него, если таковые имелись, являлись наиболее неустоявшимися» [26, с. 192].

Основная масса зафиксированных исследователями у первобытных этносов нарушений носит (с точки зрения современного права) уголовный характер. На явное доминирование криминального права в актах древнего письменного законодательства обращал внимание еще Г. Мэйн [33, с. 326]. Возможно, именно этот факт и побуждал в последующем некоторых авторов к необоснованному выделению категории «уголовное право» уже применительно к ранней первобытности, например, к нормативному регулированию у австралийских аборигенов [20], к которому по объективным причинам еще неприменимы понятия ни уголовного права, ни даже обычного права, так как морально-религиозного содержания там гораздо больше, чем правового.

Из мезолитических этносов, живших в условиях раннеродовой общины, наиболее полно и обстоятельно были изучены племена австралийских аборигенов и индейцев архипелага Огненная Земля, в том числе в плане института наказания. Как показывает их практика, в системе раннего соционормативного регулирования лишь условно можно выделить «уголовные» и «гражданские» нарушения, а «любая попытка точно определить различие между ними сопряжена с большими трудностями» [26, с. 277]. Эта система довольно четко подразделяется на две группы – частное регулирование, затрагивающее интересы семьи или клана, и публичное регулирование, затрагивающее интересы общины или племени. Лучше других авторов эту мысль выразил, пожалуй, А. Р. Редклифф-Браун: «Путаницы, которая возникала при попытке применить к дописьменным обществам современное различие между уголовным и гражданским правом, можно избежать, предложив взамен различие между правом публичных нарушений и правом частных нарушений» [36, с. 212]. Именно этим объясняется тот факт, что девианты, казалось бы, за однотипные нарушения подвергались различным наказаниям в зависимости от обстоятельств. Например, убийство родственника являлось целиком

и полностью внутренним делом рода (клана). Вследствие этого убийца в зависимости от своего социального положения и репутации мог или понести какое-либо серьезное наказание, или вообще избежать ответственности. Такое же убийство члена другого рода (клана) являлось делом двух родов и могло закончиться как ответным убийством в результате кровной мести, так и композицией – выплатой материальной компенсации пострадавшей стороне. Если был убит иноплеменник, то это затрагивало интересы двух племен, поскольку приводило к военному набегу или даже к затяжной межплеменной войне, поэтому наказание в каждом из этих случаев определялось в индивидуальном порядке.

В условиях раннеродовой общины еще не существовало какой-либо определенной шкалы тяжести и четкой системы наказаний, которые, например, у аборигенов Австралии варьировались по всему континенту настолько, что их, по мнению Р. М. и К. Х. Берндтов, даже невозможно сгруппировать по степени важности [2, с. 260].

Необходимо отметить особую природу негативных санкций раннеродового общества, которые некоторые авторы ошибочно подразделяют на моральные, религиозные и правовые. На самом деле нормативное регулирование в раннеродовой общине являет собой классический пример мононорм, сочетающих в себе моральный, религиозный и правовой аспекты. В силу того что на этом этапе развития человеческого общества мораль была неразрывно взаимосвязана с религией и зачатками права, соответственно любые санкции надо воспринимать как комплексные. Именно в этом ключе следует рассматривать простейшую базовую санкцию раннеродового общества – осмеяние, включая легкое оскорбление. Данный вид наказания чаще применялся к малоопытной молодежи и был достаточно эффективным, поскольку сильно бил по самолюбию девианта, заставляя его корректировать свое поведение. Как писал исследователь огнеземельцев М. Гусинде: «Каждый мог легко узнать от своего окружения оценку своего поведения. В частых одергиваниях сквозь зубы безжалостно выявлялись ошибки и своеобразие каждого... Каждый очень болезненно воспринимал презрение и пренебрежение общества» [28, с. 462–463]. Подобным образом в некоторых австралийских племенах братья контролировали действия своих сестер, если те сквернословили, пренебрежительно относились к своим домашним, семейным, церемониальным обязанностям, дрались и т. п. [2, с. 260].

Если первый малозначительный проступок прощался относительно легко, то за повторное нарушение следовало ужесточение наказания. Например, это могло быть публичное унижение посредством оскорбления со стороны пострадавшего субъекта или его родственников.

У огнеземельцев неисправимый рецидивист, что встречалось крайне редко, подвергался более серьезному наказанию. Как отметил М. Гусинде: «Семейная группа не прибегала к прямому наказанию виновного; она разрушала его добрую репутацию и избегала контактов с ним. Приговор общественного мнения наиболее существенно влиял на виновного, и его изменение стоило весьма больших усилий. Никуда не скрыться от пронзительных взглядов соседей, которые часто страдали от неправомερных действий конкретного человека. Никто ничего не скажет человеку, что общественность чувствует или думает и говорит о нем, однако из недружелюбного отношения окружающих каждый сделает однозначный вывод о своем положении» [28, с. 462]. Общественным порицанием также пресекали антисоциальное поведение андаманцы, не практиковавшие насилия к соплеменникам [7, с. 89].

Следующий вид наказания, который следует выделить в регулировании раннеродовой общины, – физическое воздействие, от избиения до ранения боевым оружием.

У аборигенов Австралии избиению подвергались женщины за убийство собственного ребенка, за супружескую измену и бегство от мужа с другим мужчиной. Абориген из Квинсленда мог без какого-либо вмешательства со стороны родственников даже ранить жену копьем или высыпать ей на живот горящие угли [32, с. 407]. Мужчины за похищение чужих жен, а также за словесное оскорбление практически всегда расплачивались кровью – ранением в бедро или ягодицу боевым копьем. К тяжелым последствиям могло привести причинение вреда чужой собаке, которая расценивалась аборигенами не как собственность, а скорее как член семьи [2, с. 263]. На полуострове Арнемленд ранение копьем мог в наказание получить абориген, доставивший известие о смерти близкого родственника, хотя чаще его вина снималась посредством обряда имитации боевого столкновения с родней покойного. У огнеземельцев физическое воздействие могли применить родственники невинно побитой жены в отношении ее мужа, а также обманутый супруг в отношении уличенной в неверности жены [28, с. 462].

Убийство как вид наказания практиковалось в раннеродовой общине нечасто и, как правило, вследствие кровной мести или расплаты за неисправимую склонность к прелюбодеянию, сексуальные перверсии, инцест, колдовство и святотатство, что особенно строго блюлось. Даже женщины и дети, случайно или намеренно нарушив правила посещения сакральных мест, увидев табуированные для них священные предметы или обряды, подлежали закалыванию копьем подобно злостным нарушителям и убийцам [2, с. 263]. Столь жестокая мера за нарушение наиболее строгих табу объяснялась необходимостью искупления вины перед сверхъестественными силами, которые в качестве наказания могли наслать на общество диких и свирепых животных, чрезмерные дожди или засуху, землетрясение или эпидемию [29, с. 145]. У гордых огнеземельцев убийство было обычной расплатой за грубое публичное оскорбление [28, с. 476].

У аборигенов Австралии наиболее отъявленным убийцам-рецидивистам, как правило, наиболее сильным и смелым воинам, чьи грехи могли накапливаться длительное время, грозило самое серьезное наказание, с глубокой древности зафиксированное у самых разных племен и народов. После их убийства уполномоченным на то лицом или группой лиц труп преступника оставляли без погребения на месте убийства, «чтобы его съели собаки и вороны», родственникам же убитого под страхом смерти запрещалось приближаться к трупу [2, с. 261–262]. Посмертное лишение погребального обряда – страшное наказание у многих племен. Например, по представлениям даяков о Борнео, душа умершего без специально проведенного обряда не сможет найти покоя и общаться с иными обитателями духовного мира [29, с. 151]. Подобным образом «наказывали» лишь тех покойников, чьи преступления вызвали в обществе особый ужас.

В силу мощного раннепервобытного коллективизма родственная группа (род, клан) несла коллективную ответственность за любые действия своих членов, что порой принимало весьма необычные формы. Так, у аборигенов дьери зафиксирован обычай подвергать наказанию, вплоть до смертной казни, не преступника, а его старшего брата [32, с. 400]. У многих австралийских племен кровная месть в случае невозможности отмщения непосредственному убийце могла быть перенесена на другого члена рода из локальной группы кровника. Формально после ответного убийства два рода были квиты, но на практике убитый в ответ человек мог обладать более высоким статусом, что влекло за собой новую вендетту – месть за месть и т. д.

Наиболее распространенной альтернативой убийству было изгнание преступника. У австралийских аборигенов остракизму также подвергались лица, нарушившие половые табу, не связанные с инцестом, например, за сексуальные связи с падчерицей

или тещей. Известны случаи, когда отдельные девианты сами перебежали в соседние племена, чтобы избежать неминуемого наказания [7, с. 74]. Впрочем, изгнание и побег были практически идентичны в условиях, как правило, враждебно настроенного иноплеменного окружения. Не случайно среди австралийских аборигенов изгнанников и беглецов-соплеменников называли «живыми покойниками» [11, с. 105].

Помимо реальных наказаний использовалось магическое воздействие на девианта – колдовство, результатом которого в первобытном обществе считались все несчастные случаи, болезни и смерть. Черная вредоносная магия сама по себе была запрещенным и наказуемым деянием. Исключение делалось лишь для колдовства, конечной целью которого было восстановление справедливости и спокойствия в социуме. Например, в случае, когда никто не мог отважиться наказать сильного и ловкого убийцу реальными методами, пострадавшие прибегали к колдовству, насылая порчу. Магическая месть могла продолжаться годами и считалась завершённой, когда девиант рано или поздно заболел и умирал [2, с. 265]. Прибегали к колдовству и по менее серьезным поводам, обычно при самозащите нарушенных прав и интересов. Нарушитель, узнав про насланные на него чары, мог попытаться загладить вину и уладить конфликт. Тем не менее без крайней необходимости с колдовством старались не связываться, поскольку человек, даже однажды замеченный в черной магии, очень рисковал быть обвиненным впоследствии в насылании на кого-либо болезни или смерти [2, с. 261].

В качестве еще одного вида негативных санкций можно выделить сверхъестественное наказание со стороны высших сил – всевозможных духов и божеств. Поскольку старейшины, отправлявшие религиозные обряды, были не в состоянии проконтролировать надлежащее соблюдение общинниками многочисленных табу и священных предписаний, они внедряли в сознание людей мысль о неотвратимости наказания со стороны всевидящих духов. Например, за любой контакт с родственником, на которого наложено табу, духи могли наказать болезнью глаз, за инцест – смертью, за употребление табуированной пищи – тяжелой болезнью и т. п. [2, с. 261]. У огнеземельцев боязнь наказания, которому может подвергнуть Высшее Существо, также была весьма велика [28, с. 463]. В этнологической и антропологической литературе еще с XIX в. приведено немало примеров, описывающих смерть или самоубийство нарушителя табу от мук совести или страха перед неминуемым сверхъестественным наказанием.

Принципиальное значение в становлении санкционной системы имеет субъект наказания. В зависимости от затронутых нарушением интересов, частных или публичных, можно соответственно выделить частные санкции, в которых субъектом чаще всего является чужая семейная группа или род, а также общественные санкции, где субъектом выступает община или племя.

Как справедливо отметил Э. А. Хебель, в первобытном обществе полномочия по восстановлению нарушенного порядка предоставлялись стороне, которой причинен прямой ущерб. Группа прямых родственников, сопереживая пострадавшей родне, больше остальных заинтересована в наказании виновных лиц, поскольку подпитывается мощным эмоциональным воздействием [30, с. 276]. Так, в матрилинейных обществах отца, вступившего в кровосмесительную связь с дочерью, наказывала родня матери девочки на том основании, что он совершил преступление против их рода, в то время как его родственники могли не принимать вообще никаких мер против него [32, с. 400].

Широко была распространена практика обязывания родственников принять участие в начавшемся конфликте. Например, у австралийских аборигенов потерпевший мог посредством обряда и заклинаний призвать сверхъестественные силы, после чего все

инициированные мужчины его родственной группы должны были прийти ему на помощь [2, с. 262]. Помимо этого, у аборигенов п-ва Арнемленд исследователи зафиксировали возможность передачи обязанности мести другому исполнителю при наличии каких-либо обстоятельств, препятствующих ее осуществлению. Пострадавший передавал некий предмет, символизировавший месть, другому общиннику, чем-то ему обязанному, и отказаться от новой обязанности было нельзя [2, с. 264–265]. У огнеземельцев каждый общинник был защищен от крайней несправедливости общественной поддержкой, на основании которой получал определенную свободу действий и возможность восстановления справедливости «посредством своего кулака» [28, с. 482].

В сугубо внутренних конфликтах вопрос о наказании решали ближайшие родственники, например, дядя или тесть, которые могли не только вынести самый суровый приговор, но и немедленно привести его в исполнение [25, с. 114]. В случае нарушения публичных интересов у австралийских аборигенов субъектом наказания выступали постестарные структуры: «Когда нарушаются законы, наказание определяют старшие мужчины, отвечающие за поддержание статуса-кво и соблюдение традиций. Они являются вершителями правосудия...» [2, с. 263]. Решение совета общины или племени имело силу общественного приговора в отличие от частных наказаний, по сути, являвшихся проявлением мести. По форме же это была не столько казнь, сколько обычное убийство, без каких-либо процедур и церемоний. У племени аборигенов нариньери совет старейшин выполнял функцию следствия и суда, определял степень вины и выносил приговор. В случае умышленного убийства преступник приговаривался к смерти, неумышленного – к изгнанию или телесному наказанию – некоторому числу ударов палицей по голове. Приговоренный «был вынужден склонить голову, чтобы, получив удары палицей, свалиться, как вол, затем он поднимался и получал еще и еще, пока не вызывало всеобщее удивление, что его череп не был проломлен» [29, с. 172].

Приведение смертного приговора в исполнение зависело от ряда обстоятельств. Непосредственным исполнителем у австралийских аборигенов мог выступать любой доброволец, в том числе из совета старейшин. Если уже и родня уставала от девианта, то вызваться мог и кто-то из родственников. Если желающих не находилось, совет старейшин прибегал к императивному обязыванию кого-либо из общинников или даже группы из нескольких человек. Варианты могли быть самые разные. Исследователями зафиксирован случай, когда предварительно выбранному воину руководители священных обрядов под каким-то предлогом дали отведать запрещенной пищи, после чего объявили, что он нарушил табу и в качестве раскаяния должен убить приговоренного к смерти человека [2, с. 262]. Дальше оставалось только ждать удобного случая. На совместной охоте, очередной перекочевке или во время сна приговоренный к смерти рано или поздно получал смертельный удар копьем в спину. Вынесенный приговор никогда не отменялся, даже если преступник исчезал из племени на длительное время. Стоило ему вернуться в пределы территории любой из общин племени, и он был фактически обречен.

Наказание по публичному делу подразумевало его формальное одобрение и поддержку сообществом, следовательно, исключало ответную месть со стороны родственников нарушителя. В частные конфликты община или племя не вмешивались, и родственная группа нарушителя могла не признать наказание правильным и надлежащим в данной ситуации, что могло привести к затяжной вендетте между двумя группами или родами.

Наказание за нарушение в раннеродовом обществе было неотвратимым, но варьируемым. В частных конфликтах субъект, чьи интересы были нарушены, выбирал способ

наказания виновного по обстоятельствам. Так, при обнаружении браконьера на своем охотничьем участке австралийский абориген мог его отбранить, если тот оказывался из соседней общины, пронзить копьем бедро или ягодицу, если тот был из дальней общины одного племени; иноплеменный чужак подлежал убийству на месте [32, с. 407].

Кроме того, учитывались различные смягчающие обстоятельства. Наличие или отсутствие умысла в действиях нарушителя на этом этапе еще крайне редко принималось во внимание в отличие от деликтоспособности и раскаяния. Например, известен случай, когда приговоренный за инцест абориген племени дьери избежал убийства, после того как авторитетный соплеменник обратил внимание старейшин на его слабоумие [32, с. 408]. Сбежавшие любовники у австралийских аборигенов при добровольном возвращении в общину до захода солнца следующего дня имели шанс отделаться избиением и в буквальном смысле малой кровью, в противном случае их ожидало более суровое наказание [11, с. 104–105].

В силу слабого развития потестарных структур в раннепервобытном обществе самозащита в форме мести выступала главным методом урегулирования конфликтных ситуаций, поскольку частные (родственные) побуждения нередко оказывались сильнее общественных (общинных, племенных) норм и правил. Это нередко вело к определенным перекосам, когда в конфликте, затрагивающем публичные интересы, вместо общественного наказания, предусматривавшего хоть какое-то разбирательство, род потерпевшего сразу прибегал к кровной мести. Случалось и двойное наказание, когда, например, после выплаты виновной стороной материальной компенсации семье потерпевшего неудовлетворенная родня дополнительно предпринимала попытки мести [2, с. 265].

Позднеродовая община стала формироваться вследствие социальных изменений периода неолитической революции, которая привела к появлению производящего хозяйства ранних земледельцев и скотоводов, а также высокоспециализированного хозяйства охотников, рыболовов и собирателей. Если прежний образ жизни ограничивал численность раннеродовой общины двумя-тремя десятками человек, преимущественно родственников, то по мере совершенствования способов и приемов добычи пропитания, с переходом к оседлости община становилась более крупной и многородовой. Как следствие, многократно увеличилась ее конфликтогенность и усложнилось регулирование. Ключевым признаком наступившей эпохи стало появление прибавочного продукта и связанных с этим многочисленных последствий, обусловленных имущественной и социальной дифференциацией. Характерные черты перехода к позднеродовой общине были зафиксированы у высокоспециализированных охотников, рыболовов и собирателей Северной Америки, а также ряда раннеолитических этносов Сибири, Южной и Юго-Восточной Азии.

Применительно к институту наказания следует отметить расширение спектра санкций за имущественные нарушения и постепенное повышение роли материальной компенсации пострадавшей стороне, чему способствовали процессы развития материальной культуры и институционализации семейной собственности. Накопление прибавочного продукта проходило среди общинников весьма неравномерно и создавало базу для противоречий с тысячелетними нормами коллективного распределения. Например, папуасы арапеш настолько негативно относились к стяжательству, что ставили тайное накопительство практически на один уровень с инцестом [14, с. 277]. Имеется немало сообщений исследователей о претензиях общества к богатым людям, которым повсеместно приходилось делиться своими накоплениями. В противном случае, например, у эскимосов скупого богача убивали, а его имущество распределяли в соответствии с

местными традициями. У эскимосов Западной Аляски длительное хранение явно избыточных продовольствия и вещей вело к конфискации излишков общиной [30, с. 81]. Воровство на этом этапе получило некоторый импульс к развитию, но развито было по-прежнему слабо. Так, по воспоминаниям Л. Г. Моргана, долгое время прожившего среди ирокезов, «воровство... было им почти неизвестно... Для защиты собственности им никогда не были нужны ни замки, ни запоры, ни частные хранилища. Общественное негодование, наиболее суровое наказание, известное краснокожему человеку, было единственной карой за уклонение с пути честности» [15, с. 176]. Примерно так же характеризовал нивхов Л. Я. Штернберг: «Кража у гиляков – грех, и совершивший ее покрывается позором. А позор и стыд – великое наказание для гиляка. Уличенный в совершении чего-либо постыдного, гиляк уходит в тайгу и налагает на себя руки (вешается)» [24, с. 383]. Ительмены впервые попавшегося вора избивали и подвергали общественному презрению, «после чего принуждены были такие люди жить наедине без всякой помощи и без всякого с другими обхождения, как сущие плуты и политической смертью казненные» [9, с. 372].

Эскимосы нунамиут давали изобличенному вору новое имя, соответствовавшее украденной вещи, вследствие чего до самой смерти каждое публичное обращение к девианту напоминало всем о его постыдном поступке [35, с. 95]. У индейцев Великих равнин, команчей и шайенов воровство также встречалось нечасто, как правило, в форме конокрадства. Уличенные конокрады подлежали избиению до полусмерти и уничтожению имущества. А вот у соседних кайова, у которых гораздо дальше зашла имущественная и социальная дифференциация, сквозь пальцы смотрели на мелкое воровство деклассированных людей низшего ранга, поскольку они были «ниже внимания и презрения» [30, с. 171].

На примере папуасских племен Новой Гвинеи можно видеть, как усложнялся институт наказания по мере развития ручного земледелия и скотоводства. Увеличение прибавочного продукта порождало не только соблазн позаимствовать чужое, но и усиление ответной реакции общества по защите прав собственности. В частности, у арапешей кража свиньи нередко приводила к кровопролитию, а в случае эскалации конфликта даже могла закончиться смертью [14, с. 247–248].

Поскольку у равнинных индейцев лошадь особенно ценилась среди прочего имущества, умышленное убийство лошади считалось серьезным преступлением. Убийство любимой лошади, особенно если она подарена или завещана лучшим другом, фактически приравнивалось к убийству человека. Это видно из того факта, что возмездие за данное преступление выражалось в ответном убийстве не чужой лошади, а самого преступника. По утверждению Э. А. Хебеля, у ряда индейских племен любимая лошадь воина даже имела определенную правосубъектность и приравнивалась к человеку. Именно поэтому убийство убийцы лошади не влекло за собой кровной мести, поскольку чаши весов были равны: жизнь человека за жизнь лошади [30, с. 140].

Умышленное убийство соплеменника считалось у шайенов тяжелым преступлением, которое грозило проклятьем всему племени. Виновный, лишенный всех прав, изгонялся, а племя при стечении всех членов проходило Великую церемонию очищения от скверны [30, с. 157–158]. Изгой имел возможность уйти жить к дружественным соседям, арапах или сиу, а по прошествии пяти лет мог обратиться в совет племени с просьбой о возвращении. Изгнанием также наказывалось умышленное убийство матерью новорожденного, а также умышленное прерывание беременности на поздних сроках [30, с. 155]. Применительно к инфантициду и геронтоциду следует отметить, что в некоторых

обществах с нестабильным продовольственным обеспечением умерщвление детей и стариков применялось в тяжелые периоды в качестве демографического механизма, поэтому преступлением эти деяния не считались. Более того, известны случаи, когда в таких обществах, например, у эскимосов, оправдывался даже вынужденный каннибализм.

У омаха изгнанные убийцы аналогично лишались всех прав, отселялись за край лагеря и могли вступать в сношения только с ближайшими родственниками, снабжавшими их продовольствием. Продолжительность изгнания составляла обычно четыре года, но при смягчении родственников убитого изгнанники получали возможность вернуться в племя досрочно [30, с. 416]. В данном случае мы видим, что убийство уже в какой-то мере вышло из частной сферы, но еще не стало полностью публичным делом.

Союз ирокезов при совершении убийства также предпринимал значительные усилия к примирению, особенно если стороны были из разных племен. В большинстве случаев посредничество помогало уладить конфликт на определенных условиях. Однако никто не мог запретить пострадавшему роду осуществить кровную месть в случаях преднамеренного убийства [15, с. 176].

У нивхов Приамурья и Сахалина убийство родича наказывалось изгнанием, а убийство чужеродного общинника влекло за собой кровную месть [24, с. 95], от которой можно было откупиться. Социальное расслоение у них достигло такой степени, что размер компенсации различался в зависимости от статуса убитого и благосостояния рода убийцы, разделявшего коллективную ответственность. Ничего не известно о ситуациях с невыплатой виры у нивхов, но у сахалинских айнов такое случалось, и тогда убийцу заживо закапывали или перерезали ему сухожилия на ногах [24, с. 585].

Убийство у известных своим миролюбием папуасов арапеш встречалось редко, гораздо чаще они были настроены на примирение и материальную компенсацию от виновной стороны. В зависимости от обстоятельств имела место практика кровной мести посредством черной магии. Страх перед чарами нанятого колдуна был настолько велик, что преступник предпочитал бежать из общины [14, с. 248].

Поскольку позднеродовая община стала многогородовой, из-за притока чужаков заметно участились конфликты из-за женщин, которые у большинства этносов были основным конфликтогенным фактором. Несмотря на относительную свободу сексуальных отношений эскимосов, прелюбодеяние с чужой женой без прямого или косвенного согласия ее мужа считалось у них нарушением. Оскорбленный муж мог побить совратителя или вызвать его на песенный поединок, итогом которого было публичное осмеяние побежденного. А вот увод чужой жены был прямым ударом по престижу покинутого мужа и, как правило, приводил к убийству виновника [30, с. 83]. Сахалинский нивх, заставший жену с любовником, убивал соблазнителя, а жену избивал до полусмерти [24, с. 370].

Половая неприкосновенность в той или иной мере соблюдалась во всех позднеродовых обществах. У шайенов не только изнасилование, но и домогательство строго наказывалось родственницами женщины, которые могли забить взрослого домогателя камнями даже до смерти [27, с. 131], уничтожить жилище и имущество родителей насильника. Во многих племенах столь жесткие санкции со стороны женщин в определенной степени предостерегали потенциальных девиантов от актов сексуального насилия, а ожесточенное сопротивление насильникам было обусловлено тем, что добровольно уступившая девушка «была опозорена навсегда» [30, с. 167].

У команчей из 45 описанных исследователями случаев побегов жен с другим мужчиной в 41 случае покинутые мужья приняли материальную компенсацию и лишь в 4 случаях, несмотря на угрозу кровной мести, по разным причинам (вспышка гнева,

невыплата компенсации или ее малый размер) предпочли убить виновника [30, с. 136]. У шайенов обманутый муж, не дождавшийся никакой компенсации от совратителя, получал право в отместку убить нескольких лошадей обидчика или публично унижить его каким-либо образом [30, с. 161–162].

Принятие мужем компенсации означало прощение им оскорбителя, но не гарантировало освобождения жены от ответственности за проступок. У команчей известно немало случаев, когда муж находил и убивал сбежавшую жену или отрезал ей нос [30, с. 139]. Если убийство жены или родственника считалось внутренним семейно-родовым делом и не влекло за собой последствий, то убийство иного общинника грозило кровной мстью вне зависимости от обстоятельств, неправоты жертвы и общественного мнения.

Убийства и большинство иных нарушений по-прежнему оставались, как правило, внутренним делом двух коллективов. Однако рецидивист рассматривался уже в качестве публичной угрозы. У эскимосов девиант-рецидивист сурово наказывался изгнанием в арктическую пустыню, а убийца-рецидивист приговаривался общиной к смерти, но не сразу, а при удобном случае. Могли пройти годы, прежде чем предпринималась попытка наказания, а преступник тем временем мог навещать семьи своих жертв, дружески с ними общаться, жить в кажущемся мире и согласии в течение длительного периода. Однако рано или поздно он мог быть внезапно убит ударом в спину, причем не обязательно родственником какой-либо из своих жертв. Известность получил случай, когда староста общины добровольно взял на себя функции палача и убил рецидивиста во время совместной охоты. Предварительно он получил единогласное одобрение общины, в том числе, скорее всего, и от родственников рецидивиста. Поскольку это было не простое убийство, а исполнение публичного приговора, ответная кровная мсть исполнителю не грозила. Более того, расправа вполне могла быть совершена ближайшими родственниками приговоренного [30, с. 88–89]. Преступник также мог быть вызван через много лет на бойцовский поединок подросшим мстителем и казнен в случае своего поражения [32, с. 414]. Например, у оленных чукчей, когда группа родственников, сговорившись, но без согласования с общиной, превентивно убивала чрезмерно задиристого члена своего клана, опасаясь, что им придется вести «вражду кровомщения», если это сделает какой-нибудь чужак [3, с. 180]. У коряков существовала практика добровольной выдачи преступника мстящему роду и даже его убийства ближайшими родственниками [6, с. 204].

Омаха на совете семи вождей также приговаривали неисправимого девианта к смерти. Такому человеку сначала давали шанс на исправление, убивая предварительно его лошадей. Если преступник оставался глух к предупреждению, совет назначал воина, который приводил смертный приговор в исполнение при помощи отравленного копья [32, с. 416].

Рецидивизм расценивался как неуважение к обществу и вызов авторитету вождей, что сурово каралось практически во всех родовых обществах. Помимо рецидивизма и открытого неповиновения общественным институтам к публичной сфере относился еще ряд преступлений. Так, у всех индейцев Великих равнин жестокое наказание ожидало нарушителей правил коллективной охоты на бизонов, поскольку один неверный шаг мог вспугнуть все стадо и создать продовольственную проблему всему племени. На период подготовки и проведения такой охоты все индивидуальные устремления подчинялись коллективным интересам. Изобличенного браконьера-одиночку лишали добычи, избивали, ломали его оружие и разрушали жилище. В случае сопротивления его убивали на месте [32, с. 385].

Колдовство по-прежнему относилось к числу тяжелейших публичных преступлений у большинства этносов. У некоторых команчей и эскимосов разовое колдовство про-

щалося, но систематическое наказывалось смертью. Ирокез мог или убить колдунью, застигнутую на месте преступления, или предоставить вынесение приговора совету племени, который всегда имел в распоряжении палачей-добровольцев [15, с. 175].

Заслуживает внимания тот факт, что практически у всех групп эскимосов, от Аляски до Гренландии, неисправимые лжецы приравнивались к убийцам-рецидивистам и колдунам и приговаривались общиной к смерти [30, с. 90].

После выхода в эпоху неолита на новый уровень религиозных представлений расширились и усложнились санкции за нарушение религиозных предписаний и табу, существенно укрепили свои позиции потестарные структуры. Так, у эскимосов роль шамана возросла настолько, что он мог, ссылаясь на волю духов, вмешиваться практически во все дела общинников, в том числе в вопросы брака и личной жизни, а за неподчинение мог любого изгнать из общины [30, с. 73].

У индейцев Великих равнин в процессе охоты на бизонов и боевых столкновений с соседями сложился институт военных обществ, которые стали со временем выполнять обширные контрольно-полицейские и даже судебские функции. Например, юрисдикция шайенских военных обществ распространилась на большинство конфликтов и нарушений внутри племени, за исключением случаев супружеской измены и убийств. В юрисдикции совета племени оказались вопросы казни, изгнания убийц и их помилования.

В обществах высших охотников, рыболовов и собирателей, не испытывавших перенаселения, довольно четко прослеживались традиции тесного родства и тенденция к сбережению своих членов, поэтому закономерно появление различных примирительных и амнистирующих процедур. Так, у различных групп эскимосов активно практиковалось публичное покаяние, а первое нарушение или преступление прощалось практически независимо от тяжести содеянного. Например, нарушение кем-либо из общинников одного из множества табу и предписаний по поверью грозило всей общине голодом, поскольку по воле высших сил все усилия охотников могли оказаться напрасными. В таком случае лишь добровольное признание и раскаяние согрешившего могли спасти от неминуемого сверхъестественного наказания. В случае охотничьих неудач шаман посредством гадания выявлял «нарушителя», которым мог объявить фактически любого. Если обвиненный признавался в содеянном и раскаивался, то вина считалась заглаженной. Однако если он упорно отстаивал свою невиновность, «только его смерть могла успокоить гнев оскорбленного божества» [32, с. 414].

Во многих индейских позднеродовых обществах четко прослеживалось стремление к смягчению участи заблудшего соплеменника. Вожди племен постоянно участвовали в примирительных процедурах, чтобы смягчить для виновного наказание, если тот раскаялся и поклялся впредь идти праведным путем. Даже приговоренная ирокезами к смерти колдунья могла надеяться на прощение в случае полного признания содеянного и обещания исправиться. При этом, однако, нельзя говорить о полной реабилитации таких преступников, поскольку своего рода печать скверны не позволяла обществу предать забвению их деяния, что проявлялось в их проживании на отшибе, запрете курить общую трубку в мужских собраниях, есть и пить из общей посуды и т. п.

Арапеш в стремлении помочь человеку, совершившему непреднамеренное убийство, призывали пострадавший клан к милосердию, объясняя трагедию кознями многочисленных колдунов [14, с. 248].

Для нормативного регулирования на стадии позднеродовой общины также была характерна институционализация самоубийства в качестве как самонаказания, так и виртуального мщения. Типичный пример самонаказания описан в ситуации у эскимосов

иглулик, когда сын случайно замерзшей пожилой женщины, укоряя себя в ее смерти, покончил с собой, раздевшись и уйдя в арктическую пустыню. Возникновение практики самоубийства с целью мщения обидчику объясняется тем, что у многих племен доведение до самоубийства стало приравняться к убийству и наказывалось соответствующим образом. У тех же эскимосов описан случай, когда пасынок, оскорбленный замечаниями отчима, что тот не стоит съедаемой пищи, раздевшись, ушел на мороз и замерз [30, с. 77]. По первобытным представлениям наказание в подобных случаях было двойным: община могла наказать обидчика за доведение до самоубийства, кроме того, дух покойного грозил обидчику всевозможными бедами и напастьми.

На примере арапешей и других племен Новой Гвинеи можно видеть трансформацию коллективной ответственности от родовой к общинной. Так, если по какой-либо причине умирал молодой арапеш, то это легко объяснялось проделками дальних соседей, после чего подкупался колдун, который должен был наслать злые чары на любого юношу недружественной общины. В ответ на похищение чьей-либо жены похищалась женщина из общины виновника, с которым она могла даже не состоять в родстве, и т. п. [14, с. 289–290]

В завершение темы об институте наказания в позднеродовой общине отметим, что на этом этапе начали формироваться суды, игравшие важнейшую роль при назначении наказания. Их появление было вызвано потребностью в урегулировании межродовых конфликтов, возникавших в общине по мере ее разрастания и увеличения числа составлявших ее кланов и линиджей. Однако полноценная институционализация суда проходила уже в рамках общины нового, неродового типа.

Позднепервобытная (гетерогенная, соседско-большесемейная) община складывалась вследствие многочисленных хозяйственно-культурных и социальных изменений эпохи неолитической революции, которые привели к росту прибавочного продукта, институционализации частной собственности, ослаблению родовых связей, имущественной и социальной дифференциации. Ее формальным началом можно считать первое общественное разделение труда – отделение скотоводства от земледелия. Закрепление новой формы общины проходило параллельно со вторым общественным разделением труда – отделением ремесла от земледелия и развитием обмена. Устаревшее нормативное регулирование не годилось для обслуживания новых социально-экономических отношений, поэтому из консервативных морально-религиозно-правовых монопольных родового общества стали выделяться правовые обычаи, к которым постоянно добавлялись новые актуальные нормы правового характера, способствовавшие формированию свода обычного права.

Из-за неравномерности процесса социально-экономических изменений у разных племен позднепервобытная община получила довольно много локальных вариантов. При этом она лучше изучена, поскольку наблюдалась во всех частях ойкумены у большинства догосударственных обществ, попавших в сферу исследовательского внимания в XVIII – начале XX в., а это многочисленные этносы эпохи позднего неолита и раннего металла.

Характерной особенностью нормативного регулирования в рассматриваемый период стало существенное расширение спектра нарушений. К традиционному набору добавились соучастие в убийстве, вовлечение в преступление, злонамеренное убийство чужого скота, клевета и ложное обвинение, порча и необоснованный захват чужого имущества и т. п. В силу правовой неурегулированности основную массу дел в судах составили многочисленные тяжбы по вопросам материального характера: по захвату собственно-

сти, делению наследства, просроченным долгам, нарушению договоров и др. Поскольку нарушения увеличились количественно и усложнились в качественном отношении, претерпел метаморфозы и институт наказания. Наиболее важными изменениями стали расширение сферы использования композиции – материальной компенсации пострадавшей стороне и/или вождю, а также дифференциация наказаний в зависимости от социального положения сторон конфликта. Изначально сумма материальной выплаты пострадавшей стороне никак не фиксировалась и в каждом конкретном случае зависела от двух составляющих – запроса пострадавшей стороны и возможностей виновной. Постепенно вырабатывались и закреплялись определенные размеры выплат за каждый вид нарушения, а за убийство еще и в зависимости от статуса, пола и возраста жертвы. Например, у древних киргизов убийство рядового общинника обходилось убийце в 100 лошадей или 1000 овец, а за знатного человека родственники требовали в семь раз больше. Композиция за убийство женщины обходилась в половину, а за ребенка – в три раза меньше [32, с. 403].

Указанные изменения хорошо прослеживаются в динамике на примере целого ряда этносов, имевших различия в уровне социально-экономического развития и социального расслоения. Так, у ифугао о-ва Лусон к моменту контактов с европейцами произошло разделение по уровню богатства на три социальные группы. С эффективными потестарными структурами на уровне семьи и общины, но при полном отсутствии централизованной власти ифугао имели развитую систему наказаний, которые варьировались в зависимости от принадлежности виновного и потерпевшего к той или иной категории. Если конфликтующие стороны принадлежали к одной группе, наказание назначалось сравнительно легко, некоторые сложности возникали при конфликтах представителей разных групп. Богатые и знатные в случае своей виновности перед середняками или бедняками платили меньше, чем за деяние против себе подобных. Если же истцом является богатый и знатный, а обвиняемый – середняк или бедняк, то последние вынуждены платить больше, чем за аналогичное деяние против представителей своих социальных групп. В результате примирительных процедур компромиссный размер компенсации мог быть установлен посередине размеров, формально установленных для двух разных групп [30, с. 117].

Обычное право ифугао предусматривало два вида наказания за любые нарушения: наложение материального штрафа и смерть – по общественному приговору или в результате вендетты. Кровной мстью наказывалось лишь умышленное убийство. При смягчающих обстоятельствах, не требующих ответного пролития крови, убийца должен был организовывать большой и щедрый пир и предоставить наследникам убитого хорошие подарки. Для богатых это было вполне приемлемое наказание, в то время как для середняков такие материальные затраты становились тяжелым бременем на многие годы, а у бедняков долги по компенсации после смерти родителя переходили на его детей [32, с. 402–403].

У более продвинутых этносов кровная месть была сведена к минимуму. Например, у тробрианцев, имевших потомственную знать с наследственными вождями, она встречалась лишь в случае убийства взрослого знатного мужчины. Во всех остальных ситуациях производилась «плата за кровь» [13, с. 273]. Исключение составляли случаи, когда жертва, по общественному мнению, своим вызывающим и оскорбительным поведением сама заслуживала смертельного наказания [13, с. 769]. Тлинкиты Аляски также принимали материальную компенсацию лишь за рядового общинника. Если же был убит знатный человек, то клан убийцы должен был понести равную по статусу потерю, при этом

сам преступник мог остаться целым и невредимым. Чтобы не усугублять межклановый конфликт, стороны определяли кандидата на заклание путем упорных переговоров и торга о его статусе [34, с. 146–147].

У народов, достигших порога протогосударства, кровная месть была фактически запрещена, поскольку лишение жизни стало прерогативой верховного вождя – по образному выражению ашанти, «только правитель может властвовать мечом» [30, с. 232].

Нарождавшиеся нормы обычного права часто вступали в противоречие с традициями, что порождало конфликтные ситуации. Например, у ифугао, так же как и у тробрианцев, муж, заставший жену с любовником, по древней традиции имел право заколоть обоих на месте, но в соответствии с новыми нормами обычного права мог потребовать значительную материальную компенсацию, причем двойную – от любовника жены и от родственников жены. В случае убийства любовников он рисковал потерять жизнь в результате неминуемой кровной мести, а в случае получения компенсации рисковал потерять общественное уважение. По представлениям ифугао, еще не подвергшихся в полной мере влиянию товарно-денежных отношений, «уважающий себя мужчина должен использовать копье в горячем гневе и получить его в спину в виде холодной мести» [30, с. 119].

Якут мог безнаказанно убить застигнутого любовника жены, но высокие ставки компенсации повсеместно побуждали к отказу от старых традиций в пользу норм обычного права [10, с. 35]. Так, у ифугао в случае изнасилования замужней женщины преступник был обязан выплатить весомую компенсацию женщине, ее оскорбленному мужу и роду мужа. Если насильник был женат, то он должен заплатить и роду жены [30, с. 120]. Заинтересованные в подарках родственники оказывали серьезное влияние на пострадавшую сторону с целью мирного разрешения конфликта. Столь мудрый механизм не только содействовал переходу к правовой регулятивной системе, но и эффективно предостерегал от противоправных действий, способных разорить даже сравнительно обеспеченного человека.

Обычное право формировалось и изменялось в интересах новых экономических отношений и прежде всего защиты частной собственности. Так, у всех этносов кража оставалась одним из наиболее презируемых преступлений, наказание за которое постоянно ужесточалось. Это было уже не только общественное порицание и возврат похищенного, но и трех-четырекратная компенсация, а у якутов, например, был зафиксирован девятикратный размер компенсации за угнанный скот [10, с. 35]. Примечательна правовая практика ифугао, которые взымали с неимущих эквивалент похищенного, с обычных общинников – эквивалент и компенсацию в том же размере, а с богатых и знатных – четырехкратную стоимость [30, с. 120]. Справедливость такого дифференцированного подхода ифугао обосновывали тем, что чем выше социальный статус вора, тем больше степень его позора, а следовательно, и конечный размер наказания. На архипелаге Самоа в Полинезии собрание, выполнявшее функцию суда, могло приговорить вора к самоизбиению камнем, пока его кровь не начинала струиться по телу. Частым наказанием также было выставление девианта со связанными руками и ногами на несколько дней под лучи палящего солнца [32, с. 417]. Галлы сжигали воров и иных преступников, принося их в жертву богам [22, с. 127].

По-прежнему за тяжкие преступления и рецидивизм достаточно широко практиковалось изгнание. Б. К. Малиновский писал про тробрианцев: «Никакая сила не могла отменить приговор изгнания. Если прозвучали слова «ступай прочь», «мы изгоняем тебя», человек должен был уйти из деревни. Эти слова, очень редко произносимые с полным

чувством их значимости, имеют обязательную силу и почти магическую власть, когда они адресуются жителями деревни чужаку, живущему среди них. Человек, который осмелился бы проигнорировать содержащееся в них страшное презрение и остаться, несмотря на него, был бы опозорен навсегда. По сути, никакого выхода из этого положения, помимо немедленного подчинения ритуальному изгнанию, нельзя даже представить. [13, с. 265–266]. По свидетельству М. Мид, на о-ве Бали пару, уличенную в инцесте, изгоняли в страну наказания, «где царят только боги смерти» [14, с. 308].

Институт наказания еще более усложнился на завершающем этапе первобытности – эпохе вождества и военной демократии, на фундаменте которых возникали первые протогосударства. Многочисленные военные конфликты, перераставшие в продолжительные захватнические и оборонительные войны, требовали постоянных материальных поступлений для содержания войска и формировавшегося управленческого аппарата. На примере ашанти мы видим, как обычное уголовное право активно использовалось для пополнения казны вождя, в том числе и в ущерб своей основной функции – урегулированию конфликтов и предостережению от противоправного поведения. Каждый член племени был ценен в качестве потенциального плательщика налогов и штрафов, а потому смертная казнь в системе наказаний была предусмотрена лишь за вопиющие преступления. В остальных случаях человек платил штрафы, компенсации или попал в рабство. Обычное право ашанти отошло от корпоративной ответственности за убийство, что минимизировало практику кровной мести [37, с. 289].

На этапе позднепервобытной общины происходит стремительный рост статуса вождя, что было связано с повышением роли потестарных структур в урегулировании внутриобщинных и межобщинных конфликтов, обеспечении продовольственными и иными ресурсами, решении вопросов внешней безопасности и т. д. Возникло множество табу, связанных с вождями, которые активно перекраивали нормативное регулирование в своих интересах. На тробрианском материале хорошо прослеживается, как появлялись новые нормы и вводились наказания за их нарушение. Теперь ничья голова не могла быть выше головы вождя, к которому приближались низко нагнувшись. Только вожди могли носить богатые украшения из морских раковин. Запрещалось демонстрировать превосходство над вождем в каких-то личных качествах, в богатстве, украшении жилища и даже просто вступать с ним в спор. Произнесение в присутствии вождя бранных слов, пусть даже в адрес его свиньи, расценивалось как оскорбление самого вождя и имело печальные последствия для девианта [13, с. 769]. У многих племен преступления против вождя со временем стали рассматриваться как самые опасные преступления против всего общества, как, например, у тробрианцев [13, с. 685–686] и у ашанти [30, с. 239–240], а наказанию мог быть подвергнут не только преступник, но и его семья [29, с. 154]. Верховные вожди тробрианцев для реализации своей власти и осуществления наказаний содержали целый штат лучших колдунов, а также одного-двух потомственных палачей [12, с. 65].

Если на протяжении многих тысяч лет главная задача потестарной власти сводилась к предотвращению внутренних конфликтов, обеспечению выживания и единства первобытного коллектива, то в период вождества на первое место выходит получение средств для создания военизированного протогосударства с пирамидальной системой управления и подчинения. Раннеклассовые полинезийские этносы, например, самоа, практиковали грабительский набег в качестве наказания за ряд противоправных деяний. После вынесения решения о наказании лидеры общины подходили к домохозяйству преступника, созывали людей и официально объявляли приговор. Затем они подавали

сигнал, по которому начиналось разграбление имущества и запасов, после чего дом поджигали, преступника избивали и вместе с семьей изгоняли из общины. Аналогичным образом поступали маори Новой Зеландии, если общинник уничтожил коллективную собственность в результате пожара или лишил племя запасов пищи в результате своей небрежности [32, с. 417].

У кафиров Южной Африки штрафы налагались практически за любое нарушение, причем основная их часть шла уже не пострадавшей стороне, а в казну вождя: за убийство – 7–10 голов скота, за аборт или содомию – 4–5 голов скота, за соблазнение замужней женщины – 1–7 голов скота, в зависимости от статуса мужа и наступления беременности. Даже в случае драки и нанесения побоев штраф хоть и в разном объеме, но налагался на обе стороны, поскольку по представлениям кафиров «ничто не считается основанием, чтобы один человек ударил другого, даже в порядке самообороны» [32, с. 423].

С целью пополнения казны многие частные дела легко переходили в публичную плоскость. Например, у ашанти кредитор, исчерпавший иные способы вернуть просроченный долг, мог обратиться к вождю, который за определенную плату посылал к должнику своего казначея в качестве коллектора. Отказ в выплате вождю приравнивался к измене, поэтому должник либо платил, либо продавался в рабство в счет уплаты долга. В крайнем случае, действовал принцип коллективной ответственности, и линидж должника платил за него причитавшуюся сумму.

Не менее показательны ситуации с умышленным убийством и покушением на убийство, за которые обычное право ашанти предусматривало казнь. Однако в определенных случаях, при раскаянии и стремлении загладить вину, в судебном процессе преступное деяние могли переqualифицировать на непредумышленное, совершенное под влиянием козней злых духов. В таких случаях подсудимого приговаривали к большой компенсации линиджу жертвы и штрафу в казну вождя [30, с. 235–236]. Размер «выкупа головы» в каждом случае устанавливался судом в зависимости от платежеспособности преступника и мог быть пересмотрен. Известно, что эве, соседи ашанти, успешно практиковали ходатайства о снижении размера наложенного судом штрафа почти наполовину [32, с. 421].

Еще более показательна у ашанти ситуация с самоубийцами, которые, по сути, нарушали постулат об исключительном праве вождя распоряжаться жизнями подданных. Самоубийство у ашанти приравнивалось к умышленному убийству. Уполномоченными лицами труп доставлялся в суд, иногда для этого даже выкапывался, если родственники успели его похоронить. Суд завершался обвинением покойного в неуважении к суду и правителю с последующим приговором к отсечению головы. Поскольку самоубийца официально признавался преступником, а любой преступник был обречен способствовать пополнению казны, то вся его собственность конфисковывалась. Наследники лишались наследства, но могли претендовать на узуфрукт после первого урожая, целиком достававшегося вождю [37, с. 300–301].

Формирование системы наказания в эпоху военной демократии было связано с целым рядом факторов и не в последнюю очередь с необходимостью ведения многочисленных войн. Пагубность внутренних междоусобиц была очевидна самым воинственным племенам, например, древним германцам, которые, по словам Тацита, стремились искупить человекоубийство «определенным количеством быков и овец» [19, с. 346]. На этом этапе власть вождей, жрецов и шаманов уже была достаточной, чтобы не только убеждать и побуждать, но и принуждать и подчинять. Так, друиды галлов решали почти все спорные дела, как общественные, так и частные, и, по словам Цезаря, «если кто –

будет ли это частный человек или же целый народ – не подчинится их определению, то они отлучают виновного от жертвоприношений. Это у них самое тяжелое наказание. Кто таким образом отлучен, тот считается безбожником и преступником, все его сторонятся, избегают встреч и разговоров с ним, чтобы не нажить беды точно от заразного; как бы он того не домогался, для него не производится суд; нет у него и права на какую бы то ни было должность» [22, с. 125].

В свете обширных данных юридической антропологии устаревшим и не соответствующим действительности выглядит сегодня мнение об отсутствии в первобытности четкого разграничения между умышленными и неумышленными преступлениями, которое якобы подразумевает определенную степень цивилизации [29, с. 147]. Очевидно, что в отличие от родового общества в позднепервобытной общине при определении наказания суд все в большей степени учитывал наличие или отсутствие преступного умысла. Так, если умышленное причинение ущерба у кафиров требовало полной компенсации, то при случайном ущербе он даже не всегда возмещался [32, с. 423]. Как уже говорилось, у многих племен, включая ифугао, тробрианцев, ашанти, эве, галла, умышленное убийство наказывалось смертью, а отсутствие умысла было основанием для принятия компенсации и примирения. Во многих племенах Восточной Африки – акамба, вабони, вабенде, ватеита, ватавета, ваниика, кавирондо, масаи и др. – пострадавшая сторона шла на примирение в обоих случаях, при этом компенсация за непредумышленное убийство была иногда в половину меньше [26, с. 182–183]. Таким же образом дело обстояло у нивхов [24, с. 358]. У якутов убийца должен был отдать родственникам столько скота, сколько они от него потребовали, в противном случае он становился рабом рода убитого [10, с. 35]. У вабенде при неспособности заплатить виру убийца, его жена и дети становились рабами [29, с. 154–155].

Суд ашанти, как правило, смягчал наказание для лиц, находившихся на момент совершения преступления в состоянии опьянения, за исключением случаев оскорбления вождя и убийств. Не подвергались смертной казни также преступники с психическими отклонениями, поскольку считалось, что такие люди больны и не могут нести ответственность за свои поступки. Однако ради общественной безопасности их изолировали от общества, пожизненно приковав к дереву, где они либо умирали, брошенные всеми, либо доживали на попечении родственников. С точки зрения Э. А. Хебеля, это первая зафиксированная практика лишения свободы в первобытности [30, с. 237], которая, несомненно, опровергает мнение, что это более мягкое наказание не применялось из-за непрочности первобытной архитектуры [29, с. 146].

В позднепервобытной общине по-прежнему прослеживается условное деление нарушений на публичные и частные, что на примере галлов отметил еще Юлий Цезарь [22, с. 125]. Как и ранее, значительная часть конфликтов разрешалась в частном порядке, но публичная сфера неуклонно расширялась по мере укрепления потестарных структур и формирования подобия управленческого аппарата. Вера в сверхъестественное наказание еще была крепка, но юрисдикция вождей распространилась на все тяжкие преступления, каравшиеся смертью, – измену, инцест, изнасилование, сексуальные извращения, убийство и покушение на убийство, убийство священного животного. Колдовство каралось смертной казнью, например, ашанти из суеверия стремились не пролить на землю ни капли колдовской крови, поэтому ведьм и колдунов они душили, забивали дубинками, сжигали или топили. Однако, пожалуй, самое изощренное наказание у ашанти было за прелюбодеяние с женой правителя – на протяжении двух-трех дней соблазнитель изощренно пытали, постепенно разрезая на мелкие части [30, с. 240]. Это преступле-

ние считалось тяжелее, чем даже убийство правителя, поскольку оно сочетало в себе квазигосударственную измену – преступление против правителя – с нарушением строжайшего религиозного табу на прелюбодеяние с сакральной персоной. Как мы видим, морально-религиозные элементы в обычном праве протогосударственных общностей еще играли весомую роль, но она становилась менее значимой по мере приближения наиболее передовых племенных союзов и вождеств к порогу цивилизации, в процессе формирования раннеклассовых государств и государственного права.

Подводя итоги краткого анализа генезиса и развития института наказания в первобытном обществе, следует отметить, что феномен нормативного регулирования и социального контроля в первобытности гораздо древнее, сущностно сложнее и многообразнее, чем это было принято считать долгое время, особенно в отечественной юридической науке. Можно выделить, как минимум, три крупных этапа их функционирования, соответствующих основным стадиям развития первобытной общины. Как доказывают данные юридической антропологии, уже на самой ранней ступени человеческого общества – в кровнородственной общине – у многих племен функционировал механизм социального подчинения, включавший в себя как моральные санкции, так и принуждение, открытое применение силы. Институт наказания играл в этом механизме ключевую роль, поскольку его назидательное социальное значение в каждом конкретном случае было важнее участи отдельного девианта. Наказание, частное или публичное, было не только способом устранения конфликта и восстановления сбалансированного состояния социальной системы, но и предупредительным методом формирования общепризнанной нормативной культуры. Таким образом, институт наказания – важный и знаковый элемент общечеловеческой культуры, всегда находившийся в прямой зависимости от ее прогресса, социально-экономических, научно-технологических, политико-правовых и духовно-нравственных изменений. Благодаря ему потестарная власть задолго до появления государства достаточно эффективно регулировала общественные отношения, поддерживая порядок и стабильность, содействуя достижению общественного согласия.

Библиографический список

1. Антонян Ю. М., Звизжова О. Ю. Преступность в истории человечества. М., 2012. 208 с.
2. Берндт Р. М., Берндт К. Х. Мир первых австралийцев. М., 1981. 447 с.
3. Богораз В. Г. Чукчи : пер. с англ. : в 2 ч. Л., 1934. Ч. 1. 192 с.
4. Георгиевский Э. В. Лишение жизни в архаических обществах: обрядовость и быт // Сибирский юридический вестник. 2005. № 4. С. 44–48.
5. Звизжова О. Ю. Первобытная преступность // Общество и право. 2010. № 4(31). С. 214–220.
6. Иохельсон В. И. Коряки: материальная культура и социальная организация. СПб., 1997. 238 с.
7. Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986. 304 с.
8. Косвен М. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М. ; Л., 1925. 140 с.
9. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М. ; Л., 1949. 847 с.
10. Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этногр. материалы о народах Сибири и Северо-Востока : пер. с нем. Магадан, 1983. 176 с.
11. Локвуд Д. Я – абориген. М., 1971. 221 с.
12. Малиновский Б. Избранное. Аргонавты западной части Тихого океана : пер. с англ. М., 2004. 552 с.

13. Малиновский Б. Избранное. Динамика культуры : пер. с англ. М., 2004. 959 с.
14. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения : пер. с англ. М., 1988. 429 с.
15. Морган Л. Г. Лига ходеносауни, или ирокезов. М., 1983. 301 с.
16. Павлова М. А. Возникновение идеи о наказании в догосударственном обществе и на Древнем Востоке // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 3. С. 29–30.
17. Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 210–240.
18. Пусторослев П. П. Анализ понятия о преступлении. М., 1892. 123 с.
19. Тацит Корнелий. Сочинения : в 2 т. СПб., 1993. Т. 2. 734 с.
20. Трикоз Е. Н. Обычное уголовное право аборигенов Австралии (теоретические проблемы исследования) // Право и политика. 2001. № 4. С.115–119.
21. Хачатуров Р. Л. От ответственности в первобытном обществе к юридической ответственности // Вектор науки ТГУ. Серия Юридические науки. 2011. № 4. С. 141–147.
22. Цезарь Гай Юлий. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / пер. и коммент. М. М. Покровского. М. ; Л., 1948. 559 с.
23. Шепталин А. А. О применимости этнологических материалов при реконструкции генезиса права и государства // Вестник Удмуртского университета. Сер. 2. Экономика и право. 2016. Вып. 2. С.137–143.
24. Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933. 740 с.
25. Элькин А. Коренное население Австралии : пер. с англ. М., 1952. 247 с.
26. Diamond, A. S. 1950, *Primitive Law*, 2nd edn, London.
27. Grinnell, G. B. 1923, *Cheyenne Indians: Their History and Ways of Life*, vol. 1, New Haven.
28. Gusinde, M. 1931, *Die Feuerland-Indianer*, in 3 bd., bd. 1, *Die Selk'nam. Mödling bei Wien*.
29. Hartland, E. S. 1924, *Primitive Law*, London.
30. Hoebel, E. A. 1954, *The Law of Primitive Man: A Study In Comparative Legal Dinamics*, Harvard University Press, Cambridge.
31. Jhering, R. V. 1987, *Der Zweck im Recht*, bd. 1, Leipzig.
32. Lowie, R. H. 1920, *Primitive Society*, New York.
33. Maine, H. S. 1908, *Ancient Law*, London.
34. Oberg, K. 1934, 'Crime and Panishment in Tlingit Society', *American Anthropologist*, vol. 36(2), pp. 145–156.
35. Pospisil, L. 1971, *Anthropology of Law*, New Haven.
36. Radcliffe-Brown, A. R. 1965, *Structure and Function in Primitive Society: Essays and Addresses*, *The Free Press*, New York.
37. Rattray, R. S. 1929, *Ashanti Law and Constitution*, Oxford.
38. Robson, W. A. 1935, *Civilisation and the Growth of Law*, New York.
39. Steinmetz, S. R. 1894, *Ethnologische Studien zur ersten Entwicklung der Strafe: Nebst einer psychologischen Abhandlung uber Glausamkeit und Rachsucht*, bd. 2, Leipzig.

УДК 343.143

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.190-198

КИСЕЛЕВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ,

преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности,
Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России,
г. Томск, Российская Федерация,
e-mail: aleksandr1224@icloud.com;

КИСЕЛЕВ МИХАИЛ ВАЛЕНТИНОВИЧ,

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры организации исполнения наказания,
Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России,
г. Томск, Российская Федерация,
e-mail: institut@70.fsin.su

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ СВИДЕТЕЛЕЙ В МИРЕ И ПУТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для цитирования

Киселев, А. М. Пятидесятилетний путь развития института государственной защиты свидетелей в мире и пути его реализации в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации / А. М. Киселев, М. В. Киселев // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 2. – С. 190–198. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.190-198.

Аннотация. В статье рассмотрена ретроспектива развития государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации и ряде зарубежных стран. Осуществлен анализ подходов к реализации государственной защиты участников уголовного судопроизводства, высказано мнение относительно внесения изменений в законодательные акты Российской Федерации. Проанализирована проблема, связанная с осуществлением мер безопасности при реализации Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, представлены предложения по ее урегулированию.

Ключевые слова: государственная защита свидетелей, участники уголовного судопроизводства, меры безопасности, учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, программа по защите свидетелей, экономические возможности, национальное право.

© Киселев А. М., Киселев М. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

В 2020 г. исполнится 50 лет, как государственная защита свидетелей получила законодательный статус. Институт защиты свидетелей был закреплен в США в 1970 г. Законом «О борьбе с организованной преступностью» (Racketeer Influenced and Corrupt Organizations, RICO). Благодаря его принятию появилась возможность финансирования программы по защите свидетелей в США (WITSEC), которая начала действовать с 1971 г. Для ее реализации задействовано три организации:

- 1) Служба маршалов США – непосредственно обеспечивает безопасность и здоровье не заключенных под стражу свидетелей;
- 2) Министерство юстиции США – управляет проводимыми операциями;
- 3) Федеральное бюро тюрем – исполняет обеспечение опеки и защиты свидетелей, находящихся в заключении.

Под эту программу могут подпадать только те люди, чьи показания имеют неопределимое значение для расследования и судебного разбирательства и соответственно ставят под угрозу жизнь и здоровье свидетеля и членов его семьи. В первые годы ее действия это касалось только лиц, свидетельствовавших в отношении организованной преступности (рэкет, незаконный оборот наркотиков, иные преступления, сходные с этими), свидетели по иным составам преступлений в данной программе не участвовали. Учитывая это и ряд иных обстоятельств, специальная комиссия при президенте США в 1980 г. подготовила рекомендации «О защите потерпевших и свидетелей», осуществление которых возлагалось на Общенациональную ассоциацию шерифов [1]. На основе этих рекомендаций администрация президента внесла в Конгресс США проекты законодательных актов, и 12 октября 1982 г. был принят Закон «О защите жертв и свидетелей преступлений».

В Российской Федерации институт защиты свидетелей был закреплен Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и вступил в силу с 1 января 2005 г. Следует отметить, что элементы государственной защиты зародились на Руси еще в XV в. Нормы, обособлявшие участников уголовного процесса, а также определявшие уголовно-правовые меры их защиты, содержались в Русской Правде, Псковской и Новгородской судебных грамотах, судебных книгах 1497 и 1550 гг., Соборном уложении 1649 г., Артикуле воинском 1716 г., Судебных уставах 1864 г. [2].

В 1929 г. статья об угрозе убийством, истреблением имущества или совершением насилия по отношению к должностному лицу была включена в Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. предусматривал ответственность за преступления, совершенные как против правосудия в целом, так и в отношении участников уголовного судопроизводства в частности [2].

В середине 1990-х гг. в Российской Федерации стал фиксироваться рост преступности. Это было вызвано трудностями в социально-экономической обстановке, что повлекло за собой изменение структуры преступности, в том числе проявление ее организованных форм. Эти обстоятельства подтолкнули законодателей принять 12 июня 1990 г. Закон СССР «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», в ст. 27.1 которого предусматривалась «обязанность органов дознания, следователя, прокурора и суда принимать меры к обеспечению безопасности участников процесса и иных лиц» [2]. Однако его применение на практике было затруднено, так как механизм реализации отсутствовал и соответствующие законодательные акты приняты не были.

Следующим документом законодательного регулирования обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства являлся Закон РСФСР от 18 апреля

1991 г. «О милиции», который в п. 24 ст. 10 «Обязанности милиции» обязывал «принимать предусмотренные законом меры по охране потерпевших, свидетелей и других участников уголовного процесса, а также членов их семей и близких, если здоровье, жизнь и имущество данных лиц находятся в опасности». 13 марта 1992 г. был принят Закон Российской Федерации № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», в котором проблема обеспечения безопасности участников уголовного процесса не нашла своего отражения [3]. Хотя следует отметить, что в ст. 16 этого Закона имелась норма, где лицам, содействующим органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, гарантировалась защита государства. В развитие правовой регламентации данного правового института 20 апреля 1995 г. был принят Федеральный закон № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», действие которого было подкреплено пакетом ведомственных нормативных актов. Кроме того, в этом же году 12 августа был принят Закон Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», в котором в п. 5 ст. 7 одним из оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий предусматривается постановление о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц, а в п. 6 ст. 14 – предписывается органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, содействовать обеспечению личной безопасности, сохранности имущества участников уголовного судопроизводства, членов их семей, близких от преступных и иных противоправных посягательств.

Практически в это же самое время шел процесс разработки и принятия Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству». В декабре 1994 г. проект закона был принят Государственной Думой, но в январе следующего года был отклонен Президентом Российской Федерации. В июле 1995 г. он вновь был принят Государственной Думой, но отклонен Советом Федерации. Третья попытка принять закон состоялась в мае 1997 г., но он вновь был отклонен Президентом Российской Федерации ввиду обнаруженных недостатков, существенно ущемляющих права участников уголовного судопроизводства». Только в 1999 г. разработка проекта закона о защите участников уголовного судопроизводства была возобновлена [3].

Закон о защите свидетелей в ряде зарубежных стран (например, США, Канада, Италия) работает уже достаточно давно. Россию опередили такие государства, как Казахстан, Молдова, Украина. При внимательном рассмотрении и анализе вышеперечисленных российских законов отчетливо видно, что работа над ними шла с учетом использования зарубежного опыта. При сравнении двух подходов (США и Россия) к выполнению обозначенных функций можно увидеть, что в большей степени они схожи, но есть и отличия. Так, в США самым распространенным способом защиты является перемещение свидетеля на безопасную территорию, при этом ему оказывается определенная помощь, в том числе финансовая (как правило, несколько месяцев), пока он не адаптируется и не сможет обеспечить себя сам. Примерная стоимость обеспечения безопасности одного свидетеля с семьей в США составляет от 36 тыс. до 150 тыс. долларов [4]. Для сравнения: 25 октября 2018 г. постановлением Правительства Российской Федерации № 1272 «Об утверждении Государственной программы „Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы“» была принята четвертая программа. Объем финансового обеспечения реализации данной Программы за счет средств федерального бюджета составляет 1 059 256,1 тыс. рублей, в том числе: в

2019 г. – 211 788,5 тыс. рублей; 2020 – 211 866,9; 2021 – 211 866,9; 2022 – 211 866,9; в 2023 г. – 211 866,9 тыс. рублей.

Экономическая составляющая имеет большое значение, однако при сравнении в абсолютных цифрах сопоставлять ее некорректно, так как финансовое обеспечение в разных государствах существенно отличается (проезд, обучение, социальная помощь, приобретение жилья, операция и т. д.). Вместе с тем следует отметить, что формула «чем больше вложишь, тем лучше эффективность» не всегда подтверждается. На наш взгляд, на решение вышеобозначенных задач должен выделяться необходимый и достаточный ресурс и не более того. Необходимо обратить внимание на наличие в США «индальгенции» на ранее совершенные преступления [5]. По сути, в данном случае можно говорить об отмене уголовного наказания за предоставление информации, такому свидетелю также могут быть предоставлены новые документы и место жительства. По нашему мнению, такие меры больше похожи на отмену факта правосудия. В законодательстве Российской Федерации подобное не предусмотрено. А может ли возникнуть такая необходимость? Наверное, да, но в очень исключительных случаях. Как же быть? С точки зрения А. Б. Диваева, А. М. Киселева согласно ч. 2 ст. 85 УК РФ актом помилования лицо, осужденное за преступление, может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания, либо назначенное ему наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания. Возникает вопрос: а почему бы не использовать этот правовой механизм в отношении осужденных, активно содействовавших уголовному судопроизводству, являвшихся особо ценными свидетелями, сотрудничающими со следствием и судом? Это позволило бы выявить, раскрыть особо тяжкие преступления и привлечь к ответственности лиц, виновных в их совершении, причем, что важно, сохранить в тайне факт сотрудничества осужденного с органами предварительного расследования и судом. Представляется, что для таких лиц можно было бы предусмотреть особую процедуру помилования – минуя комиссии субъектов РФ по вопросам помилования, исключительно по представлению Генерального прокурора РФ или его заместителя.

В целях реализации предложения по внедрению особого порядка помилования осужденных, содействующих уголовному судопроизводству, считаем необходимым внести изменения:

в Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», дополнив ст. 6 отдельной частью следующего содержания: «В исключительных случаях в целях наиболее полной реализации мер безопасности в отношении осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы и содействующего уголовному судопроизводству, на основании представления Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя может быть рассмотрен вопрос о помиловании»;

Положение о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации, утвержденное Указом Президента РФ от 28 декабря 2001 г. № 1500, предусмотрев в нем отдельный раздел «Особый порядок помилования осужденных, содействующих уголовному судопроизводству», который должен содержать ряд норм, закрепляющих:

1) право следователя, прокурора или судьи федерального суда на заявление ходатайства о помиловании осужденного, содействующего уголовному судопроизводству, при наличии угрозы его убийства, а равно применения в отношении его насилия;

2) порядок рассмотрения этого ходатайства Генеральным прокурором РФ (его заместителем), минуя комиссии субъектов РФ по вопросам помилования и высшее долж-

ностное лицо субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ);

3) порядок направления представления о помиловании Генеральным прокурором РФ в Администрацию Президента РФ [6].

В США законодатель предусмотрел постсудебное информирование, например, в случаях перевода осужденного в другое пенитенциарное учреждение, совершения им побега из мест отбывания наказания, его досрочного освобождения лицо, находящееся (находившееся) под государственной защитой, в соответствующем порядке информируется. Анализ разных подходов к рассматриваемой проблеме в Российской Федерации и США привел нас к вопросу о том, насколько они совершенны. Об этом много рассуждают как ученые, так и практики, а также члены адвокатского сообщества, в обеих странах мнения подчас бывают кардинально противоположными. Хотелось бы взглянуть на эту проблему с философской стороны. При этом возникает вопрос: а можно ли сделать закон идеальным? Наверное, нет, но к идеалу надо стремиться. При принятии закона законодатель помимо целесообразности учитывает и социально-экономическое состояние государства, то есть его финансовые возможности. Эти аспекты могут ограничить желание как законодателя, так и практических работников, кроме того, никто не мешает законодателю вернуться к изменению данного законодательства после улучшения вышеназванных показателей. Это говорит о том, что подпадать под программу государственной защиты свидетелей должны только те лица, в показаниях которых действительно нуждается правосудие и только по особо значимым преступлениям. Эти выводы также подтверждаются результатами изучения вопросов государственной защиты свидетелей в странах – членах ЕС и Государстве Израиль. Так как при подготовке учредительных договоров ЕС предусматривались вопросы более широкой интеграции в социально-экономической области, что нашло отражение в учредительных договорах (ЕОУС, ЕЭС и Евроатом), то соответственно вопросы национальной уголовно-правовой политики на начальном этапе в принципе не рассматривались, и только в 1992 г. произошло становление Европейской системы защиты свидетелей (Маастрихтский договор). Реализация этого Европола началась, по сути, только с 1999 г., причем не во всех странах ЕС одинаково. Например, в большинстве стран есть либо национальная, либо федеральная программа, а такие страны, как Великобритания, Германия, Испания, имеют еще региональные и местные программы [7].

Как отмечается в зарубежных источниках, круг преступлений, в связи с совершением которых применима защита свидетелей, также варьируется от страны к стране. Так, в Бельгии и Италии меры защиты применяются в случае совершения специфических преступлений (дела, касающиеся наркотиков, деятельности мафии или умышленных убийств либо другого преступления, наказываемого лишением свободы на срок от 5 до 20 лет). Некоторые страны пошли по пути включения в свои программы исчерпывающего списка преступлений (Румыния), другие – упоминают только о «тяжких» или «серьезных» преступлениях (Литва), об организованной преступности (Венгрия) либо не упоминают о конкретных преступлениях совсем, что дает право участия в программе свидетелям преступлений любого рода (Словакия, Словения) [7]. Кроме того, в зависимости от бюджета государств, его приоритета и национального права (например, в Австрии использование информационных технологий для дачи свидетельских показаний считается неприемлемым и нарушающим права обвиняемого) [7] меры защиты могут предусматриваться от достаточно простых до наиболее затратных. Руководство программой защиты свидетелей в разных странах осуществляется различными структурами:

– в Австрии, Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, Словакии – полицейскими структурами;
– Нидерландах – прокуратурой;
– Италии – системой юстиции [7].

В некоторых государствах в программу защиты свидетелей могут быть включены и осведомители (Австрия, Латвия, Нидерланды, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии). Таким образом, в странах ЕС имеют место различные подходы к реализации вышеназванной программы, но суть ее так же, как в России и США, заключается в свершении правосудия.

Для полного обобщения рассматриваемого вопроса считаем необходимым обратить внимание на нюансы подхода к защите свидетелей в Государстве Израиль. С чем это связано? С географическим положением государства. Население страны составляет чуть более 8 млн человек, площадь – 22 000 м² (97-е место в мире по численности населения и 147-е по территории). Основное население страны: 75,4 % – евреи, 20,6 – арабы, 4 % – другие национальности.

В Израиле создано Управление по защите свидетелей и действуют программы по их защите. В этом маленьком государстве, где сложно спрятать людей, данная программа может работать только при условии международного сотрудничества.

Соответствующий Закон был принят 5 ноября 2008 г. и занесен в список законов Государства Израиль 16 ноября 2008 г. В данном документе вызывают интерес два пункта, касающиеся средств защиты свидетеля:

– перевод свидетеля и его семьи в укрытие, обеспечение личной охраны, в отдельных случаях организация переезда за границу с сопровождением и помощью в решении проблем, которые могут возникнуть в дальнейшем, и при сотрудничестве с официальными структурами того государства, в которое переправлен свидетель;

– ускорение и повышение эффективности судебного процесса с целью сокращения периода между моментом совершения преступления и моментом дачи показаний, что, в свою очередь, сократит период нахождения свидетеля в опасности, когда преступники могут совершить попытку помешать даче показаний [8].

Следует отметить, что это дорогостоящие мероприятия, но, учитывая вышеизложенное, с целью достижения правосудия Государство Израиль готово идти на эти затраты.

В Российской Федерации в большей степени подвергается критике ст. 3 «Органы, обеспечивающие государственную защиту» Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», а именно количество органов государственной власти, осуществляющих меры безопасности.

Так, в своей статье «У истоков программы защиты свидетелей: США и Россия» Р. В. Акберова пишет: «Важно отметить тот факт, что в России процесс реализации данной программы возможен на несколько ведомств, таких как МВД России, ФСБ России и ФСИН России. Между тем хорошо известно, что если реализация одних и тех же задач возлагается на разные органы, ответственность размывается, и вместо достижения цели можно получить обратный результат, поэтому при таком количестве министерств, задействованных в решении данного вопроса, сам факт взаимодействия ставится под сомнение, так как четкость механизма исполнения почти невозможна» [5]. На наш взгляд, это не может являться недостатком Закона, так как в этой части каждое ведомство выполняет те функции, которые на него возложены Законом (например, достаточно проблематично было бы какому-либо из этих ведомств выполнять функции по обеспечению

безопасности свидетеля в местах лишения свободы, кроме уголовно-исполнительной системы Российской Федерации). Для сравнения: в США функции обеспечения государственной защиты свидетелей выполняют три ведомства.

Остановимся более детально на реализации мер безопасности, указанных в ч. 6 ст. 3 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ. Данная статья определяет, что меры безопасности в отношении защищаемых лиц, содержащихся в следственных изоляторах или находящихся в местах отбывания наказания, осуществляются учреждениями и органами УИС. В ст. 14 «Обеспечение безопасности защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания» данного Закона сформулированы задачи уголовно-исполнительной системы:

«1. Безопасность защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы либо содержания в дисциплинарной воинской части, обеспечивается путем применения в отношении его мер безопасности, предусмотренных пунктами 3, 5, 6, 8 и 9 ч. 1 ст. 6 настоящего Федерального закона, или иных мер, предусмотренных Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

2. В целях обеспечения безопасности лица, указанного в части 1 настоящей статьи, могут применяться также:

1) направление защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза насилия, при их задержании, заключении под стражу и назначении уголовных наказаний в разные места содержания под стражей и отбывания наказаний, в том числе находящиеся в других субъектах Российской Федерации;

2) перевод защищаемого лица или лица, от которого исходит угроза насилия, из одного места содержания под стражей и отбывания наказания в другое;

3) раздельное содержание защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза насилия;

4) изменение защищаемому лицу меры пресечения или меры наказания в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации».

Чтобы более четко представлять задачи уголовно-исполнительной системы, считаем необходимым перечислить пп. 3, 5, 6, 8 и 9 ч. 1 ст. 6 настоящего Федерального закона:

– обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице;

– замена документов;

– изменение внешности;

– временное помещение в безопасное место;

– применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое. Кроме того, в ст. 13 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации предусмотрено право осужденных на личную безопасность, по сути, то же самое определено в ст. 19 и ст. 33 Федерального закона от 21 июня 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

С профессиональной точки зрения выполнение вышеперечисленных пунктов мер безопасности не составляет для УИС особых проблем, однако следует отметить, что начальники самостоятельно выполнить ряд функций (пп. 4, 5, 6, 7 и 9) не могут. Следовательно, данные действия должны согласовываться с территориальным органом и центральным аппаратом ФСИН России в непосредственном взаимодействии с инициа-

тором, при этом имеющаяся инструкция главного оперативного управления ФСИН России не в полном объеме дает регламент тех или иных действий. В связи с этим считаем необходимым разработать нормативный документ Министерства юстиции Российской Федерации с целью реализации Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

С учетом того что в ч. 6 ст. 3 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» речь идет о защищаемых лицах, содержащихся в следственных изоляторах и находящихся в местах отбывания наказания, в ст. 14 этого Закона присутствует понятие о месте отбывания наказания в виде ограничения свободы (на наш взгляд, кроме ограничения свободы нужно понимать и принудительные работы), а функции реализации данных видов наказания возложены на уголовно-исполнительные инспекции УИС, вышеуказанные нюансы необходимо предусмотреть в предлагаемом нормативном акте. С чем это связано? Любой нормативный документ дисциплинирует сотрудника и устанавливает определенные требования, поэтому принятие нормативного акта в нашем случае позволит избавиться от ненужного любопытства, более ответственно относиться к конфиденциальности информации, что, в свою очередь, обеспечит более надежное исполнение мер безопасности в отношении защищаемых лиц. По нашему мнению, положения документа должны быть доступны ограниченному кругу лиц, которые непосредственно занимаются этим вопросом и несут персональную ответственность за него. Сотрудники, которые будут заниматься реализацией этих положений, должны четко знать, кому и в каком порядке доложить, а при необходимости получить инструкции для дальнейшей деятельности. Это связано с тем, что одной из проблем выполнения данной программы не только в Российской Федерации, но и в вышеперечисленных странах является утечка информации, а подчас и предательство интересов службы. Так, в своем докладе Я. Кучерак, офицер Департамента по защите свидетелей МВД Словацкой Республики, отметил: «Словакия – достаточно коррумпированная страна, в связи с чем необходимо жестко соблюдать правила конспирации при обеспечении безопасности защиты свидетелей. Раскрытие данных свидетеля может произойти в разных случаях, таких как: предательство сотрудников МВД, через утечки по каналам сотовой связи, через колонии и тюрьмы, из-за ошибок партнеров других стран и т. д.» [8].

Издание предлагаемого нами нормативного документа позволит структурировать организацию работы в рассматриваемом направлении, распределить функции ответственности, определить порядок действий при исполнении тех или иных мер безопасности, установленных Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», а также разрешить вопросы, возникающие у сотрудников.

В заключение отметим, что множество предложений, высказываемых научным и профессиональным сообществом о внесении изменений в законодательные акты с целью государственной защиты участников уголовного судопроизводства, на сегодняшний день не носят крайне актуального характера, так как некоторые из них невозможно исполнить в связи с недостаточным финансированием, другие – учитывают интересы конкретного профессионального сообщества (например, отказ от дачи свидетельских показаний в случае отказа от обеспечения государственной защиты свидетеля, в такой ситуации свидетель по любому преступлению будет готов потребовать защиту за-

ранее, зная, что она не будет предоставлена). Это, в свою очередь, нанесет большой вред осуществлению правосудия.

Библиографический список

1. Зайцев О. А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса : монография. М., 1997. 135 с.
2. Горшенева И. А., Лукинский А. В., Михайлова Н. В. Становление и развитие института государственной защиты (историко-правовое исследование) : монография. М., 2014. 148 с.
3. Соловьева Н. А. Историческая ретроспектива становления и развития института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Молодой ученый. 2017. № 22(156). С. 355–357.
4. Журкина О. В. Сравнительный анализ государственной программы защиты свидетелей в России и США // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 4(165). С. 249–253.
5. Акберова Р. В. У истоков программы защиты свидетелей: США и России. URL : <http://izron.ru/articles/aktualnye-problemy-yurisprudentsii-v-za-rubezhom-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdun/sektsiya-7-ugolovnyy-protsess-kriminalistika-operativno-rozysknaya-deyatelnost/u-istokov-programmy-zashchity-svideteley-ssha-i-rossiya> (дата обращения: 20.03.2019).
6. Диваев А. Б., Киселев А. М. Некоторые уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные аспекты обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Кузбасского института. 2018. № 4(37). С. 125–138.
7. Краснова К. А. Защита свидетелей в государствах – членах ЕС // Международное право. 2015. № 4. С. 66–86.
8. Спиридонов С. А. Опыт организации работы по защите свидетелей Государства Израиль и Словацкой Республики. URL : https://xn--b1amgt.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site152/folder_page/003/388/039/10_2014.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

УДК 343.83

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.199-208

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОНИКАРОВ,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

e-mail: minrs@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИОННОЕ СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ, ВЫПОЛНЯЮЩИХ ФУНКЦИИ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Для цитирования

Поникаров, С. В. Эволюционное становление и развитие правоохранительной деятельности подразделений специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний / С. В. Поникаров // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 2. – С. 199–208. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.199-208.

Аннотация. В статье определяются этапы становления и развития правоохранительной деятельности тюремных подразделений специального назначения. С учетом новых условий, возникших вследствие проведения административной реформы в сфере государственного управления в пенитенциарной системе России, рассматривается прикладная правоохранительная деятельность сотрудников подразделений специального назначения.

В результате проведения комплексного междисциплинарного исследования выявляются виды правоохранительной деятельности подразделений специального назначения, реализующих функции в сфере исполнения уголовных наказаний. Гипотеза исследования базируется на том, что реализация видов правоохранительной деятельности рассматриваемых подразделений невозможна без раскрытия эволюционного развития подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы. Таким образом, актуальность статьи определяется выявлением и анализом ранее не исследованных основ в сфере правоохранительной деятельности сотрудников подразделений специального назначения пенитенциарной системы.

Ключевые слова: пенитенциарные учреждения и органы, правоохранительная деятельность, подразделения тюремного спецназа, функции, исполнение наказаний.

© Поникаров С. В., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

В настоящее время в научной литературе по правовой тематике проблемы, связанные с содержанием эволюционного становления и развития правоохранительной деятельности пенитенциарных подразделений специального назначения (спецназ), остаются предметом научной дискуссии и до сих пор не нашли своего окончательного разрешения. Быстрота нормативных преобразований в правоохранительной сфере, обусловленная проведением административной реформы, со временем снижает актуальность и потенциальную значимость имеющихся научных результатов.

Во все времена тюремные подразделения специального (особого) назначения создавались для обеспечения безопасности физических лиц и тюремных объектов, пресечения беспорядков, борьбы с различными тюремными преступными группировками, проведения розыскных мероприятий и др.

Правоохранительная деятельность подразделений специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний, играет ключевую роль в обеспечении законности и правопорядка на объектах пенитенциарной системы России.

Изучение данной деятельности в различных эволюционных аспектах всегда привлекало внимание ученых в области права. Между тем фактически не подвергались анализу классификационные элементы правоохранительной деятельности сотрудников подразделений специального назначения ФСИН России. До сих пор в арьергарде остаются и вопросы совершенствования отбора в кандидаты подразделений специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний. В связи с недостаточной разработанностью теоретических аспектов, связанных с комплектованием подразделений спецназа учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний, требуется решение ряда вопросов, касающихся специфики службы в спецназе в рамках конкретных эволюционно-исторических этапов. Вследствие этого в статье впервые исследуются основы эволюционного развития правоохранительной деятельности подразделений специального назначения. Кроме того, предлагается классификация правоохранительной деятельности с учетом конкретного исторического этапа развития тюремного спецназа; определяются конкретные виды правоохранительной деятельности, отнесенные к компетенции рассматриваемой категории лиц; формулируются научные аспекты, направленные на совершенствование реализации правоохранительной деятельности сотрудниками подразделения специального назначения уголовно-исполнительной системы (УИС). Некоторые репрезентативные исследования, зафиксированные в статье, являются первыми научными исследованиями в анализируемой сфере деятельности. Таким образом, все изложенное выше обуславливает актуальность темы научной статьи.

Объектом исследования выступает эволюционно-историческое содержание правоохранительной деятельности подразделений специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний

Предметом исследования являются исторические, правовые, организационно-управленческие аспекты, связанные с правоохранительной деятельностью сотрудников пенитенциарных подразделений специального назначения.

Методологическую и теоретическую основу исследования составил общенаучный диалектический метод. При определении этапов становления и развития правоохранительной деятельности тюремных подразделений специального назначения применялся метод историко-сравнительного анализа. Исползованные методы индукции, дедукции способствовали получению большинства сформулированных выводов при разработке

научной классификации видов правоохранительной деятельности, связанной с тематикой исследования. Для рассмотрения перспектив реализации правоохранительной деятельности подразделений спецназа были использованы методы сравнительно-правового и структурно-системного анализа, конкретно-прикладного познания. Перечисленные методы позволили установить периоды развития и становления особых тюремных подразделений.

В ходе анализа эмпирического материала применялись социологические приемы получения информации: анализ документов, опрос сотрудников, который способствовал выявлению отдельных проблем, связанных с практикой реализации правоохранительной деятельности подразделений специального назначения.

Обоснованность, репрезентативность и достоверность результатов исследования подтверждаются анкетированием около 120 сотрудников подразделений специального назначения Республики Башкирия, Московской и Рязанской областей. Указанные регионы были выбраны исходя из большого количества расположенных в них исправительных учреждений.

Перейдем к исследованию эволюционных этапов формирования и развития правоохранительной деятельности подразделений специального назначения.

1-й этап – эволюционно-правовое становление и развитие правоохранительной деятельности остроговых, темничных (тюремных) подразделений специального назначения Древней Руси.

Отечественная история правоохранительной деятельности тюремного спецназа берет начало с Русской Правды. Подтверждение этому можно найти в работах Н. М. Карамзина и других ученых [1].

Правоохранительная деятельность в Древней Руси осуществлялась в соответствии с княжескими указами и составляемыми на их основе различными уставными письменными документами (конкретными уставами).

Устав Ярослава Мудрого «О церковных судах» – церковный нормативный (на тот период) документ именно государственного генезиса (происхождения), регулировавший основные церковно-государственные (правовые) отношения, отнесенные к правоохранительным функциям. Он являлся одним из основных письменных источников русского права, закрепляющих основы правоохранительной деятельности, в том числе в тюремной системе.

Основы правоохранительной деятельности остроговых (тюремных) дружинников (прототипы современных сотрудников уголовно-исполнительной системы) были закреплены в различных судебных, главным образом княжеских, грамотах и интернациональных договорах, в которых излагались некоторые виды правоохранительной деятельности, а также меры принуждения и правила их применения. Например, к видам правоохранительной деятельности относились: 1) охрана территории острога (тюрьмы); 2) сыскное занятие; 3) пытки (они были легитимированы и рассматривались в виде правоохранительной функции, связанной с получением доказательств по соответствующему конкретному делу, обстоятельству, происшествию). В качестве меры принуждения тюремные стражники имели право на кандалное задержание правонарушителя.

Древнерусское право не предусматривало четкого определения правоохранительной деятельности, в том числе в остроговой, темничной (тюремной) службе, а также материального и процессуального статуса остроговых, темничных (тюремных) подразделений.

Правоохранительная деятельность остроговых, темничных подразделений особого назначения выполнялась военно-дружинными формированиями. Дружинники

состояли в специальных военизированных формированиях и разделялись на воинов и стражников.

Проведенный нами анализ научной литературы позволил прийти к выводу о том, что непосредственно в остроговых, темничных (тюремных) учреждениях правоохранительную деятельность осуществляли дружинники особого (своеобразного) предназначения – стражники, надсмотрщики, палачи [2].

По характеру выполняемых функций именно этих лиц следует отнести к сотрудникам остроговых подразделений особого назначения (не каждый сможет взять на себя функции палача (недельника) или надсмотрщика за осужденными). Так, стражники делились специализированным правом охранять внешние периметры остроговой (тюремной) территории. Надсмотрщики надзирали за внутренней составляющей, а также непосредственно за осужденными, палачи – исполняли санкции.

Согласно Русской Правде существовали следующие виды правоохранительной деятельности:

- охрана остроговых объектов;
- надзор и охрана осужденных;
- физические пытки (они были официально юридически разрешены);
- задержание правонарушителей;
- применение холодного оружия.

Во времена действия Русской Правды возник и такой вид правоохранительной деятельности, как осуществление сысского занятия, результаты которого являлись доказательством по делу. Помимо этого, в соответствии с Судебником 1550 г. вторичное применение пыток, устанавливаемых в отношении правонарушителей, совершивших государственные преступления, рассматривалось в виде законного метода, относящегося к правоохранительной деятельности.

С изменением положений Русской Правды перечень видов правоохранительной деятельности остроговых, темничных (тюремных) подразделений специального назначения пополнился сыскими мероприятиями (наблюдение, тотальный обыск, задержание с поличным, арест под стражу), которые осуществлялись сыскими людьми (они выполняли сыские функции и проводили допросы).

Реформы, реализованные Иваном Грозным (1535–1584) в отношении учреждений и органов государственного управления, привели к созданию специально-войскового формирования – опричнины. Этот орган представлял собой что-то среднее между полицией и внутренними войсками. Сам опричник имел особый (специальный) статус, по функциональному назначению чем-то похожий на современный статус сотрудника подразделения специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний.

В этот период появились новые виды правоохранительной деятельности тюремно-опричных служб специализированного назначения:

- сыские мероприятия (слежка, доносительство, лжесвидетельство, задержание с поличным, арест под стражу);
- обеспечение безопасности и охраны тюремных объектов;
- применение изощренных наказаний;
- осуществление личной охраны;
- поисковые мероприятия в случае побега преступника.

2-й этап – эволюционно-правовое становление и развитие правоохранительной деятельности тюремных подразделений специального назначения в Российской империи.

Объединение земель привело к созданию Российского государства и возникновению собственной карательной системы в результате проведения административно-полицейской реформы. Главным документом, регулирующим правоохранительную деятельность подразделений специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний, в период правления Петра I стало Соборное уложение (1649 г.), в соответствии с которым также устанавливались виды правоохранительной деятельности тюремных подразделений специального назначения.

В этот период отмечаются негативные стороны осуществления правоохранительной деятельности. Например, узаконение применения беспощадных пыток к осужденным, нарушившим тюремные правила (например, битье кнутом, выдергивание ногтей из пальцев). Тогда же возникли следующие виды правоохранительной деятельности тюремных служб особого назначения:

- несение службы в карауле;
- обеспечение пожарной безопасности тюремных объектов;
- осуществление личной охраны («корволант») администрации тюрем;
- розыскные мероприятия в случае побега [3].

В результате проведения судебной реформы 1864 г. были определены новые направления деятельности (функции) тюремной стражи. Так, в рамках рассматриваемого эволюционного периода существовали такие виды правоохранительной деятельности, как:

- присмотр за правильным размещением узников при конвоировании;
- надзор за исправностью тюрем;
- конвоирование острожников в тюремные больницы;
- сыскная деятельность;
- осуществление обыска у арестантов;
- применение физической силы.

Кроме того, на тюремные подразделения специального назначения Российской империи, помимо функций по конвоированию, возлагались охрана и безопасность тюремных учреждений, а также надзор за соблюдением арестантами распорядка дня.

Начало XX в. характеризуется резким ростом преступности в тюрьмах. Ввиду отсутствия специальных подразделений по борьбе с массовыми беспорядками, групповыми побегами для их ликвидации выделялись подразделения резервных крепостных войск и флотские команды. Они стали прообразом современного тюремного спецназа. Ими выполнялись функции, связанные с пресечением массовых беспорядков, групповыми побегами, применением огнестрельного оружия.

3-й этап – эволюционно-правовое становление и развитие правоохранительной деятельности тюремных подразделений специального назначения в период Временного правительства Российской империи.

Тюремную деятельность этого времени можно охарактеризовать как центристскую, поскольку она строилась, прежде всего, на принципах прежнего режима, без каких-либо колебаний вправо и влево [4]. В деятельности тюремных подразделений специального назначения четко прослеживалась тенденция преемственности. Главное тюремное управление находилось в составе Минюста. Тюремная система России, как и вся страна в целом, переживала глубокий кризис, вызванный Февральской революцией и падением монархии.

Дезорганизация пенитенциарной системы России из-за вмешательства различных общественных учреждений привела к повсеместной волне захвата тюрем. Для предотвращения преступлений были созданы особые подразделения тюремных надзира-

телей, а также отряды милиции Временного правительства, которые по выполнению своих функций были схожи с современным спецназом.

Названные подразделения осуществляли следующие виды правоохранительной деятельности:

- 1) пресечение хулиганских действий;
- 2) пресечение захвата тюрем;
- 3) розыск преступников (осужденных), совершивших побег из тюремных учреждений;
- 4) вооруженное отражение нападения на тюремные учреждения;
- 5) пресечение проникновения в тюремные учреждения запрещенных предметов.

4-й этап – эволюционно-правовое становление и развитие правоохранительной деятельности уголовно-исполнительных подразделений специального назначения в советское время.

В начале этого периода вся власть была сосредоточена в рамках Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК). Данный орган контролировал административно-управленческую деятельность Совета народных комиссаров (СНК).

После прихода советской власти ей были подчинены вопросы отправления правосудия с установлением диктатуры пролетариата и передачей власти на местах Советам, отмены частной собственности, а также передачи законодательной, исполнительно-распорядительной и контрольной функции.

На этапе становления советской власти в связи с отменой царских законов и уложений правовое регулирование тюремных подразделений специального назначения фактически отсутствовало. Начало рассматриваемого исторического периода также ознаменовалось становлением и развитием мест лишения свободы с последующей юридической ликвидацией царских тюрем.

К основным нормативным актам, регулировавшим общий процесс правоохранительной деятельности пенитенциарных подразделений специального назначения (включая надзирателей и сотрудников конвойной службы), относились:

- Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета от 30 ноября 1918 г. «О Народном Суде РСФСР (положение)»;
- постановление НКВД РСФСР и НКЮ РСФСР от 12 октября 1918 г. «Об организации Советской рабоче-крестьянской милиции (инструкция)»;
- Устав службы военизированной охраны ИТЛК НКВД СССР, введенный приказом НКВД СССР от 20 января 1943 г. № 57.

Перечисленные нормативные акты стали специфической юридической базой, в которой фиксировались виды правоохранительной деятельности (например, обеспечение безопасности осужденных и персонала, применение оружия, физической силы), в том числе для подразделений специального назначения, например служб конвоя.

Несмотря на доскональную юридическую регламентацию должностных обязанностей надзирателя по корпусу, постового надзирателя, а также конвоира, в случае совершения осужденными побегов, групповых неповиновений и иных правонарушений их действия, как правило, носили самопроизвольный характер в связи с отсутствием необходимой правовой и тактико-специальной подготовки. Причинами тому были непрестижность тюремной службы, низкий уровень денежного довольствия и материально-бытового обеспечения работников мест лишения свободы, что создавало немалые трудности с их комплектованием.

В 1930-е гг. отсутствовали специализированные учебные заведения, готовящие специалистов для быстрорастущей пенитенциарной системы СССР. По состоянию на

1938 г. в стране действовала лишь Харьковская школа, осуществлявшая подготовку сотрудников оперативно-чекистских отделов исправительно-трудовых колоний и лагерей. Кроме того, в Москве функционировала Высшая школа НКВД СССР, выпускники которой направлялись на работу в пенитенциарную систему. В целях реализации на практике основ правоохранительной деятельности слушатели вышеуказанной школы изучали всего две основные учебные дисциплины: «Административная работа», «Основы агентурной, оперативной работы».

О таких дисциплинах, как «Уголовное право», «Криминология», «Психология», «Педагогика», «Экономика», «Управление», «Тактико-специальная подготовка», в учебных планах не было даже упоминания. В архивных материалах, юридической литературе, характеризующей деятельность пенитенциарной системы, не встречаются сведения о массовых беспорядках и неповиновениях осужденных с участием больших групп в годы массовых репрессий. На наш взгляд, даже в случае их возникновения ситуация в стране того времени была такова, что они были бы подавлены в самом начале.

В 1970-х гг. стала пересматриваться ведомственная нормативная база, появились новые виды правоохранительной деятельности – административный надзор за осужденными, обеспечение безопасности персонала. В этот период к сотрудникам подразделений специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний, следовало бы отнести лиц, состоящих на должностях служебно-войсковых (военизированных) подразделений, конвойных служб. На данные службы возлагалось обеспечение безопасности осужденных и персонала (то есть выполнение функций специального назначения). Правоохранительная деятельность по обеспечению безопасности, с точки зрения науки управления, длительное время была разделена (за исключением тюрем, следственных изоляторов и воспитательных колоний) на две постоянно конкурирующие части, подчиняющиеся различным органам: одна – администрации исправительных учреждений, вторая – командованию подразделения внутренних войск МВД СССР. Это создавало проблемы во взаимодействии частей и служб в ходе решения служебно-боевых задач по обеспечению безопасности персонала (или осужденных), пресечению одиночных и групповых нарушений режима отбывания наказания и преступлений, осуществлению розыска и задержания бежавших осужденных, их конвоирования.

Перечисленные виды правоохранительной деятельности осуществляли служебно-войсковые и конвойные подразделения МВД СССР. Последовавшее в дальнейшем объединение указанной деятельности, передача ее в ведение одного субъекта управления – передовое действие на пути совершенствования управления отечественной уголовно-исполнительной системой.

Происходящие во второй половине 1980-х гг. изменения во всех сферах жизни страны не могли не сказаться и на деятельности УИС. Симптомы возрождения среди осужденных воровской идеологии и оживления традиций преступного мира приобрели широкие масштабы и привели к существенному росту среди осужденных к лишению свободы коллективных неповиновений, массовых беспорядков, захватов заложников. Только в 1989 г. было совершено несколько захватов заложников из числа сотрудников исправительных учреждений и следственных изоляторов. Зарегистрировано немало случаев действий, посягающих на установленный порядок управления мест лишения свободы, а также множество эпизодов хулиганских действий.

В этот период встал вопрос о коренной перестройке всей системы исполнения уголовных наказаний, одними из главных направлений которой явились совершенствование уго-

ловно-исполнительного законодательства, поиск новых нетрадиционных подходов к осуществлению всего уголовно-исполнительного процесса, организационных структур этой деятельности, финансового и материально-технического обеспечения.

К началу 1990-х гг. обстановка в учреждениях УИС резко обострилась. Возросла агрессивность осужденных, наметилась устойчивая тенденция к росту открытого противостояния администрации, выразившаяся в массовых беспорядках, неповиновении осужденных законным требованиям сотрудников учреждений, исполняющих наказания, увеличилось число нападений на персонал и захватов его в качестве заложников.

Предпринимаемые администрацией исправительных учреждений и конвойными подразделениями внутренних войск МВД СССР меры не приносили желаемых результатов, оперативная обстановка в учреждениях УИС продолжала оставаться сложной, что требовало экстремальных упреждающих мер.

Общественники в то время активно заговорили о гуманизме в отношении осужденных, которые истолковали это по-своему, тут же стали диктовать свои условия: отказывались выходить на работу, учиняли погромы и бунты, захватывали заложников. В связи с этим нужна была реальная сила, которая противостояла бы большой массе разнузданных уголовников.

С целью обеспечения профессионального предотвращения и пресечения групповых противоправных действий осужденных и лиц, заключенных под стражу, приказом МВД СССР от 13 ноября 1990 г. № 421 «О создании отрядов специального назначения» в уголовно-исполнительной системе были созданы подразделения специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний. Главными требованиями, предъявляемыми к сотрудникам вновь созданного подразделения, стали:

- отличная профессионально-физическая подготовка (бег, отжимание, подтягивание);
- виртуозное владение табельным и другим (специальным) вооружением (включая стрельбу по-македонски);
- владение приемами борьбы самбо, боксом, карате;
- умение управлять автотранспортом и бронетехникой;
- высокая физиологическая выносливость;
- устойчивые моральные и психологические качества.

Исходя из предъявляемых требований кандидатом на службу в спецназ уголовно-исполнительной системы мог стать не каждый желающий, а только прошедший жесткий конкурсный отбор. Ядро отряда в основном составляли лучшие армейские офицеры, специалисты высокого класса: взрывники, связисты, снайперы, бойцы штурмовых отрядов, разведчики.

Комплектование подразделений специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний, осуществлялось по контракту лицами, уволенными из рядов Вооруженных сил России (в то время происходило сокращение армии и флота), имеющими хорошую спортивную подготовку и боевую выучку. Предпочтение отдавали тем, кто проходил службу в ВДВ, морской пехоте, спецназе ГРУ, обладателям краповых беретов, офицерам с опытом пребывания в горячих точках.

После собеседования и тестов кандидаты сдавали физическую подготовку, а также проходили «обкатку» (рукопашный бой с двумя или тремя противниками). Даже если соискатель проигрывал рукопашный бой, ценились прежде всего бойцовские качества, стойкость, мужество, отвага, способность действовать в экстремальных ситуациях, не пасовать перед противником.

5-й этап – эволюционно-правовое становление и развитие правоохранительной деятельности подразделений специального назначения в Российской Федерации.

К октябрю 1992 г. в России было организовано 69 отрядов специального назначения со штатной численностью 1735 человек. Вновь образованные структуры положительно повлияли на оздоровление оперативной и режимной обстановки в местах отбывания наказания, обеспечение безопасности осужденных и персонала.

Основными видами правоохранительной деятельности стали:

- предотвращение и пресечение преступлений в пенитенциарных учреждениях;
- участие в обеспечении правопорядка и безопасности объектов уголовно-исполнительной системы;
- осуществление безопасности осужденных, лиц, заключенных под стражу, персонала и членов семей сотрудников уголовно-исполнительной системы.

К концу 1993 г. отряды специального назначения, выполняющие функции в сфере исполнения уголовных наказаний, были созданы и функционировали во всех субъектах России, за исключением Чеченской Республики. В целях быстрого и качественного комплектования подразделений специального назначения МВД России (тогда юридически тюремный спецназ входил в состав данного министерства) в указанный период было выделено множество штатных единиц. Личный состав отрядов специального назначения пенитенциарной системы активно участвовал в операциях по борьбе с преступностью, проводимых территориальными органами внутренних дел, в том числе по пресечению террористической и криминальной деятельности незаконных вооруженных формирований на Северном Кавказе (по сути, вели боевые действия против бандитских организаций).

Исходя из такого научного критерия, как организация стратегии и тактики пресечения правонарушений, появились новейшие виды правоохранительной деятельности подразделений специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний, а именно:

- наведение установленного (законного) правопорядка в период чрезвычайного положения (стратегия);
- борьба с незаконными вооруженными формированиями (тактика).

Выполнение поставленных задач нередко проходило в обстановке реальной опасности с риском для жизни, что требовало от личного состава отрядов специального назначения пенитенциарной системы смелости, ловкости, мужества, отваги, высокой профессиональной выучки, отличного владения приемами рукопашного боя, специальными средствами и табельным оружием.

Подразделения спецназа реализовывали также специфические виды правоохранительной деятельности (в их основу положен научный критерий – характер содержания задач), такие как:

- борьба с преступными проявлениями в местах лишения свободы;
- проведение специальных мероприятий, связанных с освобождением заложников;
- обезвреживание вооруженных преступников.

В настоящее время на пенитенциарный спецназ возлагается еще и собирание конкретных доказательств по административным и уголовным делам [5]. Это позволило в некоторой степени стабилизировать оперативно-розыскную обстановку в отечественных исправительных учреждениях, добиться существенного сокращения количества совершаемых осужденными правонарушений и преступлений, обеспечив тем самым установленный законом порядок по исполнению уголовных наказаний.

Обсуждение (анализ) результатов исследования, связанного с отбором кандидатов.

Опрос проводился в 5 регионах субъектов Российской Федерации, в нем участвовали около 120 спецназовцев, включая конвойные службы. По их мнению, отбор новых сотрудников в подразделения специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний, должен осуществляться по следующим основаниям:

1) наличие высшего образования – 90 % (45 % полагают, что оно должно быть психологическим, 33 – юридическим, 12 % – военным);

2) хорошие физические данные (52 % считают, что важна сила, 36 – выносливость, 12 % – скорость);

3) служебно-боевые навыки (70 % отметили необходимость владения приемами рукопашного боя, 20 – специальными средствами; 10 % – огнестрельным оружием).

В числе дополнительных параметров выделяется служба в армии (45 %). Кроме того, при опросе около 65 % практических работников заявили, что следует изменить законодательство в части, регламентирующей применение мер (специальных средств, оружия) принуждения. Многие отметили, что необходим отдельный (специальный) нормативный акт, устанавливающий порядок применения сил и средств (например, при проведении специальных операций). На вопрос анкеты: «Нужно ли закреплять в законодательстве отдельно статью, которая разрешала бы применять оружие исключительно сотрудниками подразделений специального (особого) назначения?» – ответы распределились следующим образом: нет – 90 %, да – 10 %.

Таким образом, в ходе проведенного исследования были достигнуты следующие результаты:

1) выявлено, что эволюция становления и развития правоохранительной деятельности подразделений тюремного спецназа тесно связана с формированием пенитенциарной системы нашего государства;

2) в зависимости от общественно-эволюционной и правовой формации классифицированы периоды эволюционно-правового становления и развития правоохранительной деятельности подразделений специального назначения;

3) ввиду отсутствия в царской России, а также в СССР в чистом виде специальных подразделений зафиксированы подразделения особого назначения (в зависимости от эволюционной эпохи: стражники, корволанты и гренадеры, подразделения резервных крепостных войск и флотские команды, отряды милиции Временного правительства; служебно-войсковые (военизированные) подразделения и др.);

4) разработаны предложения, направленные на совершенствование отбора кандидатов в отряды специального назначения.

Библиографический список

1. Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1991. 833 с.
2. Галкин-Враской М. Н. Изучение тюремного вопроса. СПб., 1868. 189 с.
3. Лучинский Н. Ф. Основы тюремного наказания. СПб., 1904. 180 с.
4. Печников А. П. Организационно-правовые основы управления тюремными учреждениями в Российском государстве (1649 – октябрь 1917 г.): монография. М., 2012. 305 с.
5. Содержание доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности сотрудников подразделений специального назначения Федеральной службы исполнения наказаний / В. А. Поникаров [и др.] // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 27(1–4), № 4. С. 446–454.

УДК 343.8

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.209-219

РИНАТ ГАЯНОВИЧ МИРОНОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры права, Восточная экономико-гуманитарная академия,
г. Уфа, Российская Федерация,
e-mail: mirorinat@yandex.ru;

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЩЕРБАКОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры организации режима
и оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе,
Псковский филиал Академии ФСИН России,
г. Псков, Российская Федерация,
e-mail: andrey-sherbakov-1973@yandex.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Миронов, Р. Г. Современное состояние функционирования уголовно-исполнительной системы / Р. Г. Миронов, А. В. Щербаков // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 2. – С. 209–219. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.209-219.

Аннотация. В современных условиях уголовно-исполнительная система России переживает непростой процесс реформирования, предпосылки и ход которого заданы двумя стратегическими, концептуально отраженными целевыми установками: 1) гуманизацией уголовно-исполнительной системы в параметрах конституционных норм с учетом международных стандартов и демократизации российского общества и государства; 2) повышением эффективности уголовно-исполнительной системы в контексте выполнения ею социальных и специальных функций. С одной стороны, в условиях демократизации государства и общества изменяется содержание функций, конкретных задач, форм и методов работы правоохранительных органов, в том числе уголовно-исполнительной системы и входящих в нее органов и учреждений. В целом в современной динамично развивающейся системе правовых отношений и ценностей правоохранительная служба не рассматривается больше как силовой институт, обладающий неограниченным репрессивным потенциалом. Напротив, это гарант социально-психологического комфорта граждан, так как смысл правоохранительной деятельности заключается в том, чтобы всеми дозволенными силами и средствами помочь человеку восстановить нарушенное право, включая ситуации, когда оно нарушено самим государством. С другой стороны, появляются новые формы и источники угроз

© Миронов Р. Г., Щербаков А. В., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

личной, общественной и государственной безопасности, в том числе в связи с функционированием и развитием уголовно-исполнительной системы.

В статье с помощью сравнительно-правового, структурно-функционального, нормативно-логического методов, метода толкования правовых норм рассматривается современное состояние уголовно-исполнительной системы, выделяются некоторые отправные точки к пониманию основ ее организации и функционирования. В ходе изучения и обобщения специальной литературы выявляются проблемы в этой области и предлагаются рекомендации, направленные на совершенствование нормативных правовых основ и практики. Сделанные выводы по модернизации уголовно-исполнительной системы могут иметь существенное значение для обеспечения ее безопасности в современных условиях функционирования.

Ключевые слова: Федеральная служба исполнения наказаний, гуманизация уголовно-исполнительной системы, персонал пенитенциарных учреждений, спецконтингент, осужденные, безопасность уголовно-исполнительной системы.

Характеризуя уголовно-исполнительную систему (УИС) современной России, прежде всего, с опорой на концептуальные правовые документы (Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года), акты законодательства (Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации; Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»; Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»; Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314), специальную юридическую литературу, следует обозначить отправные точки к пониманию основ ее организации и функционирования.

Во-первых, УИС занимает важное место в государственном механизме, осуществляя пенитенциарную деятельность, сопряженную с реализацией мер государственного принуждения и необходимую для поддержания и обеспечения порядка, в параметрах, установленных государством правовых форм, при помощи специфических юридических и организационных средств и методов. В целом она относится к системе правоохранительных органов [1, с. 159–176].

Во-вторых, УИС является социальным институтом, играющим особую роль в системе социального контроля, выступает важнейшим компонентом системы социальной организации в целом [2, с. 42]. Важно отметить, что УИС выполняет паритетно со специальными функциями исправительных учреждений социальные функции: карательную, превентивную, ресоциализирующую и реабилитационную. В свою очередь, социальный характер указанных функций определяется их направленностью, социально дифференцированным подходом к осужденным, отношением общества к осужденным и отбывшим наказание [3, с. 10, 11].

В-третьих, УИС обладает существенной спецификой, производной от своего предназначения, выполняемых функций и задач, условий функционирования, коррелирующей с характером и объектами пенитенциарного воздействия и проявляющейся в ее внутренней организации, правилах уголовно-исполнительной деятельности, ее специализации, коммуникативных, инфраструктурных и иных компонентах [4, с. 77]. Следует

согласиться с суждением, согласно которому современная УИС имеет четкую и строгую иерархию, относительно закрытый характер, при этом взаимодействует с другими структурными компонентами государственного механизма, социальными институтами в строго регламентированных правовых формах [3, с. 10]. Изучение законодательных и подзаконных нормативно-правовых предписаний и доктринальных разработок позволяет вести речь об отнесении к составу современной УИС России:

– Федеральной службы исполнения наказаний, подведомственной Министерству юстиции Российской Федерации (головной орган управления) [5, с. 13–18]), ее территориальных органов;

– учреждений и органов, исполняющих различные виды наказаний;

– других организаций, деятельность которых обеспечивает функционирование данной системы.

Следует согласиться с высказанным в специальной литературе мнением о том, что пенитенциарные учреждения занимают в УИС особое место, поскольку именно они непосредственно обеспечивают достижение ее целевых установок и решение задач [4, с. 79]. Кроме того, сама УИС может рассматриваться в разрезе горизонтального и вертикального ее строения: в первом случае речь идет об УИС в ее узком понимании, отождествлении с органами и учреждениями, непосредственно исполняющими различные уголовные наказания; во втором случае имеется в виду структура управления указанными органами и учреждениями со стороны ФСИН России и ее территориальных органов [6, с. 19]. Вместе с тем в специальной литературе не без оснований отмечается значимость правового упорядочения в части легального определения понятия уголовно-исполнительной системы, поскольку нередко в юридической литературе данная система, федеральный орган управления ею и органы, учреждения, которые непосредственно исполняют наказания, рассматриваются как синонимы [7, с. 2].

В-четвертых, УИС, как и любой системный объект, имеющий социально-правовое измерение и отражение, необходимо рассматривать с учетом имеющихся взаимосвязей с другими социально-правовыми системными объектами, а также в динамике развития, во взаимосвязи с движением и изменениями социума, государства, а также в корреляции с интеграционными процессами общемирового и регионального характера. Это, в свою очередь, означает, что УИС, оказывая определенное влияние на общество и государство, сама испытывает на себе влияние происходящих в обществе и государстве процессов, адаптируется к ним. При этом обозначенная специфика рассматриваемой системы предполагает особенности ее реформирования и адаптации к новым политико-правовым и социально-экономическим реалиям, необходимость особенно взвешенного, прагматичного и одновременно учитывающего гуманитарные идеи и ценности потребности поступательного развития России подхода. Очевидно также, что налаживание конструктивного взаимодействия между УИС и позитивными компонентами социальной организации, формирование и практическое использование социально-правового механизма в связи с этим является необходимым условием оптимизации современной уголовно-исполнительной системы [8, с. 35–38].

Изучение специальной литературы [9, с. 19–21], отражающей предпосылки и ход современного реформирования УИС России, позволяет нам, с известной долей обобщения, указать на две основные взаимосвязанные целевые установки обозначенного процесса: 1) гуманизация УИС с учетом международных стандартов и демократизации российского общества и государства; 2) повышение эффективности УИС в контексте выполнения ею социальных и специальных функций. Соответственно современное со-

стояние УИС России следует рассматривать сквозь призму данных целевых установок, совокупность факторов, обусловивших их постановку, а также оказывающих влияние на процесс достижения обозначенных целевых установок и решение связанных с этими установками задач.

Гуманизация уголовно-исполнительной системы с учетом международных стандартов и демократизации российского общества и государства. Следует обратить внимание на определенный исторический опыт формирования и практики осуществления гуманных начал исполнения уголовных наказаний в отечественной пенитенциарной системе, подключения общества к этой проблеме [10, с. 30–32]. Уже в 1980-х гг. в русле перестроечных реформ были проведены отдельные мероприятия по демократизации и гуманизации советской пенитенциарной системы [4, с. 65]. Идея гуманизации уголовно-исполнительной системы, в частности, таких ее составляющих, как правовая защищенность осужденных, социальная адаптация лиц, отбывших наказание, необходимость их комплексного решения была озвучена в Концепции реформирования уголовно-исполнительной системы (одобрена коллегией МВД СССР в 1990 г.). В дальнейшем данная идея была конкретизирована в положениях законодательных и подзаконных нормативно-правовых актов Российского государства [11, с. 19], концептуально оформлена в Конституции РФ, последовательно проведена в правовых позициях высших судебных инстанций, например, в решении Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 1995 г. по делу о проверке конституционности ч. 1 и п. 8 ч. 2 ст. Жилищного кодекса РСФСР. Важную роль в утверждении данной идеи и ее осуществления сыграл интеграционный фактор: вступление России в Совет Европы [12, с. 4] и связанное с этим процессом признание юрисдикции Европейского Суда по правам человека [13, с. 210–230], подписание международно-правовых актов в сфере прав человека и стандартов обращения с заключенными, принятие в связи с этим мер по имплементации международно-правовых обязательств в национальной правовой системе и, в частности, в рамках уголовно-исполнительной системы. Не останавливаясь на содержании международных правовых актов, касающихся пенитенциарной системы, отметим их важное значение для гуманизации уголовно-исполнительной сферы, признание этого факта на концептуальном, законодательном и доктринальном уровнях, осуществление комплекса мер (не только законодательного (имеется в виду принятие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации 1997 г., в определенной степени учитывающего международно-правовые обязательства России, а также других законодательных актов, в частности Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г., Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г., Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания», вносимые в указанные и другие законодательные акты коррективы), но и организационно-правового характера) в этой части [14, с. 2–4]. В специальной литературе в целом позитивно оценивается современное состояние нормативных положений уголовно-исполнительного законодательства России на предмет соответствия международным стандартам [15, с. 4–9]. Отметим, что сам факт перевода уголовно-исполнительной системы из ведомства МВД России в подведомственность Минюста России (указ Президента РФ от 28 июля 1998 г. № 904 «О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации»), постепенное снижение в России численности контингента лиц, отбывающих наказания, связанные с изоляцией от общества (для

сравнения можно привести следующие данные: если в 2002 г. количество осужденных в местах лишения свободы составляло 877 393 чел., то в 2015 г. – 656 618 чел.) [16, с. 176–183], и параллельное расширение альтернативных форм пенитенциарного воздействия [17, с. 5–8], правовое упорядочение в части государственного контроля и надзора, общественного контроля за деятельностью пенитенциарных учреждений [18, с. 14–15] также свидетельствуют о пользе гуманизации рассматриваемой системы на современном этапе ее развития.

Таким образом, следует признать объективный и значимый характер гуманизации сферы исполнения наказания, необходимость продолжения последовательных законодательных и организационно-правовых мер в данном направлении с учетом национальных интересов и международно-правовых обязательств России [19, с. 222–226]. Вместе с тем, очевидно, речь не идет о мифологизации проблемы соблюдения прав осужденных, принимая во внимание установленные государством определенные и в некоторых случаях довольно строгие ограничения и запреты [20, с. 64–66]. Среди целей их установления – охрана и защита безопасности отдельных людей, социальных коллективов, общества и государства в целом. Показательно, что современные исследователи рассматривают гуманизацию условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий их прав и законных интересов, как фактор, способный привести в итоге к сокращению рецидива преступлений [5, с. 16].

На наш взгляд, в контексте проблемы гуманизации УИС и одновременно значимости обеспечения безопасности личности следует рассматривать ситуацию с профилактикой и лечением опасных заболеваний осужденных и отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях (сведения о социально значимых заболеваниях у лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, и некоторых показателях деятельности медицинской службы (отчеты ФСИН России в период с 2009 по 2014 год. Форма 1-МЕД (ежемесячная) утверждена приказом ФСИН России от 27 февраля 2007 г. № 98).

В целом недопустимо отождествлять демократические преобразования, в частности связанные с демократизацией управления, гуманизацией мест лишения свободы, со вседозволенностью. Между тем такое восприятие имеет место среди контингента осужденных, о чем косвенно говорят статистические данные. Например, согласно сведениям ФСИН России, за период с 2010 по 2014 год отмечалось увеличение числа нарушений осужденными порядка и условий отбывания наказания в расчете на 1000 человек: если в 2010 г. таковых было 806,37, то в 2014 г. – 1112,68 (увеличение на 38 %). На 13,3 % увеличилось количество злостных нарушений осужденными порядка и условий отбывания наказания в расчете на 1000 человек (с 32,58 в 2010 г. до 36,91 в 2014 г.) [22, с. 10–12], чему, по всей видимости, в определенной степени способствует (наряду с другими факторами, включающими в себя как специфические для пенитенциарных учреждений условия, так и неблагоприятные, деструктивные условия внешней для уголовно-исполнительной системы социальной среды) неготовность персонала уголовно-исполнительной системы к работе в новых условиях.

Повышение эффективности уголовно-исполнительной системы в контексте выполнения ею социальных и специальных функций. В современных условиях уголовно-исполнительная система рассматривается не с позиций карательного инструмента (хотя понятно, что карательная функция неизменно присутствует в процессе ее функционирования), а в первую очередь с точки зрения выполнения ею превентивной, ресоциализирующей и реабилитационной функций. Принимая во внимание широкий

спектр задач, возлагаемых на компоненты рассматриваемой системы (прежде всего пенитенциарные учреждения), справедливо высказанное в специальной литературе суждение о том, что задачи исправительных учреждений (и в целом уголовно-исполнительной системы) хотя и в значительной мере совпадают с целями наказания, но вместе с тем шире последних [4, с. 85–86].

В современных условиях уголовно-исполнительная система в процессе функционирования сталкивается с рядом проблем, формирование и обострение которых вызвано различными факторами [22, с. 132]. При этом одна часть из них обусловлена самой пенитенциарной системой (специфика контингента осужденных, и особенно рецидивистов, роль криминальной и тюремной субкультуры [23, с. 72–79], объективные трудности осуществления эффективного контроля в целях обеспечения режимных требований соответствующего учреждения и предупреждения нарушений и др.), а другая – коррелирует с явлениями и процессами социально-экономического, культурно-идеологического, политико-правового и организационного характера и проявляется в просчетах уголовной и уголовно-исполнительной политики [24, с. 43–45] в целом и недостатках функционирования уголовно-исполнительной системы в частности. Изучение и обобщение доктринальных источников и эмпирического материала позволяет с определенной долей условности выделить следующие основные группы факторов, коррелирующих с неблагоприятными процессами и явлениями социального характера и негативно влияющих на функционирование УИС в современных условиях.

Омоложение и ухудшение криминологических характеристик контингента осужденных и отбывающих наказания. В специальной литературе [25, с. 47–53] приводятся данные, согласно которым среди осужденных и отбывающих наказание увеличивается удельный вес лиц молодежного возраста (лица до 25 лет составляют до 30,7 %), более половины всех осужденных отбывают наказание за насильственные преступления. Как следствие – ухудшаются криминогенные характеристики контингента, растет пенитенциарная преступность (в первую очередь насильственная). Серьезные опасения вызывает преступность несовершеннолетних, в том числе повышение ее организованности, высокий удельный вес в ней насильственных преступлений, усиление позиций криминальной и тюремной субкультуры в контингенте несовершеннолетних осужденных [26, с. 13–15].

Кроме того, как отмечают исследователи [27, с. 96], за несколько лет количество осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления возросло вдвое и достигло 80 % общей численности осужденных к лишению свободы; более четверти осужденных приговорены к длительным срокам лишения свободы, почти половина отбывает наказание второй раз и более; увеличилось число осужденных с повышенной агрессивностью и возбудимостью, психическими отклонениями, наркоманов, склонных к различным формам деструктивного поведения – агрессии, конфликтам, членовредительству, суициду, непредсказуемым действиям, нападениям на сотрудников, других осужденных. При этом существенно повысилась активность криминальных лидеров, пытающихся координировать противоправные действия осужденных (значительная часть которых связана с организованной преступностью), в том числе в части дезорганизации исправительных учреждений, а также в связи с посягательствами на работников уголовно-исполнительной системы. Не останавливаясь на этом аспекте, отметим, что в нейтрализации обозначенной группы факторов исправительным учреждениям придается важное значение, при этом параллельно должны формироваться и реализовываться меры по предупреждению преступности, ее ограничению и разрушению преступного мира (его традиций, влияния на общество, материальной базы организованной преступности [28, с. 218–291]).

Проблема организации социально полезной занятости осужденных и отбывающих наказания в исправительных учреждениях. Общественно полезный труд выступает одним из средств исправительного воздействия, кроме того, это – способ вовлечения осужденного в социально значимые отношения, способствующие его морально-психологической и трудовой ресоциализации [29, с. 16–19].

Вопрос привлечения осужденных к оплачиваемому труду достаточно сложный, так как для успешного функционирования производства необходимо регулярно обеспечивать его заказами, а также оперативно закупать сырье и материалы, стабильно выплачивать заработную плату, повышать профессиональную подготовку осужденных. По мнению ряда исследователей, в настоящее время в пенитенциарной системе Российской Федерации имеются объективные причины и факторы, связанные с проблемами трудовой занятости осужденных и сдерживающие развитие производства [30, с. 122–128].

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года концептуально обозначен комплекс мер, направленных на оптимизацию УИС в этой части. При этом раздел Концепции, посвященный труду и профессиональному обучению и образованию осужденных в местах лишения свободы, был переработан с учетом замечаний авторитетных ученых. Как полагает профессор В. И. Селиверстов, ряд изменений и дополнений Концепции направлен на обеспечение гарантий трудовых прав осужденных к лишению свободы, установленных Трудовым кодексом Российской Федерации, в том числе право на отдых, включая предоставление ежедневного отдыха, выходных и нерабочих праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска; на оплату труда не ниже установленного минимального размера; на увеличение размера заработанных денежных средств, направляемых на лицевой счет осужденного [32, с. 188–204]. Нормы труда, по обоснованному мнению ученого, должны быть приведены в соответствие с типовыми отраслевыми нормами.

Однако отдельные положения рассматриваемого документа (например, повышение экономической эффективности труда осужденных) выглядят декларативно (а в определенной части также спорно с этической точки зрения) и не без оснований подвергаются критике в юридической литературе [32, с. 29–32].

Кроме того, пенитенциарные учреждения столкнулись с проблемами общеобразовательного и профессионального обучения осужденных (во многих исправительных учреждениях происходит закрытие школ и профессиональных училищ); серьезные трудности имеются в организации трудовой занятости несовершеннолетних осужденных; на неудовлетворительном уровне находится воспитательная работа с осужденными [33, с. 19].

Препятствия на пути назначения и исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Проблема альтернативных мер уголовно-правового воздействия имеет особую значимость, в том числе в плане предупреждения новых преступлений, ресоциализации лиц, совершивших преступления впервые и небольшой тяжести [34, с. 109–115]. Показательно, что в настоящее время сама система уголовных наказаний выстроена по принципу от менее суровых к более строгим формам уголовно-правового воздействия. Как полагают некоторые исследователи, в этом подходе УК РФ (в отличие от УК РСФСР) просматривается предпочтение видам наказания, не связанным с изоляцией от общества: штрафу, обязательным работам, исправительным работам, принудительным работам, ограничению свободы [35, с. 95–106]. Хотя данное высказывание и небесспорно [36, с. 20], в целом нельзя отрицать, что практика применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, расширяется: в 81 федеральном казенном учреждении «Уголовно-исполнительная инспекция» и в 2407 их филиалах

состоят на учете 437 918 осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, и 3167 подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся под домашним арестом [37, с. 3–6].

Вместе с тем в специальной литературе обращается внимание на то, что уголовно-исполнительным инспекциям ФСИН России приходится контролировать исполнение наказаний все более рецидивоопасного контингента (в свою очередь, повторные правонарушения и преступления со стороны лиц, отбывающих наказание без изоляции от общества, являются тревожным показателем и одновременно криминогенным фактором [38, с. 3–6]). По мнению отдельных авторов, сложившийся в стране институт исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества (так называемый институт альтернативных наказаний), переживает системный кризис, имеющий прежде всего организационную и ресурсную природу [39, с. 46–48].

Следует также обратить внимание на то, что сама уголовно-исполнительная система России переживает непростой и коррелирующий с движением российского общества и государства, интеграцией и международным сотрудничеством в рассматриваемой сфере процесс трансформации организационных основ и функционирования, в свою очередь, проявляющийся в перепрофилировании системы пенитенциарных учреждений [40, с. 52–54], поэтапной демилитаризации уголовно-исполнительной системы [41, с. 1225–1233], установлении новых требований к ее кадровому обеспечению [42, с. 1–12], и других обстоятельствах, нуждающихся в дополнительной проработке (с подключением научной составляющей) во взаимосвязи с требованием обеспечения безопасности рассматриваемой системы в современных условиях. Мы в полной мере разделяем высказанное в специальной литературе суждение о том, что государство должно иметь адекватную обществу пенитенциарную систему [4, с. 112], и полагаем, что инновационные преобразования, обусловленные динамикой развития российского общества и государства, интеграционными процессами, не отрицают учета (в разумной степени, принимая во внимание преемственность развития государства и права, тип отечественной правовой системы) собственного позитивного опыта [5, с. 15].

Обобщение изложенного в статье приводит к следующим выводам.

1. Уголовно-исполнительная система занимает важное место в государственном механизме, осуществляет в параметрах, установленных государством правовых форм, при помощи специфических юридических и организационных средств и методов пенитенциарную деятельность, сопряженную с реализацией мер государственного принуждения и необходимую для поддержания и обеспечения порядка (правового, политического, социального), является социальным институтом, играющим особую роль в системе социального контроля, тем самым выступая важнейшим компонентом системы социальной организации (общества) в целом. В связи с этим УИС, испытывая на себе влияние социума и происходящих в нем и в государстве изменений, в свою очередь, оказывает влияние на социум, государство, его граждан.

2. Предпосылки и ход современного реформирования УИС России заданы двумя основными взаимосвязанными целевыми установками обозначенного процесса: гуманизацией уголовно-исполнительной системы с учетом международных стандартов и демократизации российского общества и государства, повышением эффективности УИС в контексте выполнения ею социальных и специальных функций. Соответственно современное состояние УИС следует рассматривать сквозь призму данных целевых установок, совокупность факторов, обусловивших их постановку, а также оказывающих

влияние на процесс достижения обозначенных целевых установок и решение связанных с этими установками задач.

3. В современных условиях УИС, входящие в нее исправительные учреждения (иные ее компоненты) в процессе функционирования сталкиваются с рядом проблем, формирование и обострение которых обусловлено факторами, одна часть из которых заключена в самой пенитенциарной системе (специфика контингента осужденных, и особенно рецидивистов, роль криминальной и тюремной субкультуры, объективные трудности осуществления эффективного контроля в целях обеспечения режимных требований соответствующего учреждения и предупреждения нарушений, в том числе преступных, со стороны осужденных и др.), а другая – коррелирует с явлениями и процессами социально-экономического, культурно-идеологического, политико-правового и организационного характера и проявляется в просчетах уголовной и уголовно-исполнительной политики в целом и недостатках функционирования УИС в частности.

К основным факторам, коррелирующим с неблагоприятными процессами и явлениями социального характера и негативно влияющим на функционирование УИС в современных условиях, следует отнести:

- омоложение и ухудшение криминологических характеристик контингента осужденных и отбывающих наказания (в первую очередь связанные с изоляцией от общества);
- проблему организации социально полезной занятости осужденных и отбывающих наказания в исправительных учреждениях и мер по их ресоциализации;
- препятствия на пути назначения и исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Библиографический список

1. Елинский А. В. Конституционное измерение уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3. С. 159–176.
2. Андреев Н. А. Социология исполнения уголовных наказаний. М., 2001. 137 с.
3. Лелюх В. Ф. Российская уголовно-исполнительная система: социальные проблемы реформирования : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Кемерово, 2006. 40 с.
4. Смирнов Л. Б. Уголовно-исполнительная система России: теоретические, правовые и организационные основы : монография. СПб., 2007. 228 с.
5. Бомбергер И. И. Реформирование и становление российской пенитенциарной системы // Концептуальные направления реформирования уголовно-исполнительной системы : материалы межрегион. науч.-практ. конф., 13 авг. 2012 г. / под общ. ред. П. И. Остапенко. Владимир, 2012. С. 13–19.
6. Уткин В. А. Проблемы уголовно-исполнительного права : учеб.-метод. комплекс для магистратуры. Томск, 2017. 120 с.
7. Борсученко С. Уголовно-исполнительная система: понятие и содержание // ЭЖ-Юрист. 2016. № 41.
8. Багреева Е. Г. Институты гражданского общества и уголовно-исполнительная система России: от конфронтации к сотрудничеству // Российский следователь. 2012. № 22. С. 35–38.
9. Шамсунов С. Х., Лосева С. Н. Место и роль международных стандартов в системе исполнения наказаний России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 1. С. 19–21.

10. Алексеев В. И. О соотношении карательного, филантропического, исправительного воздействия на осужденных в контексте стратегии пенитенциарной политики (1879–1917 гг.) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 30–32.

11. Ткачевский Ю. М. Новое в уголовно-исполнительном праве. Закон «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1995. № 1. С. 19.

12. Быков А. В. Значение зарубежного опыта для совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы России // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 3–4. С. 28–34.

13. Зимненко Б. Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. Общая часть : курс лекций. М., 2010. 416 с.

14. Гачава М. Л. Гуманизация отбывания наказаний как основное условие обеспечения правового положения осужденных в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 5. С. 2–4.

15. Гришко А. Я. Уголовно-исполнительный закон: декларации и реалии, необходимость в обновлении // Омбудсмен. 2014. № 2. С. 4–9.

16. Горбань Д. В. Прогрессивная система исполнения и отбывания исправительных работ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4. С. 176–183.

17. Уткин В. А. О перспективах probation в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 5–8.

18. Борсученко С., Косихин Д., Аносов М. Курс на гуманизацию тюремной системы // ЭЖ-Юрист. 2012. № 18. С. 14–15.

19. Петров А. М. Уголовно-исполнительная политика как выражение национальных государственных интересов России // Уголовная и уголовно-исполнительная политика на современном этапе развития общества и государства: отечественный и зарубежный опыт : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Владимир, 29–30 нояб. 2012 г.). Владимир, 2013. С. 222–226.

20. Головкин Р. Б. Некоторые проблемы осуществления уголовной и уголовно-исполнительной политики в современной России // Уголовная и уголовно-исполнительная политика на современном этапе развития общества и государства: отечественный и зарубежный опыт : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Владимир, 29–30 нояб. 2012 г.). Владимир, 2013. С. 64–66.

21. Никитин А. М. Пенитенциарное криминальное насилие: современные проблемы профилактики // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 2. С. 10–12.

22. Петров С. М. Государственное управление уголовно-исполнительной системой и пути ее реформирования : монография. Домодедово, 1995. 191 с.

23. Антонян Ю. М., Верещагин В. А., Калманов Г. Б. Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений // Государство и право. 1996. № 10. С. 72–79.

24. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. 144 с.

25. Миронов Р. Г., Минасов С. Г. ОВД и УИС в системе правоохранительных органов по обеспечению национальной безопасности в сфере правопорядка // Международное публичное и частное право. 2005. № 6. С. 47–53.

26. Смирнов А. М. Уголовно-исполнительная характеристика несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы за преступления против половой неприкосновенности

и половой свободы личности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 6. С. 13–15.

27. Щербаков А. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 174 с.

28. Шалахин И. В. Теория и методология изучения и ограничения (предупреждения) преступности, обеспечения криминологической безопасности личности. М., 2011. 300 с.

29. Лосева С. Н., Гарник С. В. Организация труда осужденных в условиях реформирования УИС // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 3. С. 16–19.

30. Хохрин С. А. Предупреждение пенитенциарной преступности: проблемы и пути решения // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 122–128.

31. Селиверстов В. И. Уголовная и уголовно-исполнительная политика в сфере исполнения лишения свободы: новации 2015 года // Lex russica. 2016. № 9. С. 188–204.

32. Головкин Л. В. Пенитенциарная политика, гуманизм и экономика // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 5. С. 29–32.

33. Смирнова И. Н. Методологические, организационные и правовые основы деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Псков, 2010. 44 с.

34. Ведерникова О. Н., Гейнце О. В. Влияние практики назначения уголовного наказания на состояние рецидивной преступности: региональный аспект // Уголовное право. 2016. № 2. С. 109–115.

35. Гравина А. А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 95–106.

36. Кудрявцев А. В. Оперативно-розыскная деятельность как средство снижения криминогенности уголовно-исполнительных правоотношений // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 5. С. 20–23.

37. Горяинов К. К., Иваньков И. А. Оперативно-розыскное обеспечение исполнения наказания и его цели // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 2. С. 3–6.

38. Дегтярева О. Л. Общегосударственные особенности роста и снижения уровня повторной преступности среди лиц, осужденных к наказаниям и мерам уголовного-правового характера, не связанным с изоляцией осужденных от общества, в общей структуре преступлений, совершаемых на территории страны // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 1. С. 3–6.

39. Плющева Е. Л. Теоретико-правовые аспекты контроля за осужденными без изоляции от общества // Российский следователь. 2015. № 13. С. 46–48.

40. Греков М. Л. К вопросу о необходимости постепенного перехода от колоний к тюрьмам // Российский следователь. 2012. № 23. С. 52–54.

41. Каляшин А. В. К вопросу демилитаризации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2014. № 12. С. 1225–1233.

42. Остапенко П. И. Приоритетные направления кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы // Научный журнал КубГАУ. 2012. № 80(06). С. 1–12.

УДК 343.83

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.220-225

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ ДОЛИНИН,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры управления и организации деятельности УИС,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: aleksander.dolinin@yandex.ru

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Для цитирования

Долинин, А. Ю. Повышение эффективности регламентации служебной деятельности сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний / А. Ю. Долинин // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 2. – С. 220–225. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.220-225.

Аннотация. Регламентация труда на научной основе представляется важнейшим средством повышения эффективности служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы. В настоящее время в практике управления учреждениями и органами Федеральной службы исполнения наказаний используются следующие виды регламентов: 1) регламенты, закрепляющие организационные структуры управления (примерные и типовые структуры, расчеты штатной численности); 2) документация, регламентирующая кадровое обеспечение (штатные расписания, документы кадрового учета и др.); 3) регламенты, относящиеся к методам организации управления (устав исправительного учреждения, правила внутреннего трудового распорядка, должностные инструкции, положения о структурных подразделениях и др.). В значительно меньшей степени представлены регламенты, закрепляющие функции и технологии управления и их информационное обеспечение, что снижает результативность деятельности учреждений и органов Федеральной службы исполнения наказаний. Формированию эффективной системы регламентирования служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы будет способствовать использование следующих видов регламентов:

1) регламенты, закрепляющие функции управления, предназначенные для повышения эффективности разделения и кооперации служебной деятельности персонала, их взаимодействия (схемы функциональных взаимосвязей структурных подразделений учреждения (органа), функциональные матрицы разделения служебных обязанностей в структурных подразделениях учреждения (органа) – позволят четко определить, разграничить и упорядочить служебные полномочия

© Долинин А. Ю., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

подразделений, должностных лиц и сотрудников, определить иерархию полномочий, облегчить контроль и координацию деятельности персонала, не допустить неоправданного дублирования функций;

2) регламенты, определяющие процессы и технологии управления (сводная карта процедуры, структура трудоемкости процедуры, оперограмма процесса, органограмма процесса, документограмма процесса, логико-информационная схема) – позволят четко определить алгоритм выполнения широкого спектра задач и функций, стоящих перед учреждениями и органами, упорядочить и конкретизировать деятельность подразделений, должностных лиц, сотрудников и их взаимодействие, определить и закрепить время выполнения конкретных служебных задач и функций;

3) регламенты, устанавливающие информационное обеспечение управления (схемы информационных потоков, схемы документооборота), – позволят определить рациональные связи между источниками и потребителями информации, пути ее циркулирования, а также определить исчерпывающий перечень входных и выходных документов, необходимых для решения различных служебных задач.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, работа с кадрами, персонал уголовно-исполнительной системы, регламентация.

В настоящее время повышение уровня управляемости любой организацией находится в зависимости от наличия регламентирующей документации по управлению персоналом. Разработка регламентов управленческой деятельности достаточно полно освещается в ряде научных изданий, где приводятся различные классификации регламентов и варианты их документального оформления, обосновывается необходимость и условия их применения [1, 2, 3]. Обоснованно считается, что регламентация является основным средством организации трудовой деятельности персонала, с помощью которого обеспечивается достижение необходимых результатов.

Несмотря на то что эффективная регламентация служебной деятельности персонала является важной составной частью организации управления уголовно-исполнительной системы (УИС) и необходимым условием достижения ее стратегических целей, теоретические основы регламентации служебной деятельности работников УИС разработаны недостаточно подробно, а в ее практической реализации в подразделениях имеются определенные проблемы.

В ходе инспектирования и контрольных проверок территориальных органов и образовательных организаций ФСИН России, проведенных в 2014–2017 гг., установлено, что в целом организация их служебной деятельности позволяет достаточно эффективно осуществлять возложенные на них задачи. Однако в отдельных сферах деятельности УИС имеются упущения и нерешенные проблемы, основные причины которых связаны со слабым контролем со стороны территориальных органов за деятельностью учреждений, с низким уровнем их взаимодействия, некачественным проведением проверок работы учреждений, отсутствием схем и электронных сетей информационного обеспечения. Указанные недостатки приводят к увеличению числа сотрудников, уволенных по отрицательным основаниям, в связи с нарушением условий контракта и по собственному желанию; снижению уровня служебной и исполнительской дисциплины. Основными причинами нарушений являются личная недисциплинированность и неорганизованность

сотрудников, что свидетельствует о недостатках в регламентации их деятельности. Многие из них могут быть устранены с помощью мероприятий по совершенствованию регламентации служебной деятельности персонала (информационный обзор ФСИН России от 5 апреля 2016 г. № исх-02-18617; информационный обзор управления кадров ФСИН России от 19 июня 2017 г. № исх-7-38835).

Представляется, что регламентация служебной деятельности на научной основе является важным инструментом повышения качества оперативно-служебной деятельности различных категорий сотрудников УИС.

Проведенный анализ регламентирования служебной деятельности сотрудников УИС показал, что в практике управления учреждениями и органами ФСИН России наиболее широко распространены следующие виды регламентов.

1. Регламенты, закрепляющие организационные структуры управления (например, типовые структуры и штатные расписания уголовно-исполнительной инспекции и исправительных центров, утвержденные приказами ФСИН России от 23 января 2012 г. № 24 и от 11 августа 2016 г. № 641, примерные структуры и расчеты штатной численности начальствующего состава, рабочих и служащих исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений, следственных изоляторов УИС, утвержденные приказом ФСИН России от 17 марта 2008 г. № 154).

2. Документация, регламентирующая кадровое обеспечение учреждения (органа) УИС – штатные расписания, документы кадрового учета и т. п.

3. Регламенты, относящиеся к методам организации управления, – устав исправительного учреждения, правила внутреннего трудового распорядка, должностные инструкции работников УИС, положения о структурных подразделениях, инструкции (положения) по видам деятельности (например, положение об аттестации, положение о кадровом резерве) и др.

Вместе с тем в значительно меньшей степени представлены регламенты, закрепляющие функции управления, определяющие технологии управления и их информационное обеспечение, что вызывает ряд проблем в организации эффективного служебного взаимодействия между структурными подразделениями и персоналом учреждения (органа) УИС, снижает результативность и повышает трудоемкость решения служебных вопросов. Например, вследствие нечеткого закрепления полномочий должностных лиц по выработке и согласованию управленческих решений часто существенно увеличивается время на их реализацию.

Представляется, что формированию эффективной системы регламентирования служебной деятельности сотрудников УИС будет способствовать разработка и использование в практике управления учреждениями и органами ФСИН России следующих видов регламентов, целесообразность применения которых находит теоретическое и практическое обоснование:

- 1) закрепляющие функции управления;
- 2) определяющие процессы и технологии управления;
- 3) устанавливающие информационное обеспечение управления.

Рассмотрим содержание и назначение перечисленных регламентов предметно. Важное значение в сфере регламентирования служебной деятельности персонала УИС имеет ее четкое функционально-иерархическое разделение. Для повышения эффективности разделения и кооперации служебной деятельности персонала УИС рекомендуется использовать два вида регламентов: схемы функциональных взаимосвязей структурных подразделений учреждения (органа) УИС и функциональные матрицы разделения слу-

жебных обязанностей в структурных подразделениях учреждения (органа) УИС. Эти регламенты представляют собой детализацию таких управленческих документов, широко используемых в практике управления УИС, как положения о структурных подразделениях и должностные инструкции работников. Однако в отличие от последних предлагаемые регламенты позволят не только более четко определить задачи и функции структурных подразделений учреждения (органа) УИС, должностные обязанности персонала, но и упорядочить их взаимодействие, а также регламентировать и закрепить степень участия структурных подразделений и должностных лиц в выполнении различных функций, возложенных на учреждение (орган) УИС, реализация которых предполагает служебное взаимодействие нескольких структурных подразделений и должностных лиц.

Кроме того, предложенные регламенты в отличие от положений о структурных подразделениях и должностных инструкций работников обладают свойством наглядности и позволяют увидеть функциональную структуру решения широкого спектра служебных вопросов, что значительно повышает их эффективность. Их применение позволит четко определить и разграничить служебные полномочия должностных лиц и сотрудников, определить иерархию полномочий, облегчить контроль и координацию деятельности персонала, не допустить неоправданного дублирования функций и т. п.

Схема функциональных взаимосвязей структурных подразделений учреждения (органа) УИС предназначена для закрепления конкретных функций, возложенных на учреждение (орган) УИС, за конкретными структурными подразделениями и должностными лицами (руководителями). Этот документ также позволяет регламентировать их полномочия и обязанности в выполнении этих функций.

Функциональная матрица разделения служебных обязанностей в структурных подразделениях учреждения (органа) УИС предназначена для закрепления за сотрудниками одного структурного подразделения конкретных функций, возложенных на это подразделение. Этот документ позволяет регламентировать полномочия и обязанности сотрудников в выполнении этих функций, а также функциональные взаимосвязи персонала внутри структурного подразделения. Таким образом, данный регламент по назначению во многом аналогичен схеме функциональных взаимосвязей, отличаясь от последнего уровнем детализации.

Регламенты, относящиеся к процессу и технологии управления, наиболее подробно обоснованы и широко представлены в специальной литературе [1, 2, 3]. Применение в практике управления УИС данной группы регламентов позволит четко определить алгоритм выполнения широкого спектра задач и функций, стоящих перед учреждениями и органами УИС, упорядочить и конкретизировать деятельность структурных подразделений, должностных лиц, сотрудников и их взаимодействие, определить и закрепить время выполнения конкретных служебных задач и функций, а также наглядно (пошагово) увидеть технологию выполнения различных процессов, что в конечном счете сможет снизить их трудоемкость. Следует также обратить внимание на то, что аналогов применения подобных регламентов в настоящее время в практике управления УИС нет.

С учетом изложенного в практике управления учреждениями и органами ФСИН России предлагается использование следующих видов регламентов, относящихся к процессу и технологии управления.

1. Сводная карта процедур, предусматривающая детализацию отдельных процедур (функций) управления. В УИС данный регламент может применяться для детализации периодичности осуществления конкретных служебных функций, трудоемкости их выполнения и закрепления их за конкретным сотрудником.

2. Структура трудоемкости процедур (операций), предназначенная для определения трудоемкости выполнения отдельных функций (операций), необходимых для реализации конкретной процедуры, и общей трудоемкости процедуры. В УИС данный регламент может применяться для определения общего бюджета времени выполнения различных служебных задач, детализации трудоемкости осуществления отдельных функций. В первую очередь речь может идти о реализации типовых, часто повторяемых процедур (например, подготовка кадрового резерва, статистических отчетов). Это может способствовать снижению трудоемкости решения типовых служебных задач.

3. Оперограмма процесса – один из самых распространенных регламентов управленческого труда, представляет собой документ, устанавливающий последовательность выполнения операций (функций) по определенной процедуре с указанием конкретных исполнителей, затрат времени на выполнение каждой операции и используемых технических средств. В УИС данный регламент может применяться для определения последовательности и трудоемкости выполнения операций (функций), необходимых для решения определенной служебной задачи, а также уточнения требуемого для этого взаимодействия.

4. Органограмма – графическая модель распределения управленческих функций в организации (структурном подразделении). В УИС органограмма процесса может использоваться для распределения полномочий между структурными подразделениями учреждения (органа) УИС, должностными лицами (руководителями) и отдельными исполнителями в процессе решения определенной служебной задачи.

5. Документограмма процесса (маршрутная схема документа) – регламент, устанавливающий маршрут подготовки и прохождения определенного документа внутри организации с указанием сроков (продолжительности) и характера выполняемой работы по составлению этого документа. Документограмма процесса позволяет проследить логическую последовательность и связь этапов работы над конкретным документом, выявить случаи дублирования функций, совместить и унифицировать документы, несущие однородную информацию. В УИС она может использоваться для распределения ответственности между структурными подразделениями учреждения (органа), должностными лицами (руководителями) и отдельными исполнителями в процессе подготовки служебной документации и полномочий по ее согласованию. Применение этого регламента позволит существенно повысить эффективность работы по документированию управленческих решений, подготовке различных отчетов, информация по которым предоставляется различными структурными подразделениями.

6. Логико-информационная схема – позволяет установить сроки выполнения операции (функции), исполнителей, входящую и выходящую информацию по каждой операции (функции), а также взаимосвязь между отдельными операциями (функциями). Применение в практике управления УИС данного регламента повысит эффективность совместной служебной деятельности сотрудников как одного, так и различных структурных подразделений учреждения (органа) УИС.

В специальной научной и методической литературе по упорядочению информационного обеспечения систем управления приводятся разные варианты и формы регламентирования этой деятельности. Считается, что важнейшими регламентами этого вида являются схемы информационных потоков и схемы документооборота, устанавливающие рациональные связи между источниками и потребителями информации и пути ее циркулирования, а также определяющие перечень входных и выходных документов, источники их поступления и т. д.

В УИС регламенты информационного обеспечения управления могут с успехом применяться для повышения эффективности деятельности как отдельных структурных подразделений, так и учреждения (органа) УИС в целом.

В схеме информационных потоков для обозначения структурных подразделений и информационных данных, поступающих от источников к приемникам информации, используются заранее установленные условные обозначения (индексы).

Схема документооборота позволяет установить перечень входных и выходных документов, необходимых для решения конкретной задачи, источники поступления входных документов и адресаты выходных документов, а также периодичность составления и предоставления документов.

При подготовке схем документооборота необходимо учитывать основной принцип организации документооборота (движения документов) – прохождение документом минимального числа инстанций (прямоточность), который может быть обеспечен оптимальным разделением труда между конкретными исполнителями и должностными лицами (руководителями). Для определения рациональных маршрутов движения документов целесообразно использовать оперограммы процессов.

Комплексное применение в практике управления учреждениями и органами ФСИН России обоснованных видов регламентов позволит повысить уровень управляемости и эффективность служебной деятельности сотрудников.

Библиографический список

1. Веснин Е. В. Управление человеческими ресурсами. Теория и практика : учебник. М., 2015. 688 с.
2. Кибанов А. Я., Мамед-Заде Г. А., Родкина Т. А. Управление персоналом. Регламентация труда : учебник. М., 2003. 480 с.
3. Кибанов А. Я., Родкина Т. А. Типовые формы регламентов управленческой деятельности // Кадровик. Кадровое делопроизводство. 2009. № 7. С. 29–36.

УДК 343.341

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.226-232

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БЛАГОВ,
доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова,
г. Ярославль, Российская Федерация,
e-mail: blagov@uniyar.ac.ru

О ГРУППЕ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Для цитирования

Благов, Е. В. О группе лиц в уголовном праве / Е. В. Благов // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 2. – С. 226–232. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.226-232.

Аннотация. В статье анализируются уголовно-правовые предписания о группе лиц, дается авторское толкование качественной и количественной характеристики рассматриваемого явления. С точки зрения количественной характеристики в группе лиц исполнителей должно быть более одного человека (несколько человек). Максимальное их количество законом не определено. Следовательно, оно может быть любым. С качественной характеристикой нужно решить, кто такой в данном случае исполнитель и надлежит ли ему быть субъектом преступления. Затрагивается аспект определения понятия исполнителя и соисполнителя преступления, к которым на практике и в теории уголовного права отношение не единообразное. Группу лиц на основании закона могут составлять исполнители – лица, как непосредственно совершившие преступление, так и непосредственно участвовавшие в совершении преступления совместно с иными лицами (соисполнителями). Важно помнить, что в последнем случае понятие исполнителя законодатель ограничил признаками непосредственного участия и его совместности с соисполнителями.

Раскрывается проблема определения понятия предварительного сговора. Предварительный сговор на убийство предполагает выраженную в любой форме договоренность двух или более лиц, состоявшуюся до начала совершения действий, непосредственно направленных на лишение жизни потерпевшего. Особое значение имеет момент его возникновения и достижения. Уделяется внимание вопросу разграничения группы лиц от группы лиц по предварительному сговору. Оно заключается в том, что в последней общее соглашение о совершении преступления достигается задолго до его реального совершения. Из закона данное решение совсем не вытекает. Выделяются и раскрываются механизм образования и нормативные признаки группы лиц, указывается, что некоторые из них являются излишними для понимания. Выявляются спорные решения при ее толковании в теории и на практике.

© Благов Е. В., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: группа лиц, исполнитель, субъект преступления, соисполнители, иные соучастники, лицо, предварительный сговор.

Совершение преступления группой лиц в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) упоминается чуть более 15 раз. Однако важность данного признака состава преступления для уголовной ответственности несомненна [8, с. 126–133].

В ч. 1 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора. При этом сама группа лиц, исходя из логики закона, может быть определена как совместное участие в совершении преступления двух или более исполнителей без предварительного сговора. Получается, что родовым признаком понятия группы лиц является участие в совершении преступления, а видовыми – совместность, два или более исполнителя и отсутствие предварительного сговора. Вместе с тем родовой и первый видовой признак явно излишни.

Если группа лиц, как традиционно считается, форма (вид) соучастия в преступлении, то она не может не характеризоваться совместным участием в совершении преступления, так как в соответствии со ст. 32 УК РФ соучастием в преступлении признается именно совместное умышленное участие в совершении умышленного преступления. Не включил же законодатель в ч. 1 ст. 35 УК РФ указание на умысел. Это естественно для любого соучастия в преступлении. Неясно, почему сделано исключение для участия и совместности. Другое дело – остальные признаки группы лиц. Они определяют специфические черты данной группы. С одной стороны, в преступлении могут участвовать не только исполнители, но и иные соучастники (ст. 33 УК РФ), с другой – преступление может совершаться как без предварительного сговора, так и с предварительным сговором (ч. 2 ст. 35 УК РФ).

Таким образом, группу лиц можно определить наличием двух или более исполнителей, совершивших преступление без предварительного сговора. Родовым признаком оказывается два или более исполнителя, а видовым – отсутствие предварительного сговора.

В понятии группы лиц признак «два или более исполнителя» имеет качественную и количественную характеристику. С количественной характеристикой все достаточно просто. В группе лиц исполнителей должно быть более одного человека (несколько человек). Максимальное их количество законом не определено, следовательно, оно может быть любым.

Несколько сложнее с качественной характеристикой родового признака понятия группы лиц. Нужно решить, кто такой в данном случае исполнитель и надлежит ли ему быть субъектом преступления. Понятие исполнителя отражено в ч. 2 ст. 33 УК РФ. Кажалось бы, все должно быть ясно. Однако на практике и в теории отношение к исполнителю не единообразное.

В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» разъяснено, что «при квалификации убийства по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо учитывать содержащееся в ст. 35 УК РФ определение понятия преступления, совершенного группой лиц... Убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причём необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможно-

сти защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения). Убийство следует признавать совершенным группой лиц и в том случае, когда в процессе совершения одним лицом действий, направленных на умышленное причинение смерти, к нему с той же целью присоединилось другое лицо (другие лица)».

Не понятно, как сам Пленум Верховного Суда Российской Федерации принимал во внимание определение, которое содержится в ч. 1 ст. 35 УК РФ и которое он призвал учитывать при квалификации убийства по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Следствием его толкования является то, что группу лиц применительно к убийству образуют два или более лица, непосредственно участвовавшие в совершении преступления. Согласно ч. 2 ст. 33 УК РФ группу лиц образуют два или более исполнителя. Таким образом, Пленум Верховного Суда Российской Федерации и законодатель говорят не совсем об одном и том же. Считаем, что приоритет, несомненно, должен отдаваться законодательному решению.

На основании ч. 2 ст. 33 УК РФ исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями). Из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как-то незаметно пропал исполнитель как лицо, непосредственно совершившее преступление, и группа лиц оказалась состоящей только из лиц, непосредственно участвовавших в совершении преступления, причем безотносительно участия других лиц (соисполнителей). Это достаточно вольное толкование закона, хотя оно и не вызывает возражений у некоторых авторов [11, с. 38].

В русском языке непосредственно понимается как «без посредствующих звеньев, участников» [7, с. 617]. Это не может не означать, что исполнитель как лицо, непосредственно совершившее преступление, должен сам осуществлять те действия (бездействие), которые указаны в соответствующей статье Особенной части УК РФ [1, с. 168–169]. Иного такому исполнителю не дано по определению. Отсюда при совершении убийства исполнитель как лицо, непосредственно совершившее преступление, может только причинять смерть другому человеку [4, с. 89]. Конечно, необязательно, чтобы повреждения, повлекшие за собой смерть, были причинены каждым из таких исполнителей. Важен их умысел на причинение смерти. В то же время исключено, чтобы один из названных исполнителей лишь подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться.

Напротив, исполнитель как лицо, непосредственно участвовавшее в совершении преступления совместно с другими лицами (соисполнителями), сам не может причинять смерть другому лицу. Он только участвует в совершении преступления, а не совершает его. Поскольку помимо исполнителей соучастниками преступления являются лишь организатор, подстрекатель и пособник (ч. 1 ст. 33 УК РФ), только они и могут участвовать в совершении преступления совместно с соисполнителями, причем по логике закона они должны быть на месте и во время совершения преступления [4, с. 92] не менее чем с двумя исполнителями как лицами, непосредственно совершившими преступление. В любом другом случае это будут не так называемые исполнители-организаторы, исполнители-подстрекатели или исполнители-пособники [4, с. 92], а собственно организаторы, подстрекатели или пособники как иные соучастники.

Таким образом, группу лиц на основании закона могут составлять исполнители как лица, непосредственно совершившие преступление, так и непосредственно участвовавшие в совершении преступления совместно с иными лицами (соисполнителями). Важно лишь помнить, что в последнем случае понятие исполнителя законодатель ограничил признаками непосредственного участия и его совместности с соисполнителями.

Выделение в законе второй разновидности исполнителя сомнительно [4, с. 94]. В то же время, пока ч. 2 ст. 33 УК РФ существует в современной редакции, от такого исполнителя никуда не уйти при признании преступления совершенным группой лиц.

Одновременно трудно согласиться с порой осуществляемым отождествлением группы лиц с соисполнительством [4, с. 12]. В ч. 2 ст. 33 УК РФ под соисполнителями явно имеются в виду только лица, непосредственно совершившие преступление [4, с. 37]. Дело в том, что в законе до упоминания лица, непосредственно участвовавшего в совершении преступления совместно с соисполнителями, содержится указание лишь на лицо, непосредственно совершившее преступление. Приставка «со» служит для образования имен существительных, означая общее совместное участие в чем-нибудь [7, с. 1088]. Если бы законодатель применительно к группе лиц имел в виду исключительно соисполнителей, то ему ничего не мешало это недвусмысленно отразить в ч. 2 ст. 33 УК РФ. Он же назвал исполнителей, явно имея в виду не только лиц, непосредственно совершивших преступление.

Хотя согласно закону группа лиц может включать в себя лишь исполнителей, в литературе считается, что в ее составе могут быть и иные соучастники [4, с. 234–235]. Они в составе такой группы вряд ли могут совершать преступление, но подключение их к совершению преступления группой лиц не исключено. Соответственно квалификация их деяний должна быть со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ

Исполнитель преступления во всех своих разновидностях в ч. 2 ст. 33 УК РФ называется лицом. Данный термин содержится и в определении понятия соучастия в преступлении (ст. 32 УК РФ). На этом основании подчас делается вывод, согласно которому такая формулировка соучастия допускает, что в нем могут участвовать как соучастники, так и лица, не являющиеся субъектами преступления [10, с. 18]. С приведенными решениями трудно согласиться.

Конечно, некоторые основания для неправильного толкования соучастия в преступлении ч. 2 ст. 33 УК РФ дает. В ней, в частности, идет речь об использовании для совершения преступления лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста и невменяемости. Поскольку указанное уголовно-правовое положение законодатель включил в понятие исполнителя, создается впечатление, что не достигшие возраста наступления уголовной ответственности и невменяемые «являются субъектами соучастия и образуют группу лиц» [6, с. 56]. Правда, при посредственном исполнении соучастия нет и субъектом преступления является лишь посредственный исполнитель [4, с. 103]. Как разъяснено в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», в случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения.

Дело в том, что термин «лицо» содержится также в ст. 19 УК РФ об общих условиях уголовной ответственности. Он как раз и раскрывает понятие лица при соучастии в преступлении [3, с. 204].

В ст. 19 УК РФ говорится, что уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, то есть лишь субъект преступления. Соучастники преступления подлежат уголовной ответственности (ст. 34 УК РФ). Поскольку в ст. 19 УК РФ идет речь об общих условиях уголовной ответственно-

сти, ясно, что она должна иметь отношение и к соучастию в преступлении. Стало быть, исполнителем в группе лиц может быть исключительно субъект преступления.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 группа лиц, по крайней мере, применительно к убийству имеет две разновидности. Первая – когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвуют в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, вторая – когда в процессе совершения одним лицом действий, направленных на умышленное причинение смерти, к нему с той же целью присоединяется другое лицо (другие лица).

Вычленение первой разновидности группы лиц сомнительно, так как ее невозможно отличить от остальных преступных групп, определенных в ст. 35 УК РФ. В каждой из них убийство могут совершать два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, и непосредственно участвуя в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие.

Вторая разновидность группы лиц специфична. При присоединении к одному лицу, совершающему убийство, другого (других) никак не может быть ни предварительного сговора на совершение преступления (ч. 2 ст. 35 УК РФ), ни устойчивой группы лиц, заранее объединившихся для совершения преступления (ч. 3 УК РФ), ни структурированной организованной группы или объединения организованных групп (ч. 4 УК РФ).

Механизм образования группы лиц всегда должен быть единым. Он заключается в том, что к лицу, начавшему совершение преступления, присоединяется с той же целью хотя бы еще одно лицо. Это полностью соответствует видовому признаку понятия группы лиц – без предварительного сговора. Сговор в русском языке определяется как соглашение в результате переговоров, а предварительный – предшествующий чему-нибудь, бывший перед чем-нибудь [7, с. 862]. Сговор может предшествовать только совершению преступления. Если переговоров до начала его совершения не было, то отсутствует и сговор на совершение преступления.

Преступление начинается совершением действий (бездействия), непосредственно направленных на его совершение. Так, в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъяснено, что «при квалификации действий виновных как совершение хищения чужого имущества группой лиц по предварительному сговору суду следует выяснять, имел ли место такой сговор соучастников до начала действий, непосредственно направленных на хищение чужого имущества». Не случайно сговор указан среди условий совершения преступлений, которые создаются при приготовлении к преступлению (ч. 1 ст. 30 УК РФ). Между тем сговора на совершение преступления, если после начала совершения преступления одним лицом к нему присоединяется с той же целью хотя бы еще одно лицо, не может быть по определению.

Изложенное не исключает применительно к группе лиц наличие сговора. Он только не должен быть предварительным. Не зря для указанных групп различаются две ситуации: 1) сговор не возникает вообще, и о наличии соглашения свидетельствуют лишь конклюдентные (такие же или соответствующие поведению другого лица) действия (помог избить, изнасиловать, отнять деньги); 2) сговор возникает после начала совершения преступления. В первой ситуации речь идет о конклюдентно действующей группе лиц, под которой понимается такое объединение преступников, когда отсутствует внешне выраженное (словами, письменно, жестами) соглашение и согласованность поведения достигается путем совершения действий, адекватных ситуации (обстановке, поведе-

нию других участников); во второй – о группе лиц с соглашением на стадии исполнения преступления, под которым понимается групповое объединение преступников, в котором соглашение внешне выражено словами, письменно, жестами и осуществляется на стадии исполнения преступления хотя бы одним лицом [4, с. 233–236].

Однако возникает возражение в отношении того, что сговором считается соглашение жестами. При этом забывается, что сговор – соглашение в результате переговоров, а переговоры – обмен мнениями с какой-нибудь деловой целью, то же, что разговор [7, с. 753]. Даже в п. 10 вышеуказанного постановления от 27 января 1999 г. № 1 определено, что «предварительный сговор на убийство предполагает выраженную в любой форме договоренность двух или более лиц, состоявшуюся до начала совершения действий, непосредственно направленных на лишение жизни потерпевшего».

Не случайно обвиняемые обычно не соглашались с предъявлением им сговора на совершение преступления, если об этом они не договаривались, понимая сговор именно в общесмысловом значении. А на кого рассчитана предупредительная задача Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 2)? А разве не о допуске объективном вменении в таком случае идет речь (ст. 5 УК РФ)?

Иногда считается, что отличие группы лиц от группы лиц по предварительному сговору заключается, в частности, в том, что в последней общее соглашение о совершении преступления достигается задолго до его реального совершения [2, с. 11]. Из закона данное решение совсем не вытекает. Одновременно возникают два вопроса: 1) общее соглашение предполагает потом специальное или специальное соглашение – это уже показатель группы лиц; 2) задолго до реального совершения преступления – это за какое время, а если незадолго, то относится к той же группе лиц?

Ответ на поставленные вопросы дает выделение в качестве признака группы лиц того, что до начала совершения преступления между его соучастниками достигается соглашение о его совместном совершении, которое, однако, не носит характера предварительного сговора [2, с. 11]. Правда, не очень понятно, как может не быть сговора, если соглашение имеется, и почему он не предварительный, если соглашение достигается до начала совершения преступления.

Ничего подобного о группе лиц не было в дореволюционном уголовном законодательстве. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. различало два главных вида соучастия: учинение преступления по предварительному всех или некоторых виновных на то согласию или без оно, причем, по смыслу его постановлений, различие относилось именно к предварительности, так как соглашение являлось условием каждого вида. Уголовное уложение 1903 г. отказалось и от такого деления на том основании, что различия скопа и сговора, имеющие, несомненно, правильное теоретическое основание и вытекающие из существа соучастия, не представляют, однако, практического значения и не должны иметь место в кодексе [8, с. 334]. Последнее весьма странно, ибо чем раньше до начала преступления возник сговор, тем опаснее при прочих равных условиях соответствующая преступная группа. Данное обстоятельство должно влиять хотя бы на назначение наказания.

В рамках действующего уголовного законодательства для разграничения соответствующих преступных групп гораздо важнее иное обстоятельство – не время сговора, а имеется оно или отсутствует.

Библиографический список

1. Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении. М., 2013. 408 с.

2. Быков В. Конструкция квалифицирующего признака совершения преступления группой // Уголовное право. 2000. № 3. С. 11–14.
3. Зацепин М. А. Дополнительная квалификация преступления: общие и специальные вопросы. М., 2017. 304 с.
4. Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. 362 с.
5. Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права: избр. ст. 2000–2009 гг. Ярославль, 2010. 591 с.
6. Назаренко Г. В., Ситникова А. И., Байбарин А. А. Субъект преступления в отечественном уголовном праве. М., 2017. 232 с.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2016. 1360 с.
8. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая : в 2 т. М., 1994. Т. 1. 380 с.
9. Тимченко А. Н. К вопросу о понятии группы лиц в советском уголовном праве // Гарантии прав личности в социалистическом уголовном праве и процессе / отв. ред. Я. О. Мотовиловкер. Ярославль, 1981. С. 126–133.
10. Хмелевская Т. А. Виды групповых преступлений и их квалификация по Уголовному кодексу Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 33 с.
11. Шатов С. А. Соучастие в преступлении. СПб., 2012. 215 с.

УДК 343.914

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.233-237

ВЛАДИМИР ГЕННАДЬЕВИЧ ГРОМОВ,

доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры уголовного, экологического права и криминологии,
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация,
e-mail: gromov_vg@mail.ru

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ВОПРОСЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Для цитирования

Громов, В. Г. Женская преступность: вопросы детерминации и предупреждения / В. Г. Громов // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 2. – С. 233–237. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.233-237.

Аннотация. В статье рассматриваются причины женской преступности, а также факторы, влияющие на ее количественные и качественные изменения. Предупреждение женской преступности является одним из важнейших направлений сложной, многогранной деятельности органов внутренних дел, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов по профилактике правонарушений. Особенности личности женщин, их объективного положения в системе социальных отношений обуславливают необходимость последовательной интенсификации мер борьбы с данной формой преступных проявлений и находятся в прямой зависимости от научной обоснованности соответствующих общих и индивидуальных профилактических мер, их целенаправленности, последовательности и взаимной согласованности. Работа по профилактике женской преступности может быть успешной только в том случае, если она базируется на положениях криминологии, педагогики, психологии, достижений других наук. На основе проведенного исследования, а также с учетом особенностей детерминант женской преступности делается вывод о необходимости применения для предупреждения данного вида преступности общесоциальных, а также специальных мер правового, организационного, психолого-педагогического и иного характера.

Ключевые слова: женщины, женская преступность, преступление, причины преступности, предупреждение преступности.

© Громов В. Г., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Причины преступности представляют собой систему обстоятельств, которые исходят из существующей действительности (объективные обстоятельства), а также особенностей конкретного человека (субъективные обстоятельства), которые порождают общественно опасные деяния. Это характерно и для женской преступности.

Анализ женской преступности показывает, что в основу ее причин заложены определенные процессы и явления. Криминологи выделяют следующие причины:

- активное участие женщин в производстве, а также в общественной жизни;
- ослабление роли социально значимых институтов, и в первую очередь семьи;
- возросшая напряженность в обществе, появление в нем конфликтов и враждебности;
- увеличение числа антиобщественных явлений.

Причины женской преступности тесно взаимосвязаны с особенностями женской психологии и исходят из искаженной волевой и нравственной сферы личности женщин. Для такой категории лиц свойственны определенные качества личности и потребности (например, стремление к совершенству, повышенная в отношениях с окружающими чувствительность, предрасположенность к неврастению и психопатии, конформизм).

Необходимо отметить, что женщина большое значение придает поиску дополнительных доходов для удовлетворения своих потребностей, который нередко приводит к угасанию внимания в отношении таких социально значимых институтов, как семья, культура, спорт.

В последнее время прослеживается тенденция, что после рождения ребенка женщина достаточно часто остается одна, без поддержки близких людей, без трудоустройства и постоянного дохода. Именно эти обстоятельства толкают женщину на совершение преступления.

Значительную долю в структуре женской преступности занимают преступления против собственности (более 50 %), в частности, мошенничество и кража. Причиной данных преступлений выступает в основном нехватка денежных средств, а также невозможность законного приобретения желаемых ценностей.

По статистическим данным, большинство женщин, которые совершили преступление, имеют среднее образование или слабую профессиональную подготовку и вынуждены заниматься неквалифицированным трудом. Вследствие этого на их плечи ложится тяжелый груз, с которым мало кто из них может справиться, не нарушая закон. Данный факт в дальнейшем осложняет их реабилитацию и адаптацию в обществе посредством труда, исходя из чего появляется вероятность совершения ими повторного преступления.

В. А. Казакова, проводя анализ состава женщин-преступниц, которые отбывают наказание в виде лишения свободы, утверждает, что в настоящее время в структуре женской преступности преобладают преступления с элементами физической агрессии. Преступления против собственности (мошенничество, кража, разбой, грабёж) составляют одну треть от числа всех преступлений, против здоровья и общественной нравственности (незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств или их аналогов) – больше пятой части от общего числа женских преступлений [1].

У значительной части женщин-преступниц, отбывших наказание, отсутствуют семьи, прервана связь с детьми, утрачены навыки работы во время пребывания в исправительных учреждениях, ухудшено их общее психическое состояние (увеличиваются стрессы, усиливается тревога). В связи с этим необходимо разрабатывать и принимать меры по их реабилитации. Представляется, что государство должно разрешать проблемы жен-

щин, которые отбывают наказания, не имеют постоянного места жительства, а также постоянного источника дохода. Данные обстоятельства требуют разработки специальных мер постпенитенциарной социальной адаптации, которые будут учитывать индивидуальные особенности осужденных.

Необходимо отметить, что в последнее время существенно изменилась роль женщины в обществе. Как правило, считалось, что она заключается лишь в создании, поддержке уюта и комфорта в семье, а также в воспитании детей. Однако изменение роли женщины в социуме происходит болезненно не только для самой женщины, но и для общества как с экономической, так и с моральной позиции. Разрушение либо ослабление семьи часто приводит к тому, что женщина перестает выполнять возложенные на нее обязанности (воспитание детей, занятие домашним хозяйством) либо делает это ненадлежащим образом. Кроме того, нередко употребление алкоголя, наркотических средств в результате приводит их к социальной деградации, а также совершению деяний, запрещенных уголовным законом. Даже в благополучной семье конфликты и неблагоприятная обстановка могут повлиять на преступное поведение женщин [2, с. 177].

По мнению И. И. Карпеца, семья закладывает практически все в человека и определяет его как личность [3, с. 98]. Семья формировала, формирует и будет формировать в преступниках, в том числе в женщинах, как положительные, так и отрицательные качества, потребности, интересы, жизненные ориентации. Семья выступает также положительным фактором для женщин, которые совершили преступление и отбывают наказание в местах лишения свободы, поскольку именно она дает женщине необходимую поддержку и сдерживает ее от совершения преступлений.

У женщин по сравнению с мужчинами наблюдается быстрый подрыв психологических установок, связей, стереотипов. Указанное явление обосновывает склонность женщин к деградации личности (алкоголизм, наркомания), в связи с чем женщина легче вовлекается ни к чему не обязывающему образу жизни. На второй план отходят такие важные для женщины ценности, как дети, семья, работа, что способствует ведению ей асоциального образа жизни.

Значительное распространение получило такое явление, как женская наркомания. Большинство криминологов склонны полагать, что у женщин быстрее наступает физическая и психическая зависимость от наркотических средств и психотропных веществ при низких дозировках, чем у мужчин.

Вышеуказанные отрицательные процессы во многом происходят из-за изменений в системе моральных ценностей в обществе. Эти ценности позволяют людям определять меру нравственной ответственности перед самим собой и обществом, формулировать собственное понимание добра и зла, порядочности и безнравственности. Такие факторы, как пропаганда в обществе тем секса, насилия, жестокого обращения, ловкости преступников, бессилия и продажности сотрудников правоохранительных органов, действуя через средства массовой информации, формируют стереотипы поведения молодых женщин и побуждают их к ведению асоциального и антисоциального образа жизни.

Анализируя причины женской преступности, следует обратить внимание как на внешние (объективные) обстоятельства, так и на специфику женской психологии и психики (субъективные обстоятельства). Детерминанты женской преступности представляют собой совокупность негативных процессов и явлений, которые присутствуют в общественной жизни (первостепенны экономические, организационно-управленческие, духовно-нравственные), непосредственном окружении женщин (семейное неблагополучие, сложные отношения в трудовых коллективах), а также в личностных недостатках

самих женщин (наркотическая и алкогольная зависимость, агрессивность, низкий образовательный уровень и т. п.).

Рассматривая вопросы предупреждения женской преступности, отметим, что их необходимо решать в рамках борьбы с преступностью в целом. Предупреждение женской преступности включает в себя комплекс целенаправленных воздействий, влияющих на причины и условия возникновения женской преступности, реализующихся путем применения различных мер на общесоциальном, социально-криминологическом и индивидуальном уровнях.

Из-за специфических обстоятельств, обуславливающих особенности женской преступности, предопределяется необходимость осуществления ряда специальных мер правового, организационного, психолого-педагогического и иного характера.

Достижение качественно иного состояния общества выступает обязательным условием успешности специальных мер по предупреждению женской преступности. В первую очередь женщине необходимо иметь иной статус в обществе, ее следует избавить от роли основной, в том числе равной с мужчинами, «добытчицы» материальных благ. Внимание и силы женщины должны быть сосредоточены на детях, семье.

В докладе на IV Всемирной конференции по положению женщин в качестве стратегической цели предусмотрено «изменение целенаправленного распределения государственных ассигнований и структуры в целях равного доступа к производственным ресурсам женщин, поощрения их экономических возможностей, а также удовлетворения специальных медицинских и образовательных потребностей женщин, особенно которые проживают в условиях нищеты» (Пекинская декларация, принятая IV Всемирной конференцией по положению женщин, Пекин, 4–15 сентября 1995 г.).

Милосердие и гуманность должны выступать базовыми принципами профилактической работы с женщинами. Именно они должны пронизывать уголовный, уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный законы, а также подзаконные нормативно-правовые акты. Следует отметить, что нельзя сдерживать преступность исключительно только с помощью наказания.

Предупреждение преступлений должно сводиться к ликвидации причин, способствовавших их совершению. Первоначально обществу необходимо достичь иного состояния защищенности людей, в соответствии с которым человек должен ощущать на себе заботу государства и у него не должно возникать потребности добывать себе средства к нормальному существованию преступным путем. Однако в настоящее время переход к такому состоянию по-прежнему является глобальной проблемой общества.

В современном обществе важная роль принадлежит разнообразным движениям и некоммерческим организациям, которые отстаивают права женщин и защищают их интересы. Значительное влияние на предупреждение женской преступности оказывают также подразделения органов внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних. Данные отделы проводят индивидуально-профилактическую работу по предупреждению преступлений с неблагополучными семьями и трудными подростками.

Следует обратить внимание на такую проблему, как занятость женщин на полный рабочий день, поскольку, помимо работы, на женщину возложена и обязанность заботы о детях и семье. В связи с этим ей необходим полноценный отдых, чтобы она не испытывала чувство постоянной спешки, депрессии, усталости, неудачливости [4, с. 30].

Необходимо проводить комплекс мероприятий, направленных на раннюю профилактику сексуальной деморализации. В данном случае помощь могут оказывать психоло-

ги, медицинские работники. Им следует выявлять женщин, которые начали совершать аморальные действия, а также источник развращающего влияния на несовершеннолетних [5, с. 539].

В настоящее время значительную роль в предупреждении женской преступности играет церковь, проповедуя гуманность, провозглашая любовь, взаимопомощь, послушание и скромность.

Предупреждение женской преступности является одним из важнейших направлений сложной, многогранной деятельности органов внутренних дел, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов по профилактике правонарушений. Особенности личности женщин, их объективного положения в системе социальных отношений обуславливают необходимость последовательной интенсификации мер борьбы с данной формой преступных проявлений и находятся в прямой зависимости от научной обоснованности соответствующих общих и индивидуальных профилактических мер, их целенаправленности, последовательности и взаимной согласованности. Работа по профилактике женской преступности может быть успешной только в том случае, если она базируется на положениях криминологии, педагогики, психологии, достижений других наук.

Библиографический список

1. Казакова В. А. Характеристика женщин, отбывающих лишение свободы (по материалам специальной переписи осужденных 2009 г.). URL : <https://wiselawyer.ru/poleznoe/62505-kharakteristika-zhenshhin-otbyvayushhikh-lishenie-svobody-materialam-specialnoj> (дата обращения: 03.03.2019).
2. Алексеев Д. Ю. Алкоголизм и наркомания как причины женской преступности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 2. С. 177–178.
3. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. 432 с.
4. Луговенко Т. П. Некоторые аспекты предупреждения женской преступности // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Естественные, общественные науки. 2012. № 1. С. 30–36.
5. Бартасюк А. А., Контанистов И. В. Основные направления предупреждения женской преступности: актуальные проблемы и перспективы развития // Ученые заметки ТОГУ. 2013. Т. 4. № 4. С. 539–547.

УДК 343.265.23

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.238-242

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА МЯХАНОВА,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация,
e-mail: alex27-m@mail.ru;

ТАТЬЯНА ИЛЬНИЧНА ЭРХИТУЕВА,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель декана юридического факультета,
Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация,
e-mail: tanja_77@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЕЛЫ В ПРИМЕНЕНИИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Для цитирования

Мяханова, А. Н. Некоторые пробелы в применении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в отношении несовершеннолетних / А. Н. Мяханова, Т. И. Эрхитуева // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 2. – С. 238–242. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.238-242.

Аннотация. В статье рассматривается институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания несовершеннолетних. Данный институт известен российскому уголовному праву давно, суды в целом соблюдают требования закона об условно-досрочном освобождении, однако встречаются случаи нарушения положений правовых норм. Определение оснований применения условно-досрочного освобождения имеет большое значение как для теории, так и для практики. Единое понимание оснований применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания обусловит дальнейшее совершенствование данного института. Отсутствие четкого представления о правовом регулировании указанного института затрудняет решение ряда практических вопросов, в том числе применения оснований условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, соблюдения условий отмены условно-досрочного освобождения. По-прежнему главной проблемой условно-досрочного освобождения является высокий уровень рецидива.

Ключевые слова: освобождение от наказания, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, отбывание наказания, поощрительная мера уголовно-правового характера, ресоциализация.

© Мяханова А. Н., Эрхитуева Т. И., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) сконструирован с учетом прошлого опыта. В последние годы в УК РФ был внесен ряд изменений, направленных на его совершенствование. Вместе с тем по-прежнему имеется ряд вопросов, требующих разрешения. Так, главной проблемой условно-досрочного освобождения является высокий уровень рецидива. Анализ статистических материалов об осужденных, содержащихся в исправительных колониях, показывает, что, по официальным данным ФСИН России, лица при рецидиве (судимые 2 и более раза) составляют больше половины (в 2002 г. – 51 %, в 2012 г. – 55 %).

22 марта 2017 г. утверждена Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 г. (далее – Концепция), где отмечено: участниками преступлений в 2016 г. стали 48,6 тыс. подростков (в 2014 г. – 54,4 тыс.); несовершеннолетними и при их соучастии совершено 53,7 тыс. преступлений (в 2014 г. – 59,5 тыс.), а в конце 2016 г. на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел состояли 142,8 тыс. несовершеннолетних (2014 г. – 159,8 тыс.).

Цель Концепции – создание условий для успешной социализации (ресоциализации) несовершеннолетних, что будет способствовать снижению количества правонарушений, совершенных несовершеннолетними, в том числе повторных.

Основными причинами совершения преступлений несовершеннолетними являются социальные факторы, в частности отсутствие семьи, работы и учебы, воспитание в неполных семьях, употребление алкоголя и наркотиков. В решении вышеуказанных проблем им необходима помощь. Неслучайно одно из положений Концепции посвящено вопросам оказания помощи в бытовом и трудовом устройстве. Кроме того, следует применять психологические методики, направленные на адаптацию несовершеннолетних правонарушителей к законопослушному образу жизни.

Среди институтов уголовного права особое место занимает условно-досрочное освобождение от отбывания наказания. С одной стороны, оно является мерой поощрения, способной достичь целей наказания, когда осужденный уже не нуждается в полном отбытии назначенного срока наказания. С другой стороны, в случае нарушения условий условно-досрочного освобождения от отбывания наказания оно может быть отменено судом (впервые условно-досрочное освобождение в отношении лиц, не достигших совершеннолетия, было законодательно закреплено в Положении от 5 декабря 1886 г. «Об исправительных приютах», в ст. 10 которого был предусмотрен возврат в приют освобожденного в случае его плохого поведения).

Согласно статистическим данным ФСИН России, в 2016 г. в 23 воспитательных колониях отбывали наказание в виде лишения свободы около 1700 несовершеннолетних, в 2017 г. – около 1500. В 2016 г. освобождены условно-досрочно от дальнейшего отбывания наказания 295 несовершеннолетних осужденных, в 2017 г. – 324. УК РФ предусматривает льготные основания досрочного освобождения (ст. 93) по сравнению со взрослыми (ст. 79). Согласно ст. 93 УК РФ условно-досрочное освобождение от отбывания наказания к несовершеннолетним, совершившим преступление, может быть применено после фактического отбытия ими:

- не менее одной трети срока наказания, назначенного судом за преступление небольшой или средней тяжести либо за тяжкое преступление;
- не менее двух третей срока наказания, назначенного судом за особо тяжкое преступление.

Условно-досрочному освобождению из воспитательных колоний подлежат осужденные, которые совершили преступления в несовершеннолетнем возрасте. Кроме того, им назначено наказание – лишение свободы, и судом установлено, что они вступили на путь исправления и не нуждаются в полном отбывании наказания в условиях изоляции от общества.

Хотя суды соблюдают в целом положение об условно-досрочном освобождении несовершеннолетних, все же встречаются случаи нарушения положений нормы. Например, согласно архиву Ангарского суда за 2018 г., апелляционным определением Иркутского областного суда от 7 июня 2013 г. отменено постановление Ангарского городского суда от 23 января 2013 г. в отношении З. Отказ в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении суд первой инстанции мотивировал тем, что З., осужденный за тяжкое преступление, не отбыл предусмотренную п. «б» ч. 3 ст. 79 УК РФ половину срока. Однако суд не учел, что преступление З. совершено в несовершеннолетнем возрасте, поэтому согласно п. «а» ст. 93 УК РФ условно-досрочное освобождение возможно после отбытия одной трети срока наказания.

Несовершеннолетний, выйдя на свободу, не имея средств к существованию и помощи в трудоустройстве, больше чем взрослый расположен к совершению нового преступления. Так, по данным МВД России по Республике Бурятия, значительное количество лиц, освобожденных из мест лишения свободы, утратило связи с семьей, не имеет средств к существованию, нуждается в бытовом и трудовом устройстве.

Указанные выше положения не предусмотрены в законе, и суды не могут их считать основанием для отказа в условно-досрочном освобождении. Вместе с тем встречаются случаи, когда суды в своих решениях, отказывая в условно-досрочном освобождении, ссылаются на отсутствие средств к существованию или утрату общественно полезных связей. Так, согласно архиву Ангарского суда за 2017 г., в постановлении Ангарского городского суда от 14 ноября 2017 г. суд принял во внимание, что после освобождения несовершеннолетний П. «намерен проживать с матерью, где жилищно-бытовые условия семьи неудовлетворительные, мать не работает». На основании этого П. было отказано в условно-досрочном освобождении.

Решая освободить несовершеннолетнего осужденного или отказать ему в условно-досрочном освобождении, суды учитывают обстоятельства, свидетельствующие об исправлении осужденного, в частности, его отношение к учебе, взаимоотношение с родственниками в период отбывания наказания и др. Например, 26 февраля 2013 г. районным судом г. Санкт-Петербурга без удовлетворения оставлено ходатайство об условно-досрочном освобождении несовершеннолетнего осужденного К. По месту учебы К. характеризовался отрицательно. Кроме того, К. требовал постоянного контроля со стороны взрослых. Осужденный К. прошел обучение профессиональным навыкам работы, однако прилежания к работе не имел и освоил только простейшие виды операций (см.: Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 апреля 2014 г.).

В настоящее время на лицо, досрочно освобожденное от отбывания наказания под условием, могут быть возложены определенные обязанности. Так, согласно постановлению Ангарского городского суда от 11 мая 2018 г. несовершеннолетний М. обязан после условно-досрочного освобождения выполнить ряд обязанностей: встать на учет в специализированный государственный орган, осуществляющий исправление осужденных; не менять постоянного места жительства без уведомления указанного органа; находиться по месту жительства в ночное время; продолжить обучение.

Согласно ст. 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) условно-досрочное освобождение может применяться только по ходатайству самого осужденного (законного представителя). В связи с этим возникает вопрос: требуется ли согласие несовершеннолетнего осужденного на возбуждение ходатайства об условно-досрочном освобождении? Статья 12 Конвенции о правах ребенка 1990 г. и ст. 57 Семейного кодекса Российской Федерации предусматривают право ребенка свободно выражать свое мнение.

По данному вопросу имеются различные точки зрения. В частности, по мнению И. М. Усманова, ходатайство об условно-досрочном освобождении может возбуждаться родителями, лицами, их заменяющими, адвокатами только с согласия несовершеннолетнего. Он предлагает дополнить п. 2 ч. 2 ст. 399 УПК РФ положением, согласно которому решение вопроса об условно-досрочном освобождении несовершеннолетнего рассматривается судом только при наличии его ходатайства или с его согласия [1, с. 23–27].

Вместе с тем, поскольку несовершеннолетние в силу возраста больше подвержены влиянию, они могут отказаться от условно-досрочного из-за страха перед криминально настроенными несовершеннолетними осужденными или из-за ложных понятий товарищества. Так, по данным архива УФСИН России по Республике Бурятия за 2009 г., совершившие в несовершеннолетнем возрасте преступления А., Б. и Д. отказались от условно-досрочного освобождения, ссылаясь в суде на то, что придерживаются идей уголовного мира, которые намереваются распространять среди несовершеннолетних. По достижении 18 лет в соответствии со ст. 140 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации они были переведены в исправительные колонии общего режима.

Нерешенным остается также вопрос о законном представителе, который имеет право ходатайствовать об условно-досрочном освобождении несовершеннолетнего в случаях, если он являлся воспитанником детского дома. По мнению И. М. Усманова, в ст. 93 УК РФ необходимо внести изменение, согласно которому законным представителем несовершеннолетнего может быть комиссия по делам несовершеннолетних [1, с. 23–27].

На наш взгляд, данное предложение актуально, поскольку в настоящее время на практике нередки случаи, когда законным представителем выступают сотрудники воспитательных колоний, например, согласно постановлениям об условно-досрочном освобождении Ангарского городского суда в отношении М. от 11 мая 2018 г.; П. от 28 сентября 2017 г.; Х. от 14 ноября 2017 г.; П. от 14 ноября 2017 г. На законодательном уровне до сих пор не определен специализированный государственный орган по осуществлению контроля за условно-досрочно освобожденными, хотя суды практически всегда при удовлетворении ходатайства возлагают обязанность встать на учет в специализированном органе, указанном в законе, и не менять постоянного места жительства без уведомления этого органа. Фактически такого органа не существует. В связи с этим контроль не осуществляется. Отменить условно-досрочное освобождение при нарушении условий его применения также невозможно. Находясь без контроля, несовершеннолетние совершают новые преступления.

Следует обратить внимание также на то, что суды при решении вопроса о досрочном освобождении больше учитывают поведение осужденного в период нахождения в условиях круглосуточного контроля со стороны администрации колонии. В решениях не всегда есть данные, в какое окружение он попадет после освобождения, есть ли семья, родственники, продолжит ли учебу, есть ли возможность трудоустройства. Эти факторы необходимо учитывать, поскольку отсутствие социально полезных связей и заработка являются основными причинами совершения несовершеннолетними новых преступлений.

В условиях актуальности изучаемой проблематики и либерализации уголовно-правовой политики в отношении несовершеннолетних в российском уголовном законодательстве необходима разработка специализированных программ по ресоциализации бывших осужденных, использование которых приведет к снижению количества правонарушений, совершаемых ими, в том числе повторных [2, с. 14–17; 3, с. 57–63].

Библиографический список

1. Усманов И. М. Условно-досрочное освобождение несовершеннолетних осужденных к лишению свободы // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 3. № 1(5). С. 23–27.
2. Кашуба Ю. А., Скиба А. П. Институт условно-досрочного освобождения: новый взгляд // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1. С. 14–17.
3. Значение условного осуждения и условно-досрочного освобождения для достижения целей наказания / Т. И. Эрхитуева [и др.] // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26(1–4). № 1. С. 57–63.

УДК 343.97

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.243-248

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ СМИРНОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
ORSID 0000-0003-4779-4971,
researcher ID M-8979-2018,
e-mail: vipnauka@list.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФЕНОМЕНА «ОПРАВДАНИЕ ЗЛА»

Для цитирования

Смирнов, А. М. Криминологические проблемы феномена «оправдание зла» / А. М. Смирнов // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 2. – С. 243–248. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.243-248.

Аннотация. В статье актуализируется проблема распространения в Российском государстве и обществе феномена «оправдание зла», который заключается в оправдании, выдаче за благо различных деяний (принимаемых мер), целиком или отчасти содержащих в себе элементы зла. По мнению лиц, оправдывающих зло, совершаемые ими действия, направленные на это оправдание, имеют гуманный характер, содержат в себе религиозную составляющую или же предопределены соображениями достижения социальной справедливости. Рассматриваемый феномен находит свою реализацию в характере реагирования государства на совершаемые преступления, определяемом его уголовной политикой и отраженном в положениях Уголовного кодекса Российской Федерации; объяснении лицами, признаваемыми или признанными виновными в совершении общественно опасных деяний, мотивов осуществления этих деяний, основанных на содержании религиозных текстов; мотивировании самостоятельного реагирования граждан во внесудебном порядке на лиц, виновных, по их мнению, в причинении вреда или ведении антисоциального (аморального) образа жизни, осуществляемого посредством совершения преступных деяний в отношении этих лиц. Феномен «оправдание зла» является для нашей страны довольно серьезной криминологической проблемой, поскольку он имеет весьма опасные последствия в виде распространения в обществе социальной агрессии, роста преступности (в первую очередь насильственной) или сохранения ее на достаточно высоком уровне, деградации цивилизованных основ функционирования общественных отношений, снижения культурного и нравственного развития российского общества, возвращения к первобытным механизмам регулирования социальных процессов. Именно поэтому

© Смирнов А. М., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

необходима выработка адекватных мер по недопущению развития рассматриваемого феномена в российском обществе, направленных на повышение культурного и нравственного уровня развития российского общества, снижение темпов гуманизации отечественной уголовной политики, совершенствование практики реагирования на преступность, приведение ее в соответствие с социальными ожиданиями.

Ключевые слова: оправдание зла, малозначительное деяние, возраст уголовной ответственности, невменяемость, обстоятельства, исключающие преступность деяния, преступность несовершеннолетних, самосуд.

Государство и общество на всем протяжении своего развития, в том числе в современный период жизнедеятельности, отличались противоречивостью происходящих внутри их процессов. Даже те из них, которые, по мнению большинства представителей общества, и особенно господствующих классов и власти, были направлены на обеспечение государственной и общественной безопасности, социальной стабильности и подконтрольности существующих общественных отношений, не всегда носили однозначно позитивный характер. Иногда они заключали в себе проявление зла в отношении отдельных групп граждан или общества в целом. Именно поэтому это зло приходилось как-то оправдывать.

Как известно, зло выступает одной из измерительных категорий морали и нравственности. Представляя собой онтологическую противоположность добра, оно выражает все негативное и отрицательное в социальной жизнедеятельности. Эта категория используется для характеристики негативных моментов в жизни человека, общества и государства, таких как различные беды и горести, причиненные утраты и страдания, нанесенный ущерб или вред [1, с. 105; 2, с. 85].

С семантической точки зрения зло представляет собой что-то вредное, греховное, дурное, связанное с наступившим несчастьем или бедой [3, с. 278]. Оно является наиболее общим выражением каких-либо негативных сторон жизни общества, определяя то, что необходимо и целесообразно искоренить или подвергнуть ограничению. Эта категория олицетворяет собой все, что оказывает деструктивное воздействие на личность в ее общественных и физиологических проявлениях [4, с. 190]. В связи с этим оно используется для характеристик всего того, что достойно негативного восприятия или осуждения с моральной и нравственной точек зрения.

Как известно, социальные процессы – категория не статичная. Динамика развития человечества характеризуется различными изменениями в общественных отношениях в качественном и количественном эквиваленте. Вследствие роста интеллектуального уровня населения и развития научно-технического прогресса данные отношения предельно усложнились в XX в., что послужило причиной общего социально-культурного кризиса, поставившего под сомнение парадигму однозначного восприятия онтологической сущности зла. Категоричность в понимании этой морально-нравственной категории еще более «пошатнулась» в силу формирующихся процессов секуляризации религиозной жизни, приведших к ее обособлению от государственной, получивших свою предельно допустимую дистанцированность в демократических правовых государствах.

Указанные процессы заложили фундаментальную основу распространения в мире весьма негативного феномена, который мы называем «оправдание зла».

Оправдание с семантической точки зрения означает признание верным, справедливым, поступившим правильно, заслуживающим снисходительного отношения, не содержащим вины и, как следствие, не заслуживающим наказания, при определенных ситуациях возможным или допустимым для осуществления [3, с. 605]. Исходя из этого сущность феномена «оправдание зла» заключается в оправдании, выдаче за благо различных деяний (принимаемых мер), целиком или отчасти содержащих в себе элементы зла.

Анализ процессов, происходящих в современном Российском государстве и обществе, позволяет сделать вывод о том, что подобный феномен свойствен им. В статье мы уделим внимание отражению этого феномена в уголовно-правовых и уголовно-исполнительных отношениях, что имеет серьезную криминологическую составляющую, поскольку это напрямую влияет на количественные и качественные показатели распространения преступности в стране. В частности, это способствует росту преступности несовершеннолетних, которые в настоящее время благодаря научно-техническому прогрессу и развитию информационных технологий являются значительно более развитыми, чем, например, несовершеннолетние советской эпохи развития российской государственности, на основании изучения возрастных характеристик которых определялся минимальный возраст привлечения к уголовной ответственности, шаблонно воспринятый создателями Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Значительное число современных российских несовершеннолетних осведомлены о характере своей безнаказанности в случае совершения общественно опасных деяний (например, 26,3 % несовершеннолетних (n = 428), принявших участие в нашем опросе, проведенном на платформе социальной сети «ВКонтакте», указали на то, что им известен возраст привлечения к уголовной ответственности, информацию о котором они получили от сверстников, взрослых или сами узнали об этом). Привыкая к безнаказанности, несовершеннолетние продолжают совершать преступления, достигнув возраста привлечения к уголовной ответственности. Так, 7 % несовершеннолетних осужденных, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, знали, что находятся в возрасте, не предполагающем привлечения к уголовной ответственности за эти преступные деяния [5, с. 67].

В рамках указанных отношений нами отмечено, что феномен «оправдание зла» находит свою реализацию:

- в характере реагирования государства на совершаемые преступления, определяемом его уголовной политикой и отраженном в положениях УК РФ;
- объяснении лицами, признаваемыми или признанными виновными в совершении общественно опасных деяний, мотивов осуществления этих деяний, основанных на содержании религиозных текстов;
- мотивировании самостоятельного реагирования граждан во внесудебном порядке на лиц, виновных, по их мнению, в причинении вреда или ведении антисоциального (аморального) образа жизни, осуществляемого посредством совершения преступных деяний в отношении этих лиц.

Главным проявлением зла в сфере уголовно-правовых отношений выступает, безусловно, преступное деяние. Следует отметить, что в данном случае мы рассматриваем это деяние не как формально-юридическую, а как философско-социальную категорию, выступающую по своей содержательной сути злом как проявлением чего-то негативного независимо от того, при каких обстоятельствах, кем и в отношении кого оно было реализовано.

Анализ содержания характера реагирования современного Российского государства на совершаемые преступления позволил нам сделать вывод о том, что он включает в себя элементы оправдания зла, которые проявляются в ряде субъективных и ситуационных обстоятельств.

На наш взгляд, к субъективным обстоятельствам проявления оправдания зла следует отнести оправдание общественно опасных деяний, совершенных некоторыми лицами, и нормативную регламентацию этих оправданий в виде условий непривлечения данных лиц к уголовной ответственности.

Лиц, подобные злодеяния которых оправдываются государством, можно разделить на две группы:

1) лица, которым законодательно разрешено вершить зло в любых пределах, в связи с тем что они не являются субъектами никаких преступных деяний, регламентированных в Особенной части УК РФ. К ним следует отнести:

– лиц, не достигших 14-летнего возраста (например, 13-летний ребенок совершил зло – убил человека, но вершение им этого зла оправдывается его возрастом, в котором, по мнению государства, он еще не осознает полностью содержания и характера своих действий и их последствий);

– невменяемых лиц (ст. 21 УК РФ) (общественно опасные злодеяния этих лиц оправдываются их неспособностью осознавать характер и общественную опасность совершаемых действий и руководить ими);

2) лица, которым законодательно разрешено творить зло в ограниченных пределах (субсидиарно) при следовании изложенным в уголовном законе условиям, нарушение которых обуславливает необходимость публичного реагирования на них в виде наказания (покарания), в частности:

– лица, достигшие 14-летнего возраста, поскольку они уже могут являться субъектами некоторых преступлений, перечисленных в ч. 2 ст. 20 УК РФ (убийство, совершенное 14-летним ребенком уже не может быть оправдано, однако совершенное им хулиганство без отягчающих обстоятельств оправдывается);

– несовершеннолетние лица, которые хотя де-юре достигли возраста привлечения к уголовной ответственности, но в силу своего психического развития, не связанного с психическим расстройством, де-факто не соответствуют этому возрасту (ч. 3 ст. 20 УК РФ).

Ситуационные обстоятельства оправдания зла базируются на непризнании государством формально злыми деяний, которые по сути таковыми все равно остаются при их совершении в определенных условиях.

По нашему мнению, к этим условиям относятся:

– оправдание лица при совершении им малозначительного общественно опасного деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ);

– оправдание лица при совершении преступного деяния (ст. 28 УК РФ);

– непризнание злом деяний, совершенных в условиях обстоятельств, включающих преступность деяния (гл. 8 УК РФ) (в рамках этих обстоятельств лицо совершает зло, но государство его таковым не считает (не признает преступным) в силу его социальной полезности и целесообразности, а также необходимости самостоятельного пресечения лицом совершаемого в его отношении зла на месте).

Общение с лицами, признаваемыми или признанными виновными в совершении общественно опасных деяний, на предмет выявления мотивов осуществления ими этих деяний позволило нам сделать вывод о том, что некоторые из них оправдывают их совершение божественным «указанием свыше», которому, будучи верующими и религи-

озными людьми, они не вправе потворствовать. В связи с этим по не зависящим от них обстоятельствам они становились своеобразными «всадниками воинства Божьего» на земле. По их мнению, преступное деяние, совершенное ими, является не чем иным, как карой для лиц, когда-то в чем-то согрешивших или ставших представителями иной веры, а они, будучи ведомыми «божественной волей», по сути, ни в чем не виноваты и даже в чем-то правы. Обратившись к религиозным текстам двух наиболее распространенных в России религий – православию (как ответвлению христианства) и исламу, мы обнаружим буквально следующее.

В текстах, отражающих природу христианской религии, есть указание на «небесное воинство» или «воинство Божье» (Втор. 4:19), представителям которого предписывается карать смертью тех, кто «...пойдет и станет служить иным богам» (Втор. 17:2-5). При этом в Новом Завете евангелист Лука указывает на то, что «и внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» (Лк. 2:13). Во втором Послании к Фессалоникийцам сказано, что «явление Господа Иисуса с неба, с Ангелами силы Его, в пламенеющем огне совершающего отмщение не познавшим Бога...» (2 Фес. 1:7–8). Как следует из священных писаний, предводителю «воинства Божьего» поклонился и сам Иисус как своему господину: «Иисус, находясь близ Иерихона, взглянул, и видит, и вот стоит пред ним человек, и в руке его обнаженный меч. Иисус подошел к нему и сказал ему: наш ли ты, или из неприятелей наших? Он сказал: нет; я вождь воинства Господня, теперь пришел [сюда]. Иисус пал лицом своим на землю, и поклонился, и сказал ему: что господин мой скажет рабу своему?» (Нав. 5:13–15). Это было связано с тем, что единственным создателем «воинства Божьего» является сам создатель Господь Бог (Быт. 2:1, Пс. 2:6).

Аналогичное мы находим и при изучении положений ислама, ибо Коран содержит в себе предписания вести войну с многобожниками, с неверными, всячески истреблять их, захватывать их имущество [6, с. 287]. В частности, в нем сказано: «О те, которые уверовали! Вам предписано возмездие за убитых: свободный – за свободного, раб – за раба, женщина – за женщину (2:178). Возмездие спасает вам жизнь, о обладатели разума!» (2:179). Несмотря на то что Коран в целом осуждает убийство, тем не менее он запрещает убивать мусульманина за убийство неверного [7, с. 152].

Таким образом, православие (христианство) и ислам содержат в себе предписания, направленные на защиту веры и покарание неверных ей, к которым, безусловно, относятся и грешники. Все эти действия подкреплены религиозными оправдательными индульгенциями и потому не являются греховными.

Современное общество характеризуется различного рода социальными проблемами и противоречиями, решить которые государству по различным причинам не всегда удастся. Наибольшие сложности возникают в сфере обеспечения безопасности личности на фоне изменения структуры преступности, ее качественных и количественных характеристик, появления новых видов криминальной деятельности.

В связи с тем что государство не всегда способно обеспечить безопасность личности на должном уровне, в современном мире, в том числе и в России, наблюдается активизация самоорганизации отдельных представителей общества в форме самостоятельного (без обращения в правоохранительные органы, то есть во внесудебном порядке) реагирования на причинителей вреда и лиц, ведущих, по их мнению, аморальный, асоциальный образ жизни, учиняя тем самым самосуд над ними. Характер наказаний для этих лиц данные представители общества выбирают по своему усмотрению, чаще всего совершая их криминальными способами.

Субъекты подобных самосудных расправ стремятся оправдать их совершение благими намерениями, в частности мотивируя необходимостью достижения социальной справедливости, что обеспечивает «живучесть» деятельности таких субъектов в обществе, одобрение ее со стороны обычных граждан. Вызывает опасение то обстоятельство, что в члены этих групп достаточно легко рекрутируются несовершеннолетние, которые начинают подражать их деятельности [8, с. 71], имеющей высокую степень латентности, поскольку их жертвы практически никогда не сообщают о случившемся в правоохранительные органы. По сути, проводимые этими субъектами «санитарные» меры по «очищению» общества от всего, по их мнению, негативного являются не чем иным, как «камуфляжем» для реализации своих хулиганских, садистских, фашистских наклонностей. Среди широко известных представителей реализации подобных мер можно назвать М. С. Марцинкевича по кличке Тесак, представителей группировки «Приморские партизаны» и т. п.

Перечисленные формы проявления феномена «оправдание зла» являются для нашей страны довольно серьезной криминологической проблемой, поскольку имеют весьма опасные последствия в виде распространения в обществе социальной агрессии, роста преступности (в первую очередь насильственной) или сохранения ее на достаточно высоком уровне, деградации цивилизованных основ функционирования общественных отношений, снижения культурного и нравственного развития российского общества, возвращения к первобытным механизмам регулирования социальных процессов. Именно поэтому необходима выработка адекватных мер по недопущению развития рассматриваемого феномена в российском обществе, направленных:

- на повышение культурного и нравственного уровня развития российского общества;
- снижение темпов гуманизации отечественной уголовной политики, приведение содержания этой политики (а также уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной) в соответствие с уровнем культурного, нравственного и интеллектуального развития граждан России;
- проведение разъяснительной работы со служителями религиозных культов, чтобы они препятствовали распространению среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных убежденности в «божественном благословении» совершенных ими преступных деяний;
- совершенствование практики реагирования на преступность, приведение ее в соответствие с социальными ожиданиями;
- повышение авторитета правоохранительных органов среди населения как государственного института, способного эффективно бороться с преступностью в стране.

Библиографический список

1. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев [и др.]. М., 1983. 840 с.
2. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. М., 2003. 576 с.
3. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2005. 1216 с.
4. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. 719 с.
5. Смирнов А. М. Половая преступность несовершеннолетних. М., 2015. 416 с.
6. Религия в истории народов мира / под ред. С. А. Токарева. М., 1986. 576 с.
7. Кулиев Э. Р. Коран. Перевод смыслов и комментарии. М., 2014. 816 с.
8. Лебедев С. Я., Валув М. В. Преступное насилие под знаменем социальной справедливости: криминологическая оценка групповых преступлений, совершаемых современными «санитарами» общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 14. С. 70–74.

УДК 343.847

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.249-258

ОЛЕСЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА ВОЛОТКЕВИЧ,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: ovolotkevich@bk.ru

ВРЕМЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛИЧНОСТИ: ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Для цитирования

Волоткевич, О. В. Временное пространство личности: временная перспектива несовершеннолетних осужденных без лишения свободы / О. В. Волоткевич // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 2. – С. 249–258. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.249-258.

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию проблемных вопросов, касающихся феномена «временная перспектива» на примере несовершеннолетних осужденных без лишения свободы. Цель статьи – уточнение содержания понятия «временная перспектива» на основе анализа различных теорий и определения ведущей временной перспективы у указанной группы осужденных. Временная перспектива является отражением установок, убеждений и ценностей человека, связанных со временем. Существует определенная связь между компонентами личностной организации времени человека и его поведением. Изучение данного понятия вскрывает противоречие психологического знания и психологической науки между ценностно-гуманистическими и объективно-сциентистскими характеристиками психики и личности, а также методами их исследований. Возникла необходимость в более объективном и глубоком изучении структуры организации и измерении времени. Время личности и способ его организации должны соответствовать общественно необходимым требованиям, бесполезная или неправильная трата времени становится источником эмоционального дистресса. Временная перспектива является фундаментом ценностно-мотивационной сферы личности, взаимосвязана с опережающим отражением и процессами антиципации. Различают шесть временных зон: две относятся к прошлому, две – к настоящему и две – к будущему. Каждый человек смотрит на мир сквозь очки своей временной перспективы. Исследования, проводившиеся в русле данной парадигмы, направлены на выявление и изучение феномена временной перспективы личности несовершеннолетних осужденных без лишения свободы. Данные, полученные в ходе

© Волоткевич О. В., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

исследования, необходимы для регуляции отношения подростков к преобладающей временной перспективе. Грамотная работа специалистов в этом направлении способна оказывать положительное влияние на профилактику противоправного поведения несовершеннолетних осужденных без лишения свободы. Полученные результаты также могут использоваться для разработки психокоррекционной программы, направленной на ресоциализацию этой группы осужденных и ориентацию на будущее при помощи работы с прошлым, настоящим и представлениями о будущем. Изменив отношение несовершеннолетних, осужденных без изоляции от общества, ко времени можно избавить их от утомительных мыслей, обременительных действий и помочь им найти более конструктивные жизненные пути.

Ключевые слова: антиципация, временное пространство личности, временная перспектива, время, теории временной перспективы, опережающее отражение, прогнозирование, несовершеннолетние осужденные.

В современном мире особое внимание уделяется изучению психологических феноменов, связанных с отношением человека ко времени. Рассуждая о времени, мы обычно соотносим его с понятием «жизнь». Отсюда появляется феномен жизненного времени, под которым мы понимаем протяженность человеческого существования, измеряемую количеством лет, месяцев, дней, часов, минут и секунд, отведенных человеку для реализации своих задач и целей [1, с. 79]. Временное пространство личности является звеном самосознания человека, представленного в виде прошлого, настоящего и будущего на каждом отрезке жизненного пути. Мотивируя или обесценивая деятельность, оно помогает объективно оценивать себя и адекватно реагировать на свой индивидуальный путь. Образы прошлого, настоящего и будущего взаимосвязаны и могут изменять интерпретацию друг друга и отношение личности к происходившим, происходящим и предстоящим событиям, являющимся основными компонентами карты жизненного пути человека.

Наиболее важные вопросы, касающиеся категорий времени в психологии, связаны с временными представлениями личности, способами организации времени, возможностью коррекции отношения ко времени жизни. Умение представлять себя во времени помогает человеку анализировать и давать оценку событиям прошлого, извлекая из них необходимый опыт, раскрывать смысл настоящего, строить планы на будущее в соответствии с прошлым и настоящим. Если данное соотношение вызывает отрицательные эмоции, происходит переоценка прежних ценностей и выработка новых. От отношения человека к своим прошлому, настоящему и будущему зависит его самоотношение, а следовательно, и жизненные установки и мировоззрение. Умение адекватно соотносить свои действия с прошлым опытом, используя его в настоящем и для планирования будущего, является перспективной позицией для развития полноценной личности. Данная позиция дает возможность понять ценность человеческой жизни во всех временах.

Каждому человеку присуща довольно стабильная индивидуальная тенденция акцентировать ту или иную временную рамку и, таким образом, вырабатывать стойкое временное предубеждение, то есть одни более ориентированы на будущее, вторые – на настоящее, третьи – на прошлое. Следовательно, мы можем говорить о том, что человеческая деятельность обусловлена не только прошлым, но и представлениями

о будущем, так называемом опережающем отражении. Представления о будущем влияют на поведение человека в настоящем. Все временные отрезки являются психологически сконструированными состояниями. Будущее вмещает в себя наши надежды, ожидания, страхи, и оно является основой для наших успехов в повседневном потоке времени. Ориентированные на будущее люди рассматривают прошлое в качестве хранилища ошибок, которые возможно исправить, и достижений, которыми возможно гордиться. В этом хранилище нет места для мимолетных импульсов и желаний настоящего. Ожидания и идеалы будущего в определенной степени предопределяют происходящее в настоящем. Человеческий мозг может заглянуть в будущее для предсказания результатов поведения, а также способен вернуться в прошлое, чтобы извлечь приобретенный ранее опыт.

Труды, посвященные изучению психологического времени, раскрывают много терминов, описывающих в определенной степени представления человека о времени своей жизни. Наиболее распространенным в различных теориях временной организации жизненного пути является понятие «перспектива», раскрывающее широту видения, протяженность и динамику представлений человеком своей жизни.

Краткий обзор понятия

Вопрос о временной перспективе личности, являясь маргинальным, рассматривается в различных отраслях психологии: возрастной (Л. И. Божович, Н. Н. Толстых), социальной (А. К. Болотова, К. Левин, К. Муздыбаев), педагогической (М. Р. Гинзбург, И. В. Дубровина), клинической (Н. Н. Брагина, В. С. Хомик, К. Ясперс) и др. Представления о преобладании одного из времен или временной ориентации (фиксации на прошлом, будущем или настоящем) в восприятии и переживании жизни человеком нашли свое отражение в типологии стилей жизни (В. Н. Дружинин), в связи с особенностями личности (Ф. Зимбардо, Д. А. Леонтьев, И. А. Спиридонова, А. В. Серый), его жизненными программами и биографическими кризисами (К. А. Абульханова-Славская, Р. А. Ахмерова). На сегодняшний день феномен «временная перспектива» рассматривается в учет проблем психологической безопасности личности (Т. М. Краснянская, А. С. Ковдра, В. Г. Тылец) и изучается в связи с социокультурными и половозрастными факторами, определяясь как источник самоопределения и нахождения жизненного смысла и компонент личностной регуляции жизненного пути [2].

Впервые понятие временной перспективы использовал в своей статье Л. К. Франк в 1939 г. в рамках описания жизненного пространства личности [3]. Далее исследования феномена «временная перспектива» в процессе становления личности осуществлялись во многих психологических школах и направлениях. В настоящее время существует множество подходов к изучению роли и значимости влияния времени на личность. В одних внимание акцентируется на доминировании определенной временной ориентации, в других – на эмоциональной валентности прошлого или будущего, в третьих – на непрерывности между прошлым, настоящим и будущим и т. д.

По мнению Г. Эленберга, искажение чувства времени ведет к искажению смысла жизни [4, с. 201]. Э. Эриксон в своей книге «Детство и общество» указывал на то, что психосоциальный кризис человека возникает из-за «диффузного» переживания времени, при котором он не может нормально ориентироваться в жизни, адекватно воспринимать настоящее, осознавать прошлое и думать о будущем [5].

Согласно утверждению С. Л. Рубинштейна, «всякая временная локализация требует умения оперировать временной схемой или «системой координат», выходящей за пределы переживания» [6, с. 81–83].

К. Левин определял временную перспективу как «целостность видения человеком своего психологического будущего и психологического прошлого в данное время», подчеркивая, что поведение и психическое состояние человека нередко зависит от его надежд и воспоминаний, чем от текущей ситуации «здесь и теперь» [7].

В своих трудах Ж. Нюттен рассматривал временную перспективу как мотивационное образование, акцентируя внимание на будущем, которое представляло потребностно-мотивационную сферу личности [8]. По его мнению, во временную перспективу включены намерения, задачи, планы, цели личности, представляющие ее потребности и мотивы и учитывающие временной порядок ожидаемых событий. Временная перспектива задается локализованными во времени объектами, которые играют роль детерминант, регулирующих поведение.

Т. Коттл связывал будущее во временной перспективе со способностью соотносить свои действия со сравнительно отдаленными будущими событиями и действовать в настоящем [9].

В свою очередь, К. А. Абульханова-Славская уделяла особое внимание изучению отношения человека ко времени. Она определяла время как цикл нашей жизни, ее длительность, ритм, периоды, которые имеют разное значение и смысл для личности. По ее мнению, существует связь между организацией времени личности и личностью, а временная перспектива – это когнитивная способность прогнозировать будущее и целостная готовность к нему в настоящем [10, с. 283].

Ф. Зимбардо определяет временную перспективу как фундамент, на котором базируются другие процессы, например, постановка целей, достижение, рисковое поведение, поиск новых ощущений, различные зависимости, переживание вины, и обозначает аспекты отношения к временным зонам. Отношение к прошлому может быть как положительным (прошлые опыт и времена видятся приятными, через розовые очки), так и негативным (оно видится неприятным и вызывающим отвращение). Автор также выделяет два аспекта отношения к настоящему: гедонистический – когда ценится наслаждение настоящим моментом, без сожаления о дальнейших последствиях поведения и совершенных поступков и фаталистический – когда люди подчиняются судьбе, считая изменения невозможными. По отношению к будущему применяется только один аспект – общая ориентация на будущее, характеризующаяся определенными целями и планами, а также деятельностью, направленной на их осуществление. Временная перспектива рассматривается, с одной стороны, как ситуационно-детерминированный, а с другой – как относительно стабильный процесс, то есть как черта личности. Более выраженная концентрация на одном из времен определяется культурными, образовательными, религиозными факторами, принадлежностью к социальному классу и др. Временная перспектива – это способ деления жизни на временные зоны, являющийся существенным компонентом образа Я человека. Различают шесть временных зон: две относятся к прошлому, две – к настоящему и две – к будущему. Каждый человек смотрит на мир сквозь очки своей временной перспективы. Однако не у многих людей выражена только одна временная перспектива, обычно это совокупность временных перспектив, показывающая отношение человека ко времени. Временная перспектива, являясь часто неосознанным отношением человека ко времени, объединяя длительный поток существования в различные категории времени, способствует структурированию жизни и придает ей смысл. Осознать то, что называют смыслом жизни, нельзя независимо от чувства переживаемого времени, так как именно ощущение времени жизни говорит о наличии смысла в ней. Способность структурировать временные аспекты субъективной реальности указывает на целостность самой личности.

По мнению Ф. Зимбардо и Дж. Бойда, существует гибкая временная перспектива, которая позволяет выбирать подходящую временную ориентацию для каждой конкретной ситуации. Ее профилем является: высокий уровень временной перспективы «Позитивное прошлое»; умеренно высокий уровень временной перспективы «Будущее», умеренно высокий уровень временной перспективы «Гедонистическое настоящее»; низкий уровень временной перспективы «Негативное прошлое»; низкий уровень временной перспективы «Фаталистическое настоящее» [11].

Таким образом, на основе анализа литературы выявлено, что, несмотря на имеющиеся различия в методологии исследования данного понятия, позиции многих авторов сходятся в понимании прошлого, настоящего и будущего как структурного целого. Временная перспектива должна рассматриваться в качестве обобщенного видения человеком событий собственной жизни, представления их в определенной временной последовательности и изучаться в совокупности когнитивного, эмоционального и регулятивного компонентов.

При рассмотрении параметров изучения временной перспективы выделяют временные рамки различных периодов жизни и отношение к ним человека, структуру и содержание временных представлений и взаимосвязи между периодами жизни и происходящими в них событиями.

Методики и результаты

В соответствии с Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» на уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) ФСИН России в пределах своей компетенции возложены функции по контролю за поведением несовершеннолетних осужденных и проведению с ними индивидуально-профилактической работы.

Согласно действующим ведомственным нормативно-правовым актам при постановке несовершеннолетних осужденных без лишения свободы на профилактический учет в УИИ психологи должны проводить диагностические обследования, охватывающие 100 % подростков. Методический инструментарий, применяемый ими в работе по обследованию данной категории лиц, жестко не регламентирован. При выборе необходимого психологического инструментария для осуществления инспекторами УИИ не только количественного, но и качественного обследования данных лиц необходимо учитывать поведенческие основы рассматриваемого возраста. Для несовершеннолетних осужденных наиболее характерны такие явления, как психологическая ломка переходного возраста, несформированность устойчивых нравственных позиций, неправильная трактовка многих явлений, высокая подверженность групповым воздействиям, повышенная конфликтность, особенно в отношениях с взрослыми, родителями, учителями, импульсивность, изменение всей системы отношений к обществу. Будущее для них похоже на прошлое, и другой жизни они не предвидят. Теряются два временных состояния: настоящее и будущее. Несовершеннолетний живет в основном только прошлым из-за отрицательной силы глобальной психологической травмы, которая охватывает всю личность.

Проведенное нами исследование посвящено проблеме психологических особенностей временной перспективы у несовершеннолетних осужденных без лишения свободы. Его актуальность обусловлена очевидной зависимостью условий времени, в котором живет человек, от построения модели собственного будущего и необходимостью оказания психологической помощи в выстраивании жизнедеятельности с учетом собственных ему личностных особенностей восприятия времени, поскольку временная

перспектива оказывает огромное влияние на развитие личности, ее жизненные приоритеты и деятельность.

При проведении экспериментального исследования самосознания личности, находящейся в условиях пространственно-временной депривации среди условно осужденных лиц, в аспекте диагностики временной перспективы и смысложизненных ориентаций. Нами использовались данные предварительно проведенного комплексного исследования, направленного на изучение особенностей временной перспективы, при помощи опросника Ф. Зимбардо (Zimbardo Time Perspective Inventory, ZTPI) и теста Д. А. Леонтьева «Смысложизненные ориентации» (далее – тест СЖО), а также материалы, полученные в ходе биографического опроса репрезентативной выборки несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете в Люберецком межмуниципальном филиале ФКУ УИИ УФСИН России по Московской области в период с января по май 2018 г.

На этапе экспериментально-психологического исследования выборку составили 25 несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказания уголовно-правового характера без лишения свободы. Участие было предложено исключительно на добровольной основе, дополнительные способы мотивирования испытуемых не применялись. Исследование временной перспективы несовершеннолетних осужденных без лишения свободы было построено на предположении, что если группа людей живет в одной временной перспективе, то можно выделить общие индивидуально-психологические особенности их личности, изучить их взгляды на жизнь и скорректировать их поведение и агармоничное отношение к обществу и себе. Таким образом, правильно развитая временная перспектива может служить триггером правопослушного поведения (ресоциализации) несовершеннолетних осужденных без лишения свободы.

Опросник для изучения временной перспективы личности был разработан Ф. Зимбардо совместно с А. Гонзалесом в 1997 г. Данная методика направлена на диагностику системы отношений личности ко времени, а также к самому себе, своему опыту и грядущим перспективам. Изначально авторы выделяли семь временных факторов, количество которых при дальнейшем статистическом анализе было сокращено до пяти. Оригинальная версия опросника состоит из 56 вопросов, ответы распределяются по 5-балльной шкале Ликкерта. Опросник отражает пять шкал:

- фактор восприятия негативного прошлого, выражающий степень неприятия собственного прошлого, вызывающего отвращение, полного боли и разочарований;
- фактор восприятия позитивного прошлого, определяющий степень принятия собственного прошлого;
- фактор восприятия гедонистического настоящего; при этом настоящее видится оторванным от прошлого и будущего, единственная цель – наслаждение;
- фактор восприятия фаталистического настоящего, где настоящее видится независимым от воли личности, изначально predetermined, а личность – подчиненным судьбе;
- степень ориентации на будущее выражает наличие у личности целей и планов на будущее.

Грамотное формирование временной перспективы и адекватного отношения человека ко всем временным зонам способствует поддержанию психологической безопасности личности. Деятельность в этом направлении должна предусматривать повышенную осмысленность жизни, которая позволит воспринимать жизнь полноценно, во всей насыщенности и полноте, а также выстраивать перспективы, совершенствовать рефлексивные качества, которые будут способствовать осознанию собственного вкла-

да в происходящие жизненные события. Необходимо воспитывать качества, повышающие способность к управлению собственной жизнью и усиливающие ответственность за принимаемые решения и их последствия на каждом жизненном этапе – в прошлом, настоящем и будущем.

Анализ эмпирических данных, направленных на изучение временной перспективы несовершеннолетних осужденных без лишения свободы, свидетельствует о том, что большая часть выборки (44 %) относится к фактору восприятия негативного прошлого (рис.).

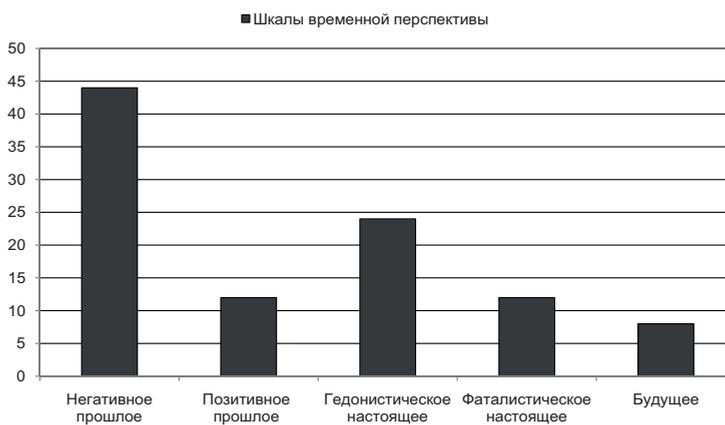

Рис. Сравнительный анализ данных по шкалам методики Ф. Зимбардо «Временная перспектива»

Для данной категории лиц характерно пессимистическое отношение к своему прошлому или неприятие его. Предполагается наличие психологической травмы, сожалений. Такое отношение ко времени может быть из-за реальных неприятных или травматических событий и негативной реконструкции положительных событий. Большинство из опрошенных воспитывались в детских домах или в неполноценных семьях. На вопрос анкеты о взаимоотношениях в семье они либо подчеркивали имеющийся вариант «нейтральные взаимоотношения» – безразличие друг к другу, либо отмечали, что взаимоотношения являются конфликтными. Среди своих вариантов ответа назывались «тяжелые», ставился прочерк или данный вопрос оставался без ответа. С каждым из детей была проведена беседа, изучены их личные дела, опрошены сотрудники инспекции, непосредственно взаимодействующие с этой категорией осужденных. Учитывая полученные данные, отметим, что несовершеннолетние осужденные без лишения свободы часто теряют самообладание, не способны контролировать импульсивные реакции, склонны к обиде, тревоге, депрессии, подозрительности и раздражительности.

В ходе беседы с подростками об их отношении к назначенному им судом альтернативному лишению свободы было установлено, что они не воспринимают условное осуждение как уголовное наказание и не понимают тяжесть содеянного поступка. Их поведение остается агрессивным и развязным, они плохо подчиняются дисциплине, продолжают нарушать общественные нормы, совершая административные правонарушения или повторные преступления, повышая тем самым уровень рецидивной преступности. С большинством из осужденных работа затруднена из-за их безответственности, незаинтересованности в общении и беседах.

Значительная часть несовершеннолетних с данной временной перспективой привлекались по ст. 161 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). У 24 % опрошенных преобладает фактор гедонистического настоящего, которое предполагает ориентацию на удовольствие, наслаждение в настоящем и отсутствие заботы о будущих последствиях. Часто люди с данной наиболее выраженной временной перспективой действуют под влиянием ситуации, надеясь на лучшее и не задумываясь о возможных последствиях. Анализ личных дел и опрос сотрудников показали, что многие из них являлись воспитанниками детских домов либо воспитывались в неполноценных или неблагополучных семьях. В основном это осужденные, привлекавшиеся к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 228, ч. 2 ст. 158 или ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Результаты по шкалам факторов фаталистического настоящего и позитивного прошлого составили по 12 % на каждую из шкал. Фаталистическое настоящее характеризуется беспомощным и безнадежным отношением к будущему и жизни. Данный фактор отражает отсутствие сфокусированной временной перспективы. Люди с выраженным фактором убеждены, что будущее предопределено и на него нельзя повлиять индивидуальными действиями. Фактор положительного прошлого отражает теплое и сентиментальное отношение к прошлому. Данные осужденные более уверены в себе и умеют извлекать лучшее из трудных жизненных ситуаций.

У оставшихся 3 % более выраженным является фактор ориентации на будущее. Опрос сотрудников и анализ личных дел данной категории осужденных показали, что воспитывались они в полных семьях, взаимоотношения в семье были удовлетворительными или хорошими. В основном несовершеннолетние попали под дурное влияние сверстников и совершили уголовное преступление. В целом они не склонны к риску и имеют свои планы на жизнь: планируют закончить обучение и задумываются о профессиональной карьере.

Временная перспектива условно осужденных, находясь в искаженном состоянии, построена таким образом, что они оценивают события прошлого и настоящего как отрицательные. Испытуемые не смогли переосмыслить свой прошлый опыт и найти в нем положительные моменты, поэтому и настоящее рисуется им в тусклых красках. Это еще раз свидетельствует о том, что настоящее не переживается ими как следствие прошлого и они не осознают того, что все временные отрезки неразрывно связаны между собой, следовательно, они не видят целостной свою жизнь. Это означает, что подростки ориентированы на один временной отрезок (негативное прошлое) и неверное восприятие своей жизни.

Тест СЖО – это адаптированная версия теста «Цель в жизни» (Purpose-in-LifeTest, PIL) Дж. Крамбо и Л. Махолика. В основе данного теста – теория стремления человека к смыслу и логотерапии В. Франкла, цель – эмпирическая валидизация ряда представлений из указанной теории.

Тест СЖО включает в себя 20 пар утверждений, противоположных по значению, которые отражают представления о факторах осмысленности жизни личности. В рассматриваемой методике жизнь считается осмысленной при наличии целей, удовлетворении, получаемом при их достижении, и уверенности в собственной способности их перед собой ставить, добиваясь положительных результатов. Значимым является умение грамотно соотнести цели с будущим, эмоциональную насыщенность с настоящим, удовлетворение с прошлым (достигнутый результат).

По данным, полученным в результате проведения теста СЖО, осмысленность жизни у несовершеннолетних осужденных без лишения свободы находится на низком уровне.

Это подтверждается их неоднозначным отношением к разным промежуткам жизни – прошлому, настоящему и будущему. Шкала «Цели в жизни», характеризующая наличие или отсутствие целей в будущем, придающих жизни осмысленность, направленность и временную перспективу, показывает, что несовершеннолетние осужденные не ставят перед собой высокие цели и не готовы к поворотным событиям, которые, возможно, произойдут в будущем. Они не задумываются о новых планах на жизнь и не ждут от нее перспективного будущего.

Эмоциональная насыщенность и интерес к жизни у них находятся на среднем уровне развития. Интерпретация данной шкалы отражает теорию о том, что единственный смысл жизни заключается в том, чтобы жить. Подростки процесс своей жизни воспринимают как неинтересный, эмоционально не насыщенный и не наполненный смыслом.

Шкала «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией», отражающая оценку пройденного отрезка жизни и ощущения продуктивности и осмысленности ее прожитой части, находится также на низком уровне развития. Это свидетельствует о неудовлетворенности своим прошлым, которое, по их мнению, не придает никакого смысла настоящему или будущему. Шкалы «Локус контроля – Я», раскрывающая представления о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и задачами и представлениями, и «Локус контроля – жизнь или управляемость жизни» показывают, что большинство несовершеннолетних осужденных убеждены в самостоятельном принятии решений, воплощая их в реальность любыми способами, включая противоправные. Они уверены, что могут самостоятельно контролировать события, не хотят зависеть от влияния взрослых или подчиняться чужому мнению.

Результаты, полученные в ходе исследования с помощью методики СЖО, свидетельствуют о неудовлетворенности несовершеннолетних без лишения свободы своей настоящей и прошлой жизнью и отсутствии надежды на лучшее будущее. Все это подтверждает то, что подростки не могут адекватно оценивать свою временную перспективу и дают одностороннюю оценку своей жизни, лишенной, по их мнению, положительных моментов в прошлом и настоящем.

Локусы контроля испытуемых находятся на среднем уровне по отношению к другим показателям. Испытуемые уверены, что сами контролируют свою жизнь, свобода выбора для них не является чем-то иллюзорным, однако они не придают особого значения построению планов на будущее.

Таким образом, на основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что основной задачей, стоящей перед сотрудниками УИИ при работе с несовершеннолетними осужденными без лишения свободы, является проведение профилактической и коррекционной работы с учетом доминирующих временных перспектив. Психологи должны научиться определять и корректировать временную перспективу, имеющую огромное значение в жизни несовершеннолетних. Необходим комплексный подход, направленный на совместный анализ прошлых событий, негативно влияющих на психику данной группы осужденных. Общая направленность коррекции временной перспективы заключается в приведении человека в соответствие с объективным временем и его особенностями. Изменив отношение несовершеннолетних осужденных без лишения свободы ко времени, можно избавить их от утомительных мыслей, обременительных действий и помочь им найти более конструктивные жизненные пути, а также своевременно выявить и устранить причины и условия, способствующие противоправному поведению подростков. Психологам необходимо грамотно раскрывать успехи и положитель-

ные моменты их прошлой и настоящей жизни, тем самым помогая осознавать причины всех их проблем, возможно, переосмысливать ценности и менять смысло-жизненные ориентации, что положительным образом отразится на образе жизни, целеполагании и временной перспективе личности несовершеннолетних осужденных.

Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, не являются исчерпывающими по данному вопросу. Необходима дальнейшая углубленная работа в изучаемом направлении.

Библиографический список

1. Волоткевич О. В. Время как артефакт антиципации // Новая наука и формирование культуры знаний современного человека : материалы Междунар. науч.-практ. мероприятий Общества науки и творчества (г. Казань, янв. 2018 г.) / под общ. ред. С. В. Кузьмина. Казань, 2018. С. 79–84.
2. Власенко А. И. Временная перспектива как подструктура самосознания депривированной личности // Молодой ученый. 2014. № 8. С. 921–924.
3. Frank, L. K. 1939, 'Time perspective', *J. of Philosophy*, vol. 4, pp. 293–312.
4. Эленберг Г. Клиническое введение в психиатрическую феноменологию и экзистенциальный анализ // Экзистенциальная психология. Экзистенция / пер. с англ. М. Занадворова, Ю. Овчинникова. М., 2001. С. 201–237.
5. Эриксон Г. Эрик. Детство и общество. СПб., 1996. 592 с.
6. Агрессия как форма адаптивной психологической защиты у женщин с избыточной массой тела / А. В. Ротов [и др.] // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 1999. № 1. С. 81–83.
7. Левин К. Определение понятия «поле в данный момент» // Хрестоматия по истории психологии. М., 1980. С. 131–145.
8. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д. А. Леонтьева. М., 2004. 608 с.
9. Cottle, T. J. & Klineberg S. L. 1974, *The Present of Things Future: Exploration of Time in Human Experience*, NY.
10. Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб., 2001. 304 с.
11. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени: новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб., 2010. 352 с.
12. Дядченко Е. А., Поздняков В. М. Психологическое прогнозирование рецидивных преступлений несовершеннолетних, осужденных без лишения свободы : монография. Самара, 2014. 231с.

SCIENCE FORUM

Nikolay Semenovich Artem'ev, DSc (Law), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, professor of the criminology and crime prevention organization department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru

ABOUT THE RESULTS OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH OF CRIME IN THE SPHERE OF FAMILY AND HOUSEHOLD RELATIONS

Recommended citation

Artem'ev, N. S. 2019, 'About the results of criminological research of crime in the sphere of family and household relations / N. S. Artemiev', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 2, pp. 136–139, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.136-139.

Abstract. The relevance of the problem of crime prevention in the sphere of family and household relations is that among them there are intentional murders, causing serious harm to health. In addition, these crimes have a negative impact on children and adolescents who are constant witnesses of conflicts, scandals between parents, relatives and neighbors. In this regard, in order to develop effective preventive measures to prevent crimes in the sphere of family and household relations, it is necessary to conduct a criminological study of this type of crime. The information about the nature of these crimes and the persons who committed them, presented in the article, is obtained as a result of the study on a specially developed by the author program. On the basis of their generalization and study, a number of measures are proposed; they should constitute a set of preventive measures to avoid violent crimes in the sphere of family and household relations.

Keywords: crime in the sphere of family and household relations, criminological research, criminological research program.

References

Serdyuk, S. V. 2008, 'Criminological violence and criminal law', in: A. I. Dolgova (ed.), *Criminology*, Moscow.

Artem'ev, N. S. 2018, 'Criminological study of the behavior of victims in the commission of crimes in the sphere of family and household relations', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 1, pp. 22–28.

Vladimir Olegovich Belonosov, DSc (Law), Associate Professor, professor of the criminal procedure and criminology department, Samara Law Institute of the FPS of Russia, Samara, Russian Federation, e-mail: vladimirbelonosov@yandex.ru

THE CURRENT STATE OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATIVE DRAFTING IN RUSSIA

Recommended citation

Belonosov, V. O. 2019, 'The current state of criminal procedure legislative drafting in Russia', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 2, pp. 140–154, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.140-154.

Abstract. The article analyzes the current state of criminal procedure legislation (2017–2018) in order to assess the effectiveness of the newly introduced criminal procedure regulation and its characteristics. Interest in the topic is caused by the adoption in 2014 of 31 Federal laws that changed the code of Criminal procedure of the Russian Federation, and 4 decisions of the constitutional Court of the Russian Federation, which amended the code. The monthly adoption this year of 2.9 legal acts to amend the code of Criminal procedure of the Russian Federation had a number of negative consequences. The author calls this phenomenon hyperactive criminal procedural lawmaking, which by its characteristics does not correspond to the usual improvement of the law described in the theory of law. To study this phenomenon as General scientific methods of legal knowledge (analysis, synthesis, induction, deduction, analogy) and private scientific (formal legal, comparative legal, formal logical interpretation of the rules of criminal procedure law) were used. The issue of a comprehensive analysis of all the changes made to the Criminal procedure code of the Russian Federation in criminal procedure science has not been dealt with so far, although many authors have analyzed only a few regulatory changes, from which it was impossible to conclude about their hyperactive nature. Despite the excessively large number of amendments to the criminal procedure code of the Russian Federation, it has not improved. Today, no one argues that there are many imperfections and flaws. However, changes to the Criminal procedure code of the Russian Federation should be made not through opportunistic hyperactive legislation, but using a thoughtful, fundamental, integrated approach.

Keywords: criminal procedure, legislative drafting, amendment, article, gap, contradiction.

References

Belonosov, V. O. 2016, 'Changes in criminal-procedural legislation in 2016', in *Criminal procedure and criminalistics: theory, practice, didactics: collection of materials of the all-Russian scientific and practical conference (57th forensic readings)*, pp. 100–108, Moscow.

Belonosov, V. O. 2017, 'Criminal-procedural legislation in 2017', *Bulletin of Samara Law University*, vol. 3, iss. 4, pp. 100–104.

Belonosov V. O. 2018, 'On the current issues of criminal-procedural legislation', *Bulletin of Samara Law Institute*, iss. 2, pp. 15–22.

Kachalova, O. V. 2016, 'The criminal process is promised to be changed', *Criminal proceeding*, iss. 6, p. 11.

D'yakonova, O. G. & Shchepotinin, P. V. 2016, 'About the need to introduce an "obligatory" video record of court session', *Russian justice*, iss. 6, pp. 55–57.

Tulyanskiy, D. V. 2006, *The stage of sentence execution in criminal proceedings*, Moscow.

Malikova, N. B. 2005, *Procedural rules of the penal law and their functions in the execution of deprivation of liberty: PhD thesis (Law)*, Ryazan.

Andrey Ivanovich Kaplunov, DSc (Law), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, professor of the administrative law department, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: and-kaplunov@yandex.ru;

Dmitriy Aleksandrovich Grishin, PhD (Law), Associate Professor, head of the law faculty, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: dagr1979@rambler.ru

ABOUT NOVELTIES AND WAYS OF IMPROVEMENT OF THE LEGISLATION REGULATING THE RIGHTS OF PENAL STAFF TO USE FIREARMS

Recommended citation

Kaplunov, A. I. & Grishin, D. A. 2019, 'About novelties and ways of improvement of the legislation regulating the rights of penal staff to use firearms', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 2, pp. 155–162, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.155-162.

Abstract. The article is devoted to the description of the novelties and ways of improvement of the legislation regulating the rights of penal staff to use firearms. On the basis of the analysis of the norms, fixing conditions of legality of harm at application of physical force, special means and firearms, offers on their further improvement are formulated. The provisions of the legislation on the conditions of legality of harm infliction at the application of physical force, special means and firearms by the employee of the penal system, taking into account the position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 "About application by legislation courts on necessary defense and infliction of harm during the arrest of the perpetrator of the crime" (adopted on 27.09.2012) are analyzed. The authors substantiate the idea that the criminal code of the Russian Federation also applies to the number of Federal laws establishing the grounds for the use of firearms by an employee of the penitentiary system (part 1 of article 28 of the Law of the Russian Federation "On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of deprivation of liberty"). According to the results of the study, it is concluded that it is advisable to supplement the Law of the Russian Federation "On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of deprivation of liberty" with norms-definitions that reveal the concepts of "application" and "use" of firearms.

Keywords: employees of the penal system, the application of firearms, the use of firearms, causing harm, circumstances preventing crime.

References

Ponikarov, V. A. & Ponikarov, S. V. 2014, 'The relation of administrative and legal and criminal and legal regulation of weapons use by officers of the FPS and other law enforcement officers', *Man: crime and punishment*, iss. 1(84), pp. 119–121.

Kaplunov, A. I. 2018, 'About the criteria of legality determination of firearms use by police officers which caused harm to citizens and the organizations', *Administrative law and procedure*, iss. 7, pp. 77–82.

Sil'nikov, A. M. 2011, *Organizational and legal basis for the use of special means of coercion by police officers: PhD thesis (Law)*, St. Petersburg.

Kaplunov, A. I. 2013, 'On the legality of the use of physical force, special means and firearms by police officers', in *Administrative law: development of theoretical foundations and modernization of legislation*, vol. 8, pp. 242–248, Voronezh.

Lebedeva, O. O. 2017, *Legal regulation of compulsory measures of administrative prevention and suppression use: PhD thesis (Law)*, Nizhny Novgorod.

Yushkov, Yu. N. 1992, 'Institute of necessary defense and its role in the fight against crime in modern conditions', *State and law*, iss. 4, pp. 61–66.

Memnonov, A. 1928, 'About the use of weapons', *Administrative Bulletin*, iss. 4, pp. 27–31.

Kaplunov, A. I. 1997, *Legal basis for the use of firearms by police officers*, St. Petersburg.

Kaplunov, A. I. 1994, *Legal and tactical basis for the use of firearms by the police: PhD thesis (Law)*, Moscow.

Milyukov, S. & Nikulenko, A. 2012, 'The force counteraction to criminal behavior: analysis of modernization of the regulatory framework', *Criminal law*, iss. 6, pp. 41–47.

ABROAD

Nikolay Grigorievich Shuruhnov, DSc (Law), Professor, professor of the criminal procedure and criminology department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation; chief scientist of the Research Center-3, Scientific research institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: matros49@mail.ru

CERTAIN PROVISIONS OF INTERNATIONAL ACTS GOVERNING THE CONDITIONS OF SUSPECTS AND ACCUSED PERSONS' DETENTION

Recommended citation

Shuruhnov, N. G. 2019, 'Certain provisions of international acts governing the conditions of suspects and accused persons' detention', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 2, pp. 163–168, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.163-168.

Abstract. The article deals with separate Intercontinental (adopted by The United Nations) and continental (European) normative legal acts regulating the conditions of detention of suspects and accused persons who have committed crimes in respect of which the preventive measure of detention has been chosen. The article presents a summary of the Standard minimum rules for the treatment of prisoners adopted by the United Nations Congress in Geneva in 1955 and draws attention to the sanitary and hygienic conditions of detention. The emphasis is placed on the provisions of the Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms, the problems of their practical implementation. Some components of the European prison rules, which are of fundamental importance in ensuring the observance of the rights of persons deprived of their liberty, are given. The focus of the article is the European Convention for the prevention of torture and inhuman or degrading treatment or punishment, the Committee of the same name, as well as its reports on the inspection of detention facilities with an analysis of the conditions and recommendations aimed at improving the stay of suspects, accused persons who have committed crimes against which a preventive measure in the form of detention is implemented. The features of activity of the rooms functioning in the mode of the pre-trial detention centers created in the territory of correctional institutions are presented. The regime ensuring observance of the rights of suspects and accused, performance of their duties, their isolation, and also performance of the tasks provided by norms of the Criminal procedure code of the Russian Federation is considered.

Keywords: suspects, accused, United Nations, standard Minimum rules for the treatment of prisoners, European conventions on human rights, universal Declaration of human rights, Committee of Ministers of the Council of Europe, European prison rules, European Court of human rights.

References

Shuruhnov, N. G. 2018, 'Creating appropriate conditions for the detention of suspects and accused persons in custody as a means of ensuring their rights and freedoms', *Social and political sciences*, iss. 5, pp. 223–226.

Shuruhnov, N. G. 2018, 'Detention of suspects and accused persons: brief retrospective analysis, current state, separate requirements of international legal instruments', in *Theoretical*

and practical problems of the development of the penal system in the Russian Federation and abroad: collection of abstracts and reports of the participants of the International scientific and practical conference, vol. 1, pp. 163–171, Ryazan.

Instructions for the guard of the prison castle 1882, Perm, viewed 1 February 2019, http://arch.permculture.ru/bitstream/handle/permculture/1892/124307_read.pdf?sequence=2&isAllowed=y.

TIME LENS

Aleksey Aleksandrovich Sheptalin, PhD (History), Associate Professor, associate professor of theory and history of state and law department, Udmurt State University, Izhevsk, Russia, ORCID 0000-0001-5442-6160, ResearcherID V-7624-2018, e-mail: sheptalin@list.ru

GENESIS AND EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF PUNISHMENT IN PRIMITIVE SOCIETY

Recommended citation

Sheptalin, A. A. 2019, 'Genesis and evolution of the institution of punishment in primitive society', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 2, pp. 169–189, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.169-189.

Abstract. The article on the basis of the data of legal anthropology attempts to reconstruct the genesis and evolution of the institution of punishment in primitive society as an important component of the formation process of the regulatory system and its subsequent transformation into an institution of law. The relevance of this topic is connected both with its insufficiency and with the practice of incorrect generalizations in Russian science, which complicate the objective study of the genesis of law and the state. The object of the study is the institution of punishment, which changed in accordance with the complexity of social relations. The subject of the study is the phenomenon of punishment as a reaction of society to a certain violation of social norms and rules of behavior. The purpose of the work is to try to reveal in the historical dynamics of the general stages and patterns of occurrence and evolution of the institution of punishment in the pre-state period. The methodological basis of the study is the anthropological concept of multilineal neoevolutionism, allowing the correct use of materials on modern (synpolitical) primitive societies for the reconstruction of the pre-written period of history in general, and for the origin of law and the state in particular. Despite the fairly extensive historiography on various aspects of punishment in primitive times, the stated topic is characterized by a high degree of novelty, since in domestic law it has not yet become the subject of special consideration. The sources and special literature containing representative examples of punishments recorded by researchers in the XVIII – the early XX century in the regulatory practice of primitive tribes that did not have time to be influenced by civilization and preserved the traditional economic and household way of life are used. The institution of punishment has always been an integral part of the system of normative regulation of any ethnic group and directly depended on its forms and methods. There are three major periods in the development of normative regulation and evolution of the institution of punishment: the rinneradio (kinship) communities era, the post-protocol community era and the podneperovie community era. Before the neolithic evolution of the institution of punishment was developed within the framework of mononormatics, including unsplit

ethical, religious and legal norms. Until that time, the main torts and crimes, as well as the reaction of society to them in most tribes, traced a high degree of similarity. With the emergence of the productive economy, surplus product and private property, the institution of punishment was significantly transformed, gaining momentum for development within the framework of the emerging customary law. As a result of the socio-economic changes of the Neolithic era, as well as property and social differentiation increased conflictogenicity of the late tribal community, which led to the emergence of the institution of the court and the tightening of the practice of punishment in comparison with the tribal society. In the era of military democracy and the formation of proto-states is replacing the custom of blood revenge composition, significantly increasing the proportion of punishments of a material nature. Every assumption and assertion is confirmed by numerous ethnological examples, including the consideration by primitive courts of the existence of intent in determining punishment, as well as the active use by primitive potestary structures of methods of coercion and violence long before the institution of the state.

Keywords: institution of punishment, social sanctions, normative regulation in primitive society, crime in primitive society, punishment in primitive society, violation of taboo, blood revenge.

References

- Antonyan, Yu. M. & Zvizzhova, O. Yu. 2012, *Crime in human history*, Moscow.
- Berndt, R. M. & Berndt, K. H. 1981, *The world of the first Australians*, Moscow.
- Bogoraz, V. G. 1934, *Chukchi: translation from English*, in 2 vols, Leningrad.
- Georgievskiy, E. V. 2005, 'Deprivation of life in archaic societies: rites and life', *Siberian Legal Bulletin*, iss. 4, pp. 44–48.
- Zvizzhova, O. Yu. 2010, 'Primitive crime', *Society and law*, iss. 4(31), pp. 214–220.
- Jochelson, V. I. 1997, *Koryaks: material culture and social organization*, St. Petersburg.
- Kabo, V. R. 1986, *Primitive pre-agricultural community*, Moscow.
- Kosven, M. 1925, *Crime and punishment in pre-state society*, Moscow, Leningrad.
- Krashennikov, S. P. 1949, *The description of Kamchatka land*, Moscow, Leningrad.
- Lindenau, Ya. I. 1983, *Description of the peoples of Siberia (first half of XVIII century): historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and North-East: translation from German*, Magadan.
- Lockwood, D. 1971, *I am aborigine*, Moscow.
- Malinovskiy, B. 2004, *Selected works. Argonauts of the Western Pacific: translation from English*, Moscow.
- Malinovskiy, B. 2004, *Selected works. Cultural dynamics: translation from English*, Moscow.
- Mid, M. 1988, *Culture and world of childhood. Selected works: translation from English*, Moscow.
- Morgan, L. G. 1983, *League of hodenosaunee, or Iroquois*, Moscow.
- Pavlova, M. A. 2007, 'The emergence of the idea of punishment in pre-state society and in the Ancient East', *The penal system: law, economics, management*, iss. 3, pp. 29–30.
- Pershic, A. I. 1979, 'Problems of normative ethnography', in *Researches on general ethnography*, pp. 210–240, Moscow.
- Pustoroslev, P. P. 1892, *Analysis of the concept of crime*, Moscow.
- Tacitus, Cornelius 1993, *Compositions*, in 2 vols, St. Petersburg.
- Trikoz, E. N. 2001, 'Customary criminal law of aborigines of Australia (theoretical problems of research)', *Law and policy*, iss. 4, pp. 115–119.
- Hachaturov, R. L. 2011, 'From liability in primitive society to legal liability', *Vector of TSU science. A series of legal science*, iss. 4, pp. 141–147.

- Pokrovskiy, M. M. (ed.) 1948, *Caesar Gaius Julius. Notes of Julius Caesar and his successors on the Gallic war, the Civil war, the Alexandrian war, the African war*, Moscow, Leningrad.
- Sheptalin, A. A. 2016, 'On the application of ethnological materials in the reconstruction of the law and the state genesis', *Bulletin of Udmurt University, Series 2, Economics and law*, iss. 2, pp.137–143.
- Sternberg, L. Ya 1933, *Gilyak, Orochi, Golds, Negidal, Ainu*, Khabarovsk.
- El'kin, A. 1952, *The native people of Australia*, Moscow.
- Diamond, A. S. 1950, *Primitive Law*, 2nd edn, London.
- Grinnell, G. B. 1923, *Cheyenne Indians: Their History and Ways of Life*, vol. 1, New Haven.
- Gusinde, M. 1931, *Die Feuerland-Indianer*, in 3 bd., bd. 1, Die Selk'nam, Mödling bei Wien.
- Hartland, E. S. 1924, *Primitive Law*, London.
- Hoebel, E. A. 1954, *The Law of Primitive Man: A Study In Comparative Legal Dinamics*, Harvard University Press, Cambridge.
- Jhering, R. V. 1987, *Der Zweck im Recht*, bd. 1, Leipzig.
- Lowie, R. H. 1920, *Primitive Society*, New York.
- Maine, H. S. 1908, *Ancient Law*, London.
- Oberg, K. 1934, 'Crime and Panishment in Tlingit Society', *American Anthropologist*, vol. 36(2), pp. 145–156.
- Pospisil, L. 1971, *Anthropology of Law*, New Haven.
- Radcliffe-Brown, A. R. 1965, *Structure and Function in Primitive Society: Essays and Addresses*, The Free Press, New York.
- Rattray, R. S. 1929, *Ashanti Law and Constitution*, Oxford.
- Robson, W. A. 1935, *Civilisation and the Growth of Law*, New York.
- Steinmetz, S. R. 1894, *Ethnologische Studien zur ersten Entwicklung der Strafe: Nebst einer psychologischen Abhandlung uber Glausamkeit und Rachsucht*, bd. 2, Leipzig.

Aleksandr Mihaylovich Kiselev, lecturer of the organization of investigative activities department, Tomsk Institute of advanced staff training of the FPS of Russia, Tomsk, Russian Federation, e-mail: aleksandr1224@icloud.com;

Mihail Valentinovich Kiselev, PhD (Pedagogy), associate professor of the punishment execution organization department, Tomsk Institute of advanced staff training of the FPS of Russia, Tomsk, Russian Federation, e-mail: institut@70.fsin.su

FIFTY-YEAR PATH OF THE INSTITUTE OF WITNESSES STATE PROTECTION DEVELOPMENT IN THE WORLD AND ITS IMPLEMENTATION IN THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Recommended citation

Kiselev, A. M. & Kiselev, M. V. 2019, 'Fifty-year path of the Institute of witnesses state protection development in the world and its implementation in the penal system of the Russian Federation', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 2, pp. 190–198, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.190-198.

Abstract. The article deals with the retrospective development of state protection of participants in criminal proceedings in the Russian Federation and a number of foreign countries.

The analysis of approaches to the implementation of state protection of participants in criminal proceedings was made. An opinion was expressed on a number of proposals to amend the legislative acts of the Russian Federation. The problem related to the implementation of security measures in the implementation of the Federal law No. 119 (adopted on 20.08.2004) “On state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings” in institutions and bodies of the penal system of the Ministry of justice of the Russian Federation is analyzed, and proposals for its settlement are presented.

Keywords: state protection of witnesses, participants in criminal proceedings, security measures, institutions and bodies of the penal system, witness protection programme, economic opportunities, national law.

References

Zaycev, O. A. 1997, *Theoretical and legal bases of the state protection of participants involved in criminal proceedings*, Moscow.

Gorsheneva, I. A., Lukinskiy, A. V. & Mihaylova, N. V. 2014, *Formation and development of the Institute of state protection (historical and legal research)*, Moscow.

Solov'eva, N. A. 2017, 'Historical retrospective of formation and development of the Institute of security of participants in criminal proceedings', *Young scientist*, iss. 22(156), pp. 355–357.

Zhurkina, O. V. 2014, 'Comparative analysis of the state witness protection program in Russia and the USA', *Bulletin of Orenburg State University*, iss. 4(165), pp. 249–253.

Akberova, R. V. n.d., *At the origins of the witness protection program: USA and Russia*, viewed 20 March 2019, <http://izron.ru/articles/aktualnye-problemy-yurisprudentsii-v-za-rubezhom-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdun/sektsiya-7-ugolovnyy-protsess-kriminalistika-operativno-rozysknaya-deyatelnost/u-istokov-programmy-zashchity-svideteley-ssha-i-rossiya>.

Divaev, A. B. & Kiselev A. M. 2018, 'Some criminal procedural and operational investigative aspects of ensuring the security of participants in criminal proceedings', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 4(37), pp. 125–138.

Krasnova, K. A. 2015, 'Witness protection in states of EU', *International law*, iss. 4, pp. 66–86.

Spiridonov, S. A. n.d., *Experience of the witness protection organization in the State of Israel and the Slovak Republic*, viewed 20 March 2019, https://xn--b1amgt.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site152/folder_page/003/388/039/10_2014.pdf.

Sergey Vladimirovich Ponikarov, adjunct of the faculty of scientific and pedagogical personnel training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: minrs@yandex.ru

EVOLUTIONARY FORMATION AND DEVELOPMENT OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF SPECIAL PURPOSE UNITS OF INSTITUTIONS AND BODIES FUNCTIONING IN THE FIELD OF EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES

Recommended citation

Ponikarov, S. V. 2019, 'Evolutionary formation and development of law enforcement activities of special purpose units of institutions and bodies functioning in the field of execution of criminal penalties', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 2, pp. 199–208, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.199-208.

Abstract. The article defines the stages of formation and development of law enforcement activities of special purpose prison units. Taking into account the new conditions that have arisen as a result of the administrative reform in the field of public administration in the penitentiary system of Russia, the applied law enforcement activities of the special purpose units staff are considered. As a result of a comprehensive interdisciplinary study, the types of law enforcement activities of special purpose units that perform functions in the field of execution of criminal penalties are identified. The hypothesis of the study is based on the fact that the implementation of the types of law enforcement activities of the considered units is impossible without the disclosure of the evolutionary development of the penal system special purpose units. Thus, the relevance of the article is determined by the identification and analysis of previously unexplored foundations in the field of law enforcement officers of special purpose units of the penitentiary system.

Keywords: penitentiary institutions and authorities, law enforcement, prison unit of the special forces, the functions of the execution of sentences.

References

- Karamzin, N. M. 1991, *History of the Russian state*, Moscow.
- Galkin-Vraskoy, M. N. 1868, *Study of the prison issue*, St. Petersburg.
- Luchinskiy, N. F. 1904, *The foundations of the prison sentence*, St. Petersburg.
- Pechnikov, A. P. 2012, *Organizational and legal basis of prison management in the Russian state (1649 – October 1917)*, Moscow.
- Ponikarov, V. A., Ponikarov, S. V., Smolev, S. M. & Stroilov, S. V. 2018, 'The content of evidence in cases of administrative offenses in law enforcement of officers of special purpose divisions of the Federal Penal service', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 4, pp. 446–454.

MANAGEMENT VECTOR

Rinat Gayanovich Mironov, DSc (Law), Professor, professor of the law department, Eastern economic and humanitarian Academy, Ufa, Russian Federation, e-mail: mirorinat@yandex.ru;

Andrey Vasil'evich Shcherbakov, PhD (Law), Associate Professor, head of the department of regime organization and operational-search activity in the penal system, Pskov branch of the Academy of the FPS of Russia, Pskov, Russian Federation, e-mail: andrey-sherbakov-1973@yandex.ru

THE CURRENT STATE OF THE PENAL SYSTEM FUNCTIONING

Recommended citation

Mironov, R. G. & Shcherbakov, A. V. 2019, 'The current state of the penal system functioning', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 2, pp. 209–219, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.209-219.

Abstract. In modern conditions, the penal system of Russia is going through a difficult process of reform, the prerequisites and the course of which are set by two strategic, conceptually

reflected target achievements: 1) humanization of the penal system in the parameters of constitutional norms, taking into account international standards and democratization of the Russian society and the state; 2) increasing the efficiency of the penal system in the context of its social and special functions. On the one hand, the democratization of the state and society is changing the content of the functions, specific tasks, forms and methods of work of law enforcement agencies, including the penal system and its constituent bodies and institutions. In general, in the modern dynamically developing system of legal relations and values, the law enforcement service is no longer regarded as a power institution with unlimited repressive potential. On the contrary, it is the guarantor of the social and psychological comfort of citizens, as the meaning of law enforcement activity is to help a person to restore the violated right, including situations where it is violated by the state itself, by all permissible forces and means. On the other hand, there are new forms and sources of threats to personal, public and state security, including in connection with the functioning and development of the penal system. With the help of comparative and legal, structural and functional, regulatory and logical methods, and the method of interpretation of legal norms the article considers the current state of the penal system, identifies some starting points to understand the basics of its organization and functioning. In the course of studying and summarizing the special literature, the problems in this area are identified and the recommendations, aimed at improving the regulatory legal framework and practice, are proposed. The conclusions on the modernization of the penal system can be essential to ensure its safety in modern conditions of functioning.

Keywords: The Federal penitentiary service, the humanization of the penal system, the staff of penitentiary institutions, the special contingent, convicts, the security of the penal system.

References

- Elinskiy, A. V. 2012, 'Constitutional aspect of criminal law', *Comparative constitutional review*, iss. 3, pp. 159–176.
- Andreev, N. A. 2001, *Sociology of the execution of criminal penalties*, Moscow.
- Lelyuh, V. F. 2006, *The Russian penal system: the social problems of reforming: PhD thesis (Sociology)*, Kemerovo.
- Smirnov, L. B. 2007, *Penal system of Russia: theoretical, legal and organizational bases*, St. Petersburg.
- Bomberger, I. I. 2012, 'Reforming and establishment of the Russian penitentiary system', in P. I. Ostapenko (ed.), *Conceptual directions of the penal system reforming: materials of the interregional scientific and practical conference, August 13, 2012*, pp. 13–18, Vladimir.
- Utkin, V. A. 2017, *Problems of penal law*, Tomsk.
- Borsuchenko, S. 2016, 'The penal system: concept and content', *Ezh-Yurist*, iss. 41, p. 2.
- Bagreeva, E. G. 2012, 'Civil society institutions and the Russian penal system: from confrontation to cooperation', *Russian investigator*, iss. 22, pp. 35–38.
- Shamsunov, S. H. & Loseva, S. N. 2016, 'The place and the role of international standards in the Russian penal system', *The penal system: law, economics, management*, iss. 1, pp. 19–21.
- Alekseev, V. I. 2016, 'About the relation of punitive, philanthropic, correctional impact on convicts in the context of the strategy of penitentiary policy (1879–1917)', *The penal system: law, economics, management*, iss. 4, pp. 30–32.
- Tkachevskiy, Yu. M. 1995, 'New in the penal law. The law "On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of deprivation of liberty" (adopted on 21.07.1993)', *Bulletin of Moscow University, Series 11, Law*, iss. 1, p. 19.

- Bykov, A. V. 2015, 'The importance of foreign experience for the Russian penal system improvement', *Topical issues of education and science*, iss. 3–4, pp. 28–34.
- Zimnenko, B. L. 2010, *International law and the legal system of the Russian Federation. General part*, Moscow.
- Gachava, M. L. 2013, 'Humanization of serving a sentence as the main condition for ensuring the legal status of convicts in places of deprivation of liberty', *The penal system: law, economics, management*, iss. 5, pp. 2–4.
- Grishko, A. Ya. 2014, 'Penal law: declarations and realities that need to be updated', *Ombudsman*, iss. 2, pp. 4–9.
- Gorban', D. V. 2016, 'Progressive system of execution and serving of correctional labor', *Actual problems of Russian law*, iss. 4, pp. 176–183.
- Utkin, V. A. 2016, 'About the prospects of probation in Russia', *The penal system: law, economics, management*, iss. 4, pp. 5–8.
- Borsuchenko, S., Kosihin, D. & Anosov M. 2012, 'Course on the humanization of the prison system', *Ezh-Yurist*, iss. 18, pp. 14–15.
- Petrov, A. M. 2013, 'Penal policy as an expression of national state interests of Russia', in *Criminal and penal policy at the present stage of development of society and the state: domestic and foreign experience: materials of the International scientific and practical conference (Vladimir, November 29–30, 2012)*, pp. 222–226, Vladimir.
- Golovkin, R. B. 2013, 'Some problems of implementation of criminal and penal policy in modern Russia', in *Criminal and penal policy at the present stage of development of society and the state: domestic and foreign experience: materials of the International scientific and practical conference (Vladimir, November 29–30, 2012)*, pp. 64–66, Vladimir.
- Nikitin, A. M. 2016, 'Penitentiary criminal violence: modern problems of prevention', *The penal system: law, economics, management*, iss. 2, pp. 10–12.
- Petrov, S. M. 1995, *State control of the penal system and ways of its reform*, Domodedovo.
- Antonyan, Yu. M., Vereshchagin, V. A. & Kalmanov G. B. 1996, 'Prison subculture and neutralization of its negative manifestations', *State and law*, iss. 10, pp. 72–79.
- Alekseev, A. I., Ovchinskiy, V. S. & Pobegaylo E. F. 2006, *Russian criminal policy: overcoming the crisis*, Moscow.
- Mironov, R. G. & Minasov S. G. 2005, 'The Internal Affairs bodies and the penal system in the system of law enforcement agencies to ensure national security in the field of law and order', *Public and private international law*, iss. 6, pp. 47–53.
- Smirnov, A. M. 2016, 'Penal characteristics of minors sentenced to imprisonment for crimes against sexual integrity and sexual freedom of the person', *The penal system: law, economics, management*, iss. 6, pp. 13–15.
- Shcherbakov, A. V. 2007, *Criminal law and criminological aspects of the disorganization of the activities of institutions providing isolation from society: PhD thesis (Law)*, Moscow.
- Shalahin, I. V. 2011, *Theory and methodology of study and limitation (prevention) of crime, ensuring criminological security of the person*, Moscow.
- Loseva, S. N. & Garnik S. V. 2016, 'Work organization of convicts in the conditions of the penal system reform', *The penal system: law, economics, management*, iss. 3, pp. 16–19.
- Hohrin, S. A. 2016, 'Prison crime prevention: challenges and solutions', *Russian law Journal*, iss. 3, pp. 122–128.
- Seliverstov, V. I. 2016, 'Criminal and penal policy in the sphere of execution of deprivation of liberty: innovations of 2015', *Lex Russica*, iss. 9, pp. 188–204.
- Golovko, L. V. 2011, 'Penitentiary policy, humanity and the economy', *The penal system: law, economics, management*, iss. 5, pp. 29–32.

Smirnova, I. N. 2010, *Methodological, organizational and legal basis of the penitentiary system in the field of sentences execution not related to the convicts isolation of from society: PhD thesis (Law)*, Pskov.

Vedernikova, O. N. & Geynce O. V. 2016, 'The impact of the practice of criminal sentencing on the state of recidivism: the regional dimension', *Criminal law*, iss. 2, pp. 109–115.

Gravina, A. A. 2016, 'Trends in the development of criminal legislation at the present stage', *Russian law Journal*, iss. 11, pp. 95–106.

Kudryavcev, A. V. 2013, 'Operational-search activity as a means of reducing criminality of penal legal relations', *The penal system: law, economics, management*, iss. 5, pp. 20–23.

Goryainov, K. K. & Ivan'kov, I. A. 2016, 'Operational-search support of the punishment execution and its purposes', *The penal system: law, economics, management*, iss. 2, pp. 3–6.

Degtyareva, O. L. 2015, 'National features of growth and decrease of the recidivism level among the persons sentenced to punishment and the measures of criminal and legal character which are not connected with isolation from society in the general structure of the crimes, committed on the territory of the country', *The penal system: law, economics, management*, iss. 1, pp. 3–6.

Plyushcheva, E. L. 2015, 'Theoretical and legal aspects of control over convicts without isolation from society', *Russian investigator*, iss. 13, pp. 46–48.

Grekov, M. L. 2012, 'On the need for a gradual transition from colonies to prisons', *Russian investigator*, iss. 23, pp. 52–54.

Kalyashin, A. V. 2014, 'On the issue of demilitarization of the penal system of the Russian Federation', *Administrative and municipal law*, iss. 12, pp. 1225–1233.

Ostapenko, P. I. 2012, 'Priority areas of the penitentiary system personnel support', *The scientific journal of the Kuban State Agrarian University*, iss. 80(06), pp. 1–12.

Aleksandr Yur'evich Dolinin, PhD (Law), Associate Professor, head of the department of management and organization of the penal system activities, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: aleksander.dolinin@yandex.ru

INCREASING OF EFFICIENCY REGULATION OF THE EMPLOYEES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OFFICIAL ACTIVITY

Recommended citation

Dolinin, A. Yu. 2019, 'Increasing of efficiency regulation of the employees of the Federal penitentiary service official activity', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 2, pp. 220–225, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.220-225.

Abstract. Regulation of work on a scientific basis is the most important means of improving the efficiency of the official activity of employees of the penitentiary system. Currently, the following types of regulations are used in the practice of management of institutions and bodies of the Federal penitentiary service: 1) the regulations established the organizational structure of management (sample and model structure, calculations of staff number); 2) documentation regulating personnel support (staff lists, documents of personnel records, etc.); 3) regulations relating to the methods of management (the set of rules of the correctional institution, internal labor regulations, job descriptions, regulations on structural units, etc.). The regulations stipulating the functions and techniques of management and their information support, which reduces

the performance of agencies and bodies of FPS activities are presented to a lesser extent. The use of the following types of regulations will contribute to the formation of an effective system of regulation of employees of the penitentiary system activity:

1) regulations that established the management functions designed to improve the efficiency of the division and cooperation and staff service activities, their interactions (schemes of functional interactions of the structural units of the institution, a functional matrix of separation of duties in the structural units of the institution will clearly define, delineate and regulate the powers of the departments, officials and employees, to define the hierarchy of authority, to facilitate monitoring and coordination of the personnel activities, avoid unnecessary duplication of functions;

2) regulations establishing the processes and technologies of management (summary map of the procedure, the structure of the complexity of the procedure, the operogram of the process, the organogram of the process, the document of the process, the logic and information scheme) will clearly define the algorithm for performing a wide range of tasks and functions facing institutions and bodies, to organize and specify the activities of departments, officials, employees and their interaction, to determine and fix the time of performance of specific service tasks and functions;

3) the regulations establishing information support of management (schemes of information flows, schemes of document flow) will allow to define rational communications between sources and consumers of information, ways of its circulation, and also to define the exhaustive list of the input and output documents necessary for the solution of various service tasks.

Keywords: the penal system, work with personnel, staff of the penal system, regulation.

References

- Vesnina, E. V. 2015, *Human resource management. Theory and practice*, Moscow.
- Kibanov, A. YA., Mamed-Zade, G. A. & Rodkina T. A. 2003, *Personnel management. Regulation of labor*, Moscow.
- Kibanov, A. YA. & Rodkina T. A. 2009, 'Standard forms of management activity regulations', *The worker of the personnel department. Staff records management*, iss. 7, pp. 29–36.

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

Evgeny Vladimirovich Blagov, DSc (Law), professor of the criminal law and criminology department, Yaroslavl state University named after P. G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation, e-mail: blagov@uniyar.ac.ru

ABOUT THE GROUP OF PERSONS IN CRIMINAL LAW

Recommended citation

Blagov, E. V. 2019, 'About the group of persons in criminal law', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 2, pp. 226–232, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.226-232.

Abstract. The article analyzes the criminal law prescriptions on a group of persons, gives the author's interpretation of the qualitative and quantitative characteristics of the phenomenon in question. From the point of view of quantitative characteristics, there should

be more than one person (several people) in the group of executors. The maximum number of them is not defined by the law. Therefore, it can be any. With a qualitative characteristic, it is necessary to decide who the executor is in this case and whether he should be the subject of the crime. It touches upon the aspect of the definition of the concept of the executor and co- executor of the crime, to which in practice and in the theory of criminal law the attitude is not uniform. A group of persons on the basis of the law may be persons (executors) who have directly committed a crime, and directly participated in the commission of a crime together with other persons (co-executors). It is important to remember that in the latter case, the concept of the executor legislator limited signs of direct participation and its compatibility with co-executors. The problem of definition of the concept of preliminary collusion is revealed. A preliminary collusion to commit murder presupposes an agreement, expressed in any form, between two or more persons prior to the commission of acts directly aimed at depriving the victim of his or her life.

The moment of its occurrence and achievement is of particular importance. Attention is paid to the issue of differentiation of a group of persons from a group of persons by prior agreement. It consists in the fact that in the latter, a general agreement on the commission of a crime is reached long before it is actually committed. This decision does not follow from the law at all. The mechanism of education and normative signs of a group of persons are singled out and disclosed, it is indicated that some of them are unnecessary for understanding. Controversial decisions in its interpretation in theory and in practice are revealed.

Keywords: a group of people, executor, the subject of the crime, co-executors, a person, a preliminary collusion.

References

- Arutyunov, A. A. 2013, *Complicity in the crime*, Moscow.
- Bykov, V. 2000, 'Structure of the qualifying sign of crime commission by a group', *Criminal law*, iss. 3, pp. 11–14.
- Zacepin, M. A. 2017, *Additional qualification of the crime: general and special issues*, Moscow.
- Kozlov, A. P. 2001, *Complicity: tradition and reality*, Moscow.
- Kruglikov, L. L. 2010, *Problems of the theory of criminal law: selected articles of 2000–2009*, Yaroslavl.
- Nazarenko, G. V., Sitnikova, A. I. & Bajbarin, A. A. 2017, *The subject of the crime in domestic criminal law*, Moscow.
- Ozhegov, S. I. 2016, *Dictionary of the Russian language*, Moscow.
- Tagancev, N. S. 1994, *Russian criminal law. General part*, in 2 vols, Moscow.
- Timchenko, A. N. 1981, 'On the concept of a group of persons in soviet criminal law', in Ya. O. Motovilovker (ed.), *Guarantees of human rights in socialist criminal law and procedure*, pp. 126–133, Yaroslavl.
- Hmelevskaya, T. A. 2000, *Types of group crimes and their qualification under the Criminal code of the Russian Federation: PhD thesis (Law)*, Moscow.
- Shatov, S. A. 2012, *Complicity in the crime*, St. Petersburg.

Vladimir Gennad'evich Gromov, DSc (Law), Professor, head of the criminal, environmental law and criminology Department, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation, e-mail: gromov_vg@mail.ru

WOMEN'S CRIME: ISSUES OF DETERMINATION AND PREVENTION

Recommended citation

Gromov, V. G. 2019, 'Women's crime: issues of determination and prevention', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 2, pp. 233–237, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4). 2.233-237.

Abstract. The article is devoted to the causes of female crime, as well as factors affecting its quantitative and qualitative changes. Prevention of women's crime is one of the most important areas of complex, multifaceted activities of the Internal Affairs bodies, bodies and institutions of the penal system and other law enforcement agencies. Features of the personality of women, their objective position in the system of social relations necessitate consistent intensification of measures to combat this form of criminal manifestations and are directly dependent on the scientific validity of the relevant general and individual preventive measures, their focus, consistency and mutual coherence. Work on the prevention of women's crime can be successful only if it is based on the provisions of criminology, pedagogy, psychology, and achievements of other sciences. On the basis of the study, as well as taking into account the characteristics of the determinants of women's crime, it is concluded that there is need for the prevention of this type of crime with the help of social, legal, organizational, psychological, pedagogical and other measures.

Keywords: women, female crime, crime, causes of crime, crime prevention.

References

- Kazakova, V. A. n.d., *Characteristics of women serving deprivation of liberty (based on the special census of convicts adopted in 2009)*, viewed 3 March 2019, <https://wiselawyer.ru/poleznoe/62505-kharakteristika-zhenshhin-otbyvayushhikh-lishenie-svobody-materialam-specialnoj>.
- Alekseev, D. Yu. 2010, 'Alcoholism and drug addiction as causes of female crime', *Actual problems of humanitarian and natural sciences*, iss. 2, pp. 177–178.
- Karpec, I. I. 1992, *Crime: illusions and reality*, Moscow.
- Lugovenko, T. P. 2012, 'Some aspects of the female crime prevention', *Bulletin of Ivanovo State University. A series of natural and social sciences*, iss. 1, pp. 30–36.
- Bartasyuk, A. A. & Kontanistov I. V. 2013, 'The main directions of female crime prevention: actual problems and prospects of development', *The scientists notes of the Pacific State University*, vol. 4, iss. 4, pp. 539–547.

Aleksandra Nikolaevna Myahanova, associate professor of the criminal law and criminology department, Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: alex27-m@mail.ru;

Tat'yana Il'inchna Erhitueva, PhD (Law), Associate Professor, deputy dean of the law faculty, Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: tanja_77@mail.ru

SOME GAPS IN THE PAROLE APPLICATION FOR JUVENILES RECOMMENDED CITATION

Recommended citation

Myahanova, A. N. & Erhitueva, T. I. 2019, 'Some gaps in the parole application for juveniles', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 2, pp. 238–242, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.238-242.

Abstract. The institute of parole from serving the sentence of juveniles is considered in the article. This Institute is known to the Russian criminal law a long time ago, the courts in general compliance with the requirements of the law about early parole; however, there are cases of violation of the law provisions. The determination of the grounds for the application of parole is of great importance for both theory and practice. A common understanding of the grounds for the use of parole will lead to further improvement of this institution. The lack of clear legal regulation of the specified Institute complicates the solution of practical questions, including application of the grounds of parole from punishment, compliance with the terms of the cancellation of parole. The main problem of parole continues to be the high rate of recidivism.

Keywords: release from punishment, parole, serving a sentence, the incentive measure of criminal-legal nature, resocialization.

References

Usmanov, I. M. 2018, 'Parole of juveniles sentenced to imprisonment', *Scientific notes of the Kazan law Institute of the MIA of Russia*, vol. 3, iss. 1(5), pp. 23–27.

Kashuba, Yu. A. & Skiba A. P. 2011, 'Institute of parole: a new view', *Man: crime and punishment*, iss. 1, pp. 14–17.

Erkhitueva, T. I., Shcherbakov, G. V., Myakhanova, A. N. & Dondokova, M. Yu. 2018, 'The importance of probation and parole in achieving the objectives of punishment', *Man: crime and punishment*, vol. 26(1–4), iss. 1, pp. 57–63.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Aleksandr Mihajlovich Smirnov, PhD (Law), Associate Professor, leading researcher of Research Center-2, Scientific research institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, ORSID 0000-0003-4779-4971, researcher ID M-8979-2018, e-mail: vipnauka@list.ru

CRIMINOLOGICAL PROBLEMS OF THE PHENOMENON “JUSTIFICATION OF EVIL”

Recommended citation

Smirnov, A. M. 2019, 'Criminological problems of the phenomenon “justification of evil”', *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 2, pp. 243–248, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.243-248.

Abstract. The article actualizes the problem of the spread of the phenomenon of “justification of evil” in the Russian state and society, which consists in the justification, substitution for the benefit of various acts (measures), wholly or partly containing elements of evil. According to those who justify evil, their actions aimed at this justification are humane, contain a religious component or are predetermined by considerations of achieving social justice. The phenomenon under discussion finds its implementation in the nature of the state's response to the committed crimes, determined by its criminal policy and reflected in the provisions of

the Criminal code of the Russian Federation; explanation by persons, who were found guilty of committing socially dangerous acts, the motives for carrying out these acts, based on the content of religious texts; motivation of independent response of citizens out of the court to guilty persons (in their opinion), whose actions causing harm or conducting anti-social (immoral) lifestyle, carried out through the commission of criminal acts against these persons. The phenomenon “justification of evil” is quite a serious criminological problem for our country, because it has very dangerous consequences in the form of the spread of social aggression in society, the growth of crime (primarily violent) or maintaining it at a sufficiently high level, the degradation of the civilized foundations of the social relations functioning, reducing the cultural and moral development of the Russian society, the return to the primitive mechanisms of regulation of social processes. That is why it is necessary to develop adequate measures to prevent the development of this phenomenon in the Russian society, aimed at improving the cultural and moral level of development of the Russian society, reducing the speed of humanization of domestic criminal policy, improving the practice of responding to crime, bringing it in line with social expectations.

Keywords: the justification of evil, an insignificant act, the age of criminal responsibility, the insanity defense, circumstances precluding criminality, juvenile crime, lynching.

References

- Il'ichev, L. F. 1983, *Philosophical encyclopedic dictionary*, Moscow.
- Gubskiy, E. F., Korableva, G. V. & Lutchenko, V. A. (eds) 2003, *Philosophical encyclopedic dictionary*, Moscow.
- Ushakov, D. N. 2005, *Large explanatory dictionary of the modern Russian language*, Moscow.
- Frolova, I. T. (ed.) 2001, *Philosophical dictionary*, 7th edn, Moscow.
- Smirnov, A. M. 2015, *Sexual crime of juveniles*, Moscow.
- Tokarev, S. A. (ed.) 1986, *Religion in the history of the world nations*, Moscow.
- Kuliev, E. R. 2014, *Koran. Translation of the meanings and commentary*, Moscow.
- Lebedev, S. Y. & Valuev, M. V. 2015, ‘Criminal violence under the banner of social justice: criminological assessment of group crimes committed by modern “nurses” of the society’, *Theory and practice of social development*, iss. 14, pp. 70–74.

Olesya Vyacheslavovna Volotkevich, Adjunct of the faculty of scientific and pedagogical personnel training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ovolotkevich@bk.ru

TEMPORARY SPACE OF THE PERSON: TIME PERSPECTIVE OF JUVENILE CONVICTS WITHOUT DEPRIVATION OF LIBERTY

Recommended citation

Volotkevich, O. V. 2019, ‘Temporary space of the person: time perspective of juvenile convicts without deprivation of liberty’, *Man: crime and punishment*, vol. 27(1–4), iss. 2, pp. 249–258, doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.249-258.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of problematic issues relating to the phenomenon of “time perspective” on the example of juvenile convicts without

deprivation of liberty. The purpose of the article is to clarify the content of the concept of “time perspective” on the basis of the analysis of various theories and the definition of the leading time perspective in this group of convicts. The temporal perspective is a reflection of the attitudes, beliefs and values of the individual associated with time. There is a certain connection between the components of the personal organization of human time and its behavior. The study of this concept reveals the contradiction of psychological knowledge and psychological science of value between the humanistic and objective and scientific characteristics of the psyche and personality, as well as methods of their research. There was a need for a more objective and deep study of the structure of the organization and the measurement of time. Time of the person and the way of its organization must meet socially necessary requirements, useless or wrong waste of time becomes a source of emotional distress. The time perspective is the foundation of the value-motivational sphere of personality and is interconnected with the anticipatory reflection and processes of anticipation. There are six time zones: two relate to the past, two – to the present and two – to the future. Each person looks at the world through the glasses of his time perspective. Research, conducted in line with this paradigm, is aimed at identifying and studying the phenomenon of the time perspective of the personality of juvenile convicts without deprivation of liberty. The data obtained in the study are necessary for the regulation of adolescents’ attitude to the prevailing time perspective. Competent work of specialists in this direction can have a positive impact on the prevention of illegal behavior of juvenile convicts without imprisonment. The results can also be used to develop a psychocorrectional program aimed at resocializing this group of convicts and focusing on the future by working with the past, present and ideas about the future. By changing the attitude of juvenile convicts without isolation from society to time, we can save them from tedious thoughts, burdensome actions and help them find more constructive ways of life.

Keywords: anticipation, temporal space of personality, temporal perspective, time, theories of temporal perspective, anticipatory reflection, forecasting, juvenile convicts.

References

Volotkevich, O. V. 2018, ‘Time as an artifact of anticipation’, in S. V. Kuz’min (ed.), *New science and the formation of a culture knowledge of a modern man: materials of International scientific and practical activities of the Society of science and creativity (Kazan, January 2018)*, pp. 79–84, Kazan.

Vlasenko, A. I. 2014, ‘Temporary perspective as a substructure of self-consciousness of a deprived person’, *Young scientist*, iss. 8, pp. 921–924.

Frank, L. K. 1939, ‘Time perspective’, *J. of Philosophy*, vol. 4, pp. 293–312.

Elenberg, G. 2001, ‘Clinical introduction to psychiatric phenomenology and existential analysis’, in M. Zanadvorov, Yu. Ovchinnikov (eds), *Existential psychology. Existence*, pp. 201–237. Moscow.

Erikson, G. 1996, *Eric. Childhood and society*, St. Petersburg.

Rotov A. B. 1999, ‘Aggression as an adaptive form of psychological protection in women with excessive body mass’, *Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*, no. 1, pp. 81–83.

Levin, K. 1980, ‘Definition of “field at the moment”’, in *Reader on the history of psychology*, pp. 131–145, Moscow.

Nuttin, J. 2004, *Motivation, action and future prospects*, Moscow.

Cottle, T. J. & Klineberg S. L. 1974, *The Present of Things Future: Exploration of Time in Human Experience*, NY.

-
- Abul'hanova, K. A. & Berezina, T. N. 2001, *Personality time and life time*, St. Petersburg.
- Zimbardo, P. & Boyd J. 2010, *The paradox of time: a new psychology of time that will improve your life*, St. Petersburg.
- Dyadchenko, E. A. & Pozdnyakov V. M. 2014, *Psychological prediction of juvenile convicts' recidivism without deprivation of liberty*, Samara.

Научное издание

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

Редактор *А. Ю. Пертли*

Корректор *О. А. Кейзина*

Перевод *О. Р. Белозерова*

Компьютерная верстка *С. В. Ануфриев*

Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 28.06.2019. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 9,50. Усл. печ. л. 8,84. Тираж 1500 экз.

Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1